К43 9/83

X
T
1d439/83

†3

R 439/83
Библиотека М. С. Покровскаго

ИСТОРИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ

О

ЛИТОВСКОМЪ ДВОРЯНСТВѢ.

СОЧИНЕНІЕ

Коллежскаго Совѣтника **Ивана Порай-Кошица.**

12956
15 - IV - 1956

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.
1858.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 30-го Іюля 1858 года.

Цензоръ *Палаузовъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ИСТОРИЧЕСКАГО РАЗСКАЗА О ЛИТОВСКОМЪ ДВОРЯНСТВѢ.

стр.

Предисловіе VII

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ

О ДВОРЯНСКОМЪ СОСЛОВІИ БЫВШАГО ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКАГО.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О ДВОРЯНСКОМЪ СОСЛОВІИ ДРЕВНЕЙ РУСИ ОТЪ НАЧАЛА ПОЛИТИЧЕСКАГО ЕЯ БЫТІЯ ДО ПОЛОВИНЫ XV ВѢКА (862—1462).

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

отъ основанія Руси до кончины Великаго Князя Ярослава (862—1054) 5

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ

отъ кончины Великаго Князя Ярослава до половины XV столѣтія, или до восшествія на великокняжескій престолъ Іоанна III Васильевича (1054—1462) 7

ГЛАВА ВТОРАЯ

О СУЩЕСТВОВАНІИ ДВОРЯНСТВА ВЪ ЛИТВѢ ВЪ ТОМЪ ЖЕ, КАКЪ И ВЪ ДРЕВНЕЙ РУСИ, ЗНАЧЕНІИ СО ВРЕМЕНЪ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ЛИТОВСКАГО ГЕДИМИНА ДО ВОСШЕСТВІЯ ВНУКА ЕГО, ЯГЕЛЛА, НА ПОЛЬСКІЙ ПРЕСТОЛЪ (1315—1386).

1. Литва подъ властію Руси 13

стр.

2. Самобытность Литвы и усиленіе ея посредствомъ завоеванія земель русскихъ 14
и 3. Внутреннее устройство Литвы по основнымъ началамъ русскаго быта 16

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ОБЪ ИЗМѢНЕНІИ ПРАВЪ ЛИТОВСКАГО ДВОРЯНСТВА, ПРОИСХОДИВШЕМЪ ПРИ ЯГЕЛЛѢ И ЕГО ПРЕЕМНИКАХЪ, ДО СОЕДИНЕНІЯ ЛИТВЫ И ПОЛЬШИ ВЪ ОДНО ГОСУДАРСТВО (1386—1569).

1. Стремленіе Ягелла къ соединенію Литвы и Польши, и стѣсненіе имъ правъ литовскихъ православныхъ дворянъ . . 21
2. Правительственныя мѣры, имѣвшія предметомъ соединеніе Литвы и Польши 22
и 3. Окончательное соединеніе Литвы и Польши въ одно государство, при Сигизмундѣ Августѣ, въ 1569 г. 28

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

О ПОЛОЖЕНІИ ЛИТОВСКАГО ДВОРЯНСКАГО СОСЛОВІЯ, ВЪ КОТОРОМЪ ОНО ОСТАВАЛОСЬ СО ВРЕМЕНИ СОЕДИНЕНІЯ ЛИТВЫ И ПОЛЬШИ ВЪ ОДНО УПРАВЛЕНІЕ ДО ИСХОДА XVIII СТОЛѢТІЯ (1569—1795).

1. Устройство въ Литвѣ внутренняго управленія страною по образцу Польши 31
и 2. Измѣненіе гражданскаго быта литовскаго дворянства, согласно съ польскими уставами и обычаями, оставшееся въ своей силѣ до конца XVIII столѣтія 33

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ

О ДВОРЯНСКИХЪ ГЕРБАХЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О ПРОИСХОЖДЕНІИ ГЕРБОВЪ.

1. Качества гербовъ, внѣшнее и внутреннее. 65
2. Употребленіе символическихъ знаковъ древними народами . 66
3. Употребленіе символическихъ знаковъ германскими народами, по разрушеніи западной римской имперіи 68

стр.

4. Появленіе у народовъ Западной Европы дворянскихъ гербовъ, въ настоящемъ значеніи этого слова, въ исходѣ XI и въ началѣ XII вѣка 71
5. Усовершенствованіе дворянскихъ гербовъ на турнирахъ и во время крестовыхъ походовъ 80
и 6. Появленіе гербовъ въ Польшѣ и Литвѣ. 85

ГЛАВА ВТОРАЯ

О ГЛАВНѢЙШИХЪ СОСТАВНЫХЪ ЧАСТЯХЪ ГЕРБОВЪ.

1. Существенныя части герба 92
и 2. Прибавочныя части герба 96

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ

О ДВОРЯНСКОМЪ РОДѢ ПОРАЙ-КОШИЦОВЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О ПРОИСХОЖДЕНІИ СИМВОЛИЧЕСКАГО ЗНАКА — РОЗЫ, ПОЛУЧИВШАГО ВЪ X ВѢКѢ НАЗВАНІЕ ПОРАЙ.

1. Символическое значеніе розы у древнихъ Римлянъ . . . 103
2. Появленіе символическаго знака — Розы въ Польшѣ и Литвѣ подъ названіемъ Порай 105
и 3. Описаніе герба Порай 109

ГЛАВА ВТОРАЯ

О ФАМИЛІИ КОШИЦЪ ГЕРБА ПОРАЙ ПО УКАЗАНІЮ ИЗВѢСТНѢЙШИХЪ ГЕРБОПИСАТЕЛЕЙ И ОФИЦІАЛЬНЫХЪ ДОКУМЕНТОВЪ.

1. Свѣдѣнія о фамиліи Порай-Кошицъ, заимствованныя изъ сочиненій гербописателей 111
и 2. Свѣдѣнія о фамиліи Порай-Кошицъ, почерпнутыя изъ офиціальныхъ документовъ 114

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

О ТОЖДЕСТВѢ ФАМИЛІЙ, ПИШУЩИХСЯ СЛОВАМИ — Кощичъ или Кощицъ и Кошицъ — ГЕРБА Порай.

1. Тождество фамильныхъ словъ — Кощичъ или Кощицъ и Кошицъ, — выказывающееся при сличеніи выговора буквъ, которыми они выражаются на латинскомъ, польскомъ и русскомъ языкахъ 129

стр.

2. Свѣдѣнія о тождествѣ фамильныхъ словъ — Кощичъ или Кощицъ и Кошицъ, — заимствованныя изъ свидѣтельствъ генеалогическихъ писателей и судебныхъ актовъ о лицахъ, носившихъ эти названія 133
и 3. Свѣдѣнія о тождествѣ фамильныхъ словъ — Кощичъ или Кощицъ и Кошицъ, перешедшія, по преданію, отъ предковъ къ потомкамъ. 136

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

О ПЛЕМЕННОМЪ ПРОИСХОЖДЕНІИ И ВѢРОИСПОВѢДАНІИ ЧЛЕНОВЪ ФАМИЛІИ ПОРАЙ-КОШИЦЪ.

1. Указаніе на факты, разрѣшающіе вопросъ о племенномъ происхожденіи членовъ фамиліи Порай-Кошицъ 139
2. Указаніе на факты, служащіе къ объясненію вопроса, о вѣроисповѣданіи членовъ фамиліи Порай-Кошицъ 140
и 3. Выводы, сдѣланные, по соображеніи историческихъ фактовъ, о томъ, кто изъ членовъ фамилій Порай-Кошицъ и какому слѣдовалъ вѣроисповѣданію. 147

Приложенія къ третьему отдѣлу 155

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ архивахъ старинныхъ гродскихъ судовъ минскаго, ошмянскаго и овручскаго, существовавшихъ нѣкогда въ бывшемъ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, сохранились завѣщательные акты о недвижимомъ населенномъ имѣніи, находившемся въ вотчинномъ владѣніи лицъ рода Порай-Кошицовъ, акты, внесенные почти за двѣсти лѣтъ передъ симъ въ государственныя судебныя книги и, по владѣнію такимъ имѣніемъ, послужившіе вѣрнымъ доказательствомъ дѣйствительности дворянства сказанныхъ лицъ, равно и того, что они, съ незапамятныхъ временъ, имѣли прочную осѣдлость на землѣ литовской, а слѣдовательно, и по рожденію и по образу жизни, принадлежали издревле къ тамошнему дворянскому сословію.

Этотъ фактъ, взятый изъ офиціальнаго источника и отличающійся поэтому важнымъ достоинствомъ — достовѣрностію, навелъ меня на мысль

ознакомиться поближе съ тѣми, *вообще,* историческими событіями, подъ вліяніемъ которыхъ возникло и установилось дворянское сословіе въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, и съ тѣми, *въ особенности,* письменными и словесными преданіями, которыя сообщили извѣстіе о причастныхъ сему сословію лицахъ помянутаго рода.

Пособіемъ, для удовлетворенія этимъ двумъ требованіямъ, послужили мнѣ: во-первыхъ, печатныя книги, содержащія въ себѣ постановленія о дворянскомъ сословіи Великаго Княжества Литовскаго и указанія нѣкоторыхъ авторовъ на событія, совершившіяся въ семъ государствѣ въ отношеніи того сословія; и во-вторыхъ, судебные документы и другія, имѣющія офиціальное значеніе, бумаги, представляющія свѣдѣнія о положеніи общественномъ лицъ, вошедшихъ въ родословную таблицу фамиліи Порай-Кошицъ.

Послѣднія бумаги, выданныя и засвидѣтельствованныя государственными учрежденіями [1], и принадлежащія посему къ разряду офиціальныхъ источниковъ, находятся у меня подъ рукою. Но, чтобы почерпнуть истинное знаніе о Литовскомъ Дворянствѣ, въ смыслѣ общемъ, изъ древнихъ и новыхъ печатныхъ памятниковъ письменности, я, по жительству и служенію моему въ С. Петербургѣ,

[1] См. ниже стр. 122—125. — Прилож. къ Отд. III стр. 155—167.

посѣщалъ, въ теченіе четырехъ лѣтъ и болѣе (1853 — 1857), въ часы вечерніе, свободные отъ постоянныхъ, вседневныхъ моихъ трудовъ по обязанностямъ служебнымъ, Императорскую Публичную Библіотеку, извлекъ изъ хранящихся тамъ, доступныхъ мнѣ сочиненій, многія полезныя для поясненія избраннаго мною предмета данныя, изложилъ эти данныя въ связной послѣдовательности, — и — окончательнымъ результатомъ такого труда — было появленіе предлагаемой книги подъ заглавіемъ: «Историческій разсказъ о Литовскомъ Дворянствѣ».

При составленіи этой книги, держался я слѣдующаго плана:

Указавъ, въ извлеченіи, на историческія событія, при которыхъ возникло дворянское сословіе въ Литвѣ до соединенія ея съ Польшею, прослѣдивъ положеніе этого сословія, по соединеніи сихъ двухъ державъ подъ однимъ скипетромъ, я коснулся лѣтописныхъ извѣстій, о происхожденіи и употребленіи символическихъ или гербовыхъ знаковъ у народовъ вообще и въ частности въ Польшѣ и Литвѣ, и занялся изложеніемъ послѣдняго предмета потому собственно, что дворянскій гербъ въ этихъ двухъ странахъ составлялъ одну изъ отличительныхъ особенностей каждаго дворянина, имѣлъ значеніе первой важности, какъ предметъ родоваго отличія, какъ знаменіе благородства, по-

чета и служебныхъ правъ. Статья эта сопровождается указаніемъ на главныя, общія почти всѣмъ существующимъ дворянскимъ гербамъ, составныя части ихъ, которыя представляются для глазъ зрителя при первомъ взглядѣ на каждое гербовое изображеніе. — Перейдя затѣмъ къ изложенію разсказа о дворянскомъ родѣ Порай-Кошицовъ, я поставилъ въ главѣ этого разсказа почерпнутое мною изъ генеалогическихъ сочиненій извѣстіе, о присвоенномъ сему роду, съ незапамятныхъ временъ, прозвищномъ гербѣ Порай. А какъ, при дальнѣйшемъ изысканіи, найденъ мною въ тѣхъ же сочиненіяхъ рядъ именъ, обозначенныхъ прозваніями *Кощичъ* или *Кощицъ*, такими прозваніями, которыя, по звукамъ, въ письменной рѣчи и изустномъ произношеніи, кажутся различными отъ находящейся въ офиціальныхъ бумагахъ фамиліи, выраженной словомъ *Кошицъ*, и, сверхъ того, оказалось еще, что время пребыванія въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ фамиліи подъ послѣднимъ ея названіемъ совпадало съ временемъ существованія тамъ упомянутыхъ выше двухъ другихъ, и всѣ онѣ отличались однимъ и тѣмъ же гербомъ — Порай; то эти положительныя свидѣтельства естественно указали мнѣ на необходимость — изложить, въ краткомъ очеркѣ, причины, поясняющія однородность и тождество сказанныхъ трехъ прозваній. Въ заключеніе пред-

ставилъ я, извлеченные изъ историческихъ событій литовскаго края, гдѣ жили члены рода Порай-Кошицовъ, выводы о томъ, что всѣ они принадлежали къ уроженцамъ русскихъ, покоренныхъ нѣкогда Литвою, областей, и притомъ бо́льшая часть ихъ исповѣдывала православіе, за исключеніемъ нѣкоторыхъ лицъ, увлеченныхъ, противъ своей воли, езуитами или въ унію, или въ католичество.

Сообразно такому плану изложенія и самая книга «Историческій разсказъ о Литовскомъ Дворянствѣ» дѣлится на три главные Отдѣла:

Первый — объемлетъ историческія и офиціальныя свѣдѣнія о дворянскомъ сословіи бывшаго Великаго Княжества Литовскаго.

Второй Отдѣлъ представляетъ историческій очеркъ появленія у народовъ Западной Европы дворянскихъ гербовъ, съ указаніемъ на составныя ихъ части.

Третій Отдѣлъ содержитъ извѣстія, заимствованныя изъ произведеній генеалогическихъ авторовъ и судебныхъ актовъ, собственно о дворянскомъ родѣ, носящемъ прозваніе Порай-Кошицъ.

Высказавъ основную мысль представляемаго сочиненія, равно и составленный къ ея развитію планъ, мнѣ остается упомянуть о цѣли, для которой я потрудился. Цѣль задуманнаго предпріятія была одна. Совершивъ первую половину жизни

человѣческой и склоняясь уже къ закату дней своихъ, я предположилъ принесть этимъ письменнымъ трудомъ хоть малую, но усердную дань почтительнаго вниманія и искренней признательности къ отшедшимъ въ вѣчность моимъ предкамъ за то, что они, служа отечеству съ честію, трудами и заслугами своими не только облагородили самихъ себя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и отдаленное свое потомство, — принесть это личное мое чувство въ сокровищницу семейныхъ воспоминаній о быломъ — на память единокровнымъ моимъ современникамъ, на память новымъ грядущимъ ихъ поколѣніямъ, пока Провидѣнію угодно будетъ продлить земное поприще ихъ существованія.

Коллежскій Совѣтникъ

Іоанъ Порай-Кошицъ.

14 Іюля 1858 г.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ

О ДВОРЯНСКОМЪ СОСЛОВІИ

БЫВШАГО

ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКАГО.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

о дворянскомъ сословіи древней Руси отъ начала политическаго ея бытія до половины XV вѣка (862—1462).

Русь, получившая это названіе отъ благороднаго норманскаго племени Руссовъ, обитавшаго въ Скандинавіи (въ нынѣшней Швеціи) и давшаго первыхъ государей нашему отечеству въ 862 г., эта Русь, распространенная завоеваніями Олега (879—912), Святослава (945—972) и Владиміра Св. (980—1014), съ глубокой древности изумляла обширностію своихъ предѣловъ. Уже въ Ярославово княженіе (1019—1054) одна грань ея поставлена была къ сѣверу на берегахъ Бѣлаго и Балтійскаго моря, другая — къ западу на берегахъ Нѣмана, Буга, Вислы и у горъ Карпатскихъ, третья — къ югу у пороговъ днѣпровскихъ и на восточномъ берегу Азовскаго моря, четвертая — къ востоку около устья Оки и береговъ Волги. Пространство земли, заключавшееся между сими рубежами, занимали частію народы славянскіе, частію иноплеменные жители, къ числу которыхъ относится и литовское племя, населявшее въ предѣлахъ русскихъ владѣній страну, извѣстную подъ именемъ Литвы и Жмуди.

Съ кончиною Ярослава (1054), эту юную Русскую Державу поразила какъ бичъ общая политическая язва

тогдашняго времени — удѣльная система. Она породила раздробленіе государства между удѣльными владѣтелями на малыя области, однѣ отъ другихъ независимыя; она возбудила жалкія кровопролитныя дѣйствія княжескихъ междоусобій, гремѣвшихъ на Руси безъ умолку около четырехъ вѣковъ (1054—1450) [1]. Наконецъ Русь, потрясенная междоусобными войнами, подверглась съ одной стороны неудержимому нашествію Монголовъ, надолго (1238—1480) лишившихъ ее главнаго сокровища — независимости; а съ другой — должна была испытать не менѣе гибельныя послѣдствія отъ завоеванія Литвою всѣхъ южныхъ ея областей. При такихъ обстоятельствахъ обширная Русь, достигшая въ одинъ вѣкъ съ половиною (862—1014) до величія рѣдкаго, слабѣя, разрушаясь, распалась на двѣ половины, восточную и западную, изъ которыхъ первая названа была Московскимъ, а вторая — Литовскимъ Государствомъ. Послѣднее, въ теченіе XIV столѣтія, охранялось, по внутреннему управленію, тѣми же кореннными уставами и обычаями, которые имѣли значеніе и въ сопредѣльной Московской Державѣ.

Итакъ, прежде чѣмъ перейду къ разсказу о дворянствѣ литовскомъ, необходимо упомянуть о дворянствѣ древней Руси, потому что сословіе это, какъ показываютъ историческія событія, установилось въ Литвѣ на тѣхъ же самыхъ началахъ, на которыхъ существовало уже оно въ Ярославовой Руси [2].

Изложеніе свѣдѣній о дворянствѣ древней Руси ограничивается двумя періодами: первый — заключаетъ въ себѣ промежутокъ времени отъ основанія Руси до кончины Великаго Князя Ярослава (862—1054); второй періодъ, имѣющій исходную точку годъ кончины Ярослава, про-

---

[1] Истор. Госуд. Росс. Соч. Карамзина. Т. V. Гл. 3.

[2] См. ниже стр. 19 и 20.

должается до половины XV столѣтія, или до восшествія на великокняжескій престолъ Іоанна III Васильевича (1054—1462).

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ

отъ основанія Руси до кончины Великаго Князя Ярослава (826—1054).

По свидѣтельству Исторіи нашего отечества, высшее почетное сословіе, или народные старшины, т. е., дворянство установилось въ древней Руси въ самомъ началѣ историческаго ея существованія. Вольныя, окружавшія князей ея лица, въ качествѣ ихъ ратныхъ сподвижниковъ на полѣ брани и помощниковъ равно искусныхъ въ государственномъ управленіи, въ качествѣ первыхъ слугъ и защитниковъ отечества, становились на высшую степень въ отношеніи къ другимъ сословіямъ, на которыя раздѣлялся народъ русскій, и, по такому внѣшнему значенію своей личности, выходили изъ общаго ряда людей и воиновъ обыкновенныхъ. Всѣ сіи лица въ излагаемый періодъ, обнимающій собою пространство времени около двухсотъ лѣтъ, становятся извѣстными подъ общимъ именемъ *мужей княжіихъ* или *княжеской дружины*.

Въ составъ этой дружины входили разныя лица, имѣвшія общественныя обязанности и относившіяся къ двумъ главнымъ, смотря по ихъ положенію въ государствѣ, разрядамъ:

Къ первому разряду княжеской благородной дружины въ тѣсномъ смыслѣ принадлежали *бояре*. Достоинство сіе означало знаменитѣйшихъ заслугами гражданъ, витязей отличной храбрости, прославившихся въ бояхъ, людей приближенныхъ къ владѣтельному князю и получавшихъ первѣйшія государственныя должности — въ военное

время предводителей войска, а въ мирное — правителей городовъ и приписанныхъ къ нимъ уѣздовъ. Званіе боярское никогда не было наслѣдственнымъ, а только личнымъ, пожизненнымъ. Оставаясь высшею наградою, которой удостоивался въ то время отъ государя служилый человѣкъ, оно жаловалось немногимъ за особенныя заслуги и пользовалось въ народѣ такимъ всеобщимъ почетомъ, что даже князья племени Рюрика и Владиміра Св., отказавшіеся впослѣдствіи отъ владѣтельныхъ своихъ правъ, но удержавшіе большею частію титулъ княжескій и служившіе наравнѣ съ другими подданными Великому Князю, Государю Россійскому, гордились достоинствомъ боярскимъ — этою первою, высшею степенью въ ряду государственныхъ, знатныхъ сановниновъ [1].

Второй разрядъ княжеской дружины въ обширномъ смыслѣ составляло войско, къ которому относились: а) *отроки княжескіе*, т. е. избранные молодые, окружавшіе князя, воины, дѣти знатнѣйшихъ мужей, употреблявшіеся, въ родѣ нынѣшнихъ ординарцевъ, для разныхъ порученій по дѣламъ военнымъ и гражданскимъ; и б) *гридни*, т. е. княжескіе меченосцы или придворныя лица, обязанныя охранять особу князя и все, принадлежащее къ княжескому достоинству [2]. А какъ всѣ сіи служебныя лица находились не только при владѣтельномъ князѣ, но составляли также собою особенную ратную дружину въ городахъ или областяхъ при главныхъ начальникахъ ихъ, боярахъ, то отъ этаго послѣдняго случая и произошло названіе *боярскихъ отроковъ*, такъ названныхъ для отличія отъ княжескихъ.

---

[1] Карамз. Т. VI. Гл. 7.

[2] Слово *гридень* происходитъ отъ скандинавскаго Grith. Это слово значитъ дворъ господскій, княжескій; посему и гридень означаетъ придворнаго служилаго человѣка. Во времена Владиміра I, гридница означала прихожую въ княжескомъ дворцѣ (Карамз. Т. I. Гл. 9).

Одновременно съ учрежденіемъ дружины помянутыхъ двухъ разрядовъ, состоявшей исключительно изъ людей военныхъ, появились слѣдующія служебныя лица, употреблявшіяся въ областяхъ и уѣздахъ для дѣлъ правительственныхъ и судебныхъ, именно: а) *вирники*, т. е. чиновники, которымъ надлежало производить слѣдствія и рѣшать уголовныя дѣла; б) *мытельники* или писцы, назначавшіеся въ помощь каждому судьѣ или вирнику; в) *городники* — лица, находившіяся при постройкахъ городовъ (укрѣпленій), служившихъ важнѣйшими для жителей оборонительными отъ непріятельскихъ нападеній мѣстами; г) *мытники* — сборщики податей и торговыхъ пошлинъ; д) *мостники* — строители и смотрители мостовъ; е) *ябетники* — ходатаи по дѣламъ или адвокаты; и ж) *тіуны* [1] — лица, имѣвшія судебную власть по тяжебнымъ дѣламъ въ городахъ или мѣстечкахъ надъ извѣстнымъ числомъ помѣстьевъ, въ которыхъ не было собственныхъ княжескихъ дворцовъ.

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ

отъ кончины Великаго Князя Ярослава до половины XV столѣтія, или до восшествія на великокняжескій престолъ Іоанна III Васильевича (1054—1462).

Въ этотъ четырехвѣковой періодъ состоянія Руси, названіе боярское оставалось безъ измѣненія: бояре сохранили свой санъ, свое значеніе и, по прежнему, занимая повсюду первыя мѣста вокругъ престоловъ, составляли нѣкоторую аристократію. Напротивъ того слова — дружина, дружинники — мало по малу начали исчезать, а на

---

[1] *Тіунъ* есть имя скандинавское или древне-нѣмецкое Thaegn, Thiangn, Diakn, мужъ честный — vir probus; такъ вообще назывались дворяне англо-саксонскіе (Карамз. Т. II. Гл. 3).

мѣсто ихъ, въ послѣдней четверти XII столѣтія, вошли въ употребленіе новыя названія: *дворъ, дворяне.* Такимъ образомъ княжескіе отроки, гридни или меченосцы, составлявшіе княжескую дружину въ обширномъ смыслѣ, получили несуществовавшее до того времени названіе дворянъ [1]. Происхожденіе же этого названія, по указанію лѣтописей, объясняется тѣмъ, что въ древней Руси всѣ суды по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ, всѣ наряды на службу отечества и прочія дѣла совершались, въ своей первоначальной простотѣ, на княжескомъ дворѣ (cour); а потому принадлежавшія къ нему лица, для полученія назначенія на отечественную службу, должны были являться на этотъ дворъ, — отъ чего и получили они служебное значеніе дворянъ, упоминаемыхъ, со времени Великаго Князя Андрея Боголюбскаго, въ первый разъ въ 1174 г. [2], но нисколько не въ смыслѣ первенствующаго благороднаго сословія служилыхъ людей, каковыми считались бояре, а въ смыслѣ низшаго класса таковыхъ служебныхъ лицъ.

Обязанности дворянъ остались тѣ же, какъ и прежней княжеской дружины: они были въ одно время и царедворцами, состоявшими при княжескомъ дворѣ для придачи ему, въ торжественныхъ случаяхъ и церемоніяхъ разнаго рода, пышности, — и полезными для совѣта людьми, — и тѣлохранителями и воинами своего Государя, составляя собою лучшую, благороднѣйшую часть войска. Дворяне исправляли, кромѣ того, разныя должности гражданскія, какъ-то: разсыльщиковъ при намѣстникахъ, судьяхъ, тіунахъ и т. п., такъ какъ, при несуществованіи еще тогда разграниченія службъ и по неопредѣленности самыхъ должностей, отъ чего каждая изъ нихъ носила характеръ личнаго порученія, придворные чины, не различавшіеся

---

[1] Карамз. Т. Ш. Гл. 7.
[2] Карамз. Т. Ш. Гл. 1.

рѣзкою чертою отъ гражданскихъ, употреблялись всюду по назначенію князя, при которомъ служили.

Въ послѣдствіи времени, когда, при постепенномъ истребленіи въ Восточной Руси вредной системы удѣловъ, возникло, изъ соединенія раздробленныхъ государственныхъ участковъ, Московское Единодержавіе, когда вмѣстѣ съ тѣмъ значительно умножилось число дворянъ, Великаго Князя окружавшихъ, естественно явилась и потребность распредѣлить ихъ въ разныхъ мѣстахъ государства, начавъ отъ Москвы; а чтобъ обезпечить содержаніе этихъ служилыхъ людей и самую службу, розданы были имъ изъ казенныхъ земель, какъ жалованье за службу, участки или помѣстья сообразно отправляемой каждымъ должности, съ условіемъ, чтобы съ этого участка служилъ самъ помѣщикъ и выводилъ съ собою, въ случаѣ войны, опредѣленное число людей конныхъ и пѣшихъ съ извѣстнымъ запасомъ продовольствія и въ назначенномъ вооруженіи. Если данныя помѣстья находились въ московскомъ уѣздѣ, владѣвшія ими лица назывались *дворянами московскими;* надѣленные же помѣстьями воинскіе люди въ прочихъ областяхъ и уѣздахъ именовались *городскими дворянами.* Послѣдніе составились преимущественно изъ благородныхъ лицъ, которыя состояли при удѣльныхъ князьяхъ, а потомъ, по паденіи системы удѣльной и по присоединеніи сихъ властителей къ Москвѣ въ качествѣ князей служебныхъ, перешли къ Великому Князю Московскому.

Между тѣмъ, около 1433 г., въ правленіе Великаго Князя Василія Васильевича Темнаго, спустя два вѣка съ половиною (1174—1433) отъ появленія на Руси названія дворянъ, возникъ въ Московскомъ Государствѣ другой многочисленный классъ людей, также свободныхъ, благородныхъ происхожденіемъ: то были потомки князей и бояръ — сословіе боярское, названное *боярскими дѣтьми,* которые имѣли такое же значеніе, какимъ пользовались

встарину, до Ярослава Великаго, боярскіе отроки, значеніе, показывающее, что наслѣдственное благородство установилось въ древней Руси съ первыхъ вѣковъ ея политическаго бытія. Дѣти боярскіе составляли собою собственно земское ополченіе, готовое, по первому призыву Государя, вооружиться съ опредѣленнымъ числомъ слугъ и вообще годныхъ для ратнаго дѣла людей конныхъ и пѣшихъ, соразмѣрно доходамъ своихъ помѣстьевъ, которыми надѣлялись они отъ казны для своего содержанія въ мирное и военное время.

Древнѣйшее, самое важное, особенное отъ другихъ классовъ, преимущество бояръ, дворянъ и дѣтей боярскихъ состояло въ томъ, что они были свободны отъ платежа податей, имѣли исключительный доступъ ко Двору, служили государю и отечеству въ разныхъ почетныхъ званіяхъ, и всѣ притомъ владѣли землею, по большей части какъ пожизненнымъ, съ извѣстнымъ числомъ дворовъ крестьянскихъ, помѣстьемъ, даннымъ отъ князя для пользованія въ видѣ жалованья за службу, — а иногда какъ отчиною, которая или жаловалась отъ князя служилому человѣку въ потомственное владѣніе съ правомъ полной собственности, или же доставалась по наслѣдству, какъ родовое достояніе, отъ предковъ. Это владѣніе помѣстною или вотчинною землею имѣло тогда большой вѣсъ и давало всегда владѣльцу ея значеніе благороднаго человѣка. [1]

---

[1] Въ древней Руси земли были трехъ разрядовъ: вотчинныя, помѣстныя и черныя. Только землями черными, т. е. тяглыми, за которыя надлежало платить оброкъ, могли пользоваться всѣ вообще лица, даже крестьяне, съ обязанностію исполнять, въ отношеніи къ ея владѣльцу, извѣстныя повинности или тягло. Но владѣльцами земель вотчинныхъ и помѣстныхъ могли быть исключительно государственные служилые люди, потому что на этихъ земляхъ лежали служебныя личныя повинности, и онѣ могли обращаться только въ кругу людей, лично способныхъ къ отправленію этихъ повинностей, т. е. бояръ, дворянъ и дѣтей боярскихъ, и свободно переходить только

Вообще сыновья дворянъ и дѣтей боярскихъ, по достиженіи семнадцатилѣтняго возраста, записывались въ службу, считавшуюся государственною повинностію, въ томъ же классѣ, къ коему принадлежали отцы, потому что значеніе дворянъ и дѣтей боярскихъ, первоначально ограничивавшееся только тѣми, которые служили при Дворѣ, распространилось впослѣдствіи и на ихъ потомковъ — сдѣлалось наслѣдственнымъ — и обыкновенно переходило отъ отца къ сыну до послѣдняго потомка въ родѣ. Если для этихъ юныхъ служилыхъ людей родовыя отчины были недостаточны, то они получали помѣстья, смотря по роду и способностямъ, въ опредѣленномъ размѣрѣ, такъ, чтобы принадлежащій каждому лицу участокъ угожей земли составлялъ отъ 150 до 300 четвертей, или отъ 75 до 150 десятинъ, съ извѣстнымъ числомъ крестьянскихъ дворовъ.

Таковы были степени знаменитости, служебные разряды, на которые раздѣлялись въ древней Руси люди высшаго народнаго сословія, по своему гражданскому состоянію, по своимъ занятіямъ, по службѣ государству! Эти разряды принадлежали къ положительнымъ опредѣленіямъ значенія и вѣса тѣхъ людей въ гражданскомъ быту. Посему, величавое боярство, по своей общественной высотѣ, было почетнѣе дворянства, а дворянство считалось степенью выше дѣтей боярскихъ или боярскаго сословія.

При этомъ нельзя пройти молчаніемъ также и того, что, въ излагаемый періодъ времени (1054 — 1462), появились на Руси новыя, отправлявшіяся исключительно людьми благороднаго сословія, должности: окольничаго, печатника, дворецкаго, казначея, конюшаго, сокольника, ловчаго, намѣстника, волостеля и дьяка.

между ними изъ однѣхъ рукъ въ другія. Земли этихъ двухъ послѣднихъ разрядовъ свободны были отъ податей и повинностей, взимаемыхъ съ людей, поселившихся на чужой землѣ, и потому онѣ назывались бѣлыми въ противоположность чернымъ землямъ.

Окольничій находился около государя. Кромѣ лежавшей на окольничемъ прямой обязанности наблюдать за чистотою, спокойствіемъ и безопасностію дорогъ во время путешествія государя, онъ исправлялъ разныя порученія придворныя, гражданскія и военныя. — *Печатникъ* или канцлеръ оберегалъ и охранялъ неприкосновенность государственной печати, наблюдалъ за правильнымъ приложеніемъ ея къ разнымъ грамотамъ, актамъ судебнымъ и другимъ офиціальнымъ бумагамъ. Значеніе этого должностнаго лица объясняется тѣмъ, что въ древней Руси князья сами не подписывали бумагъ: онѣ писались отъ имени князя, а печатникъ скрѣплялъ ихъ печатью съ именною княжескою надписью. — *Дворецкій* наблюдалъ за доходами съ княжескихъ волостей и селъ, имѣлъ надзоръ надъ княжескими дворами и надъ всѣми, состоявшими въ придворной службѣ лицами. — *Казначей* хранилъ государеву казну, регаліи и разныя драгоцѣнности. — *Конюшій* завѣдывалъ княжескими стадами, табунами и проч. — *Сокольникъ* управлялъ соколиною охотою и вообще птицеловствомъ. — *Ловчій* завѣдывалъ звѣриною ловлею.—*Намѣстникъ* былъ главнымъ правителемъ и судьею не только въ городѣ, но и во всемъ принадлежащемъ къ нему округѣ, куда отправлялся онъ, по назначенію государя, на кормленіе, т. е., съ предоставленіемъ ему, въ званіи намѣстника, жить судными оброками и пошлинами, которыя платились встарину подсудимыми, за рѣшеніе ихъ тяжебныхъ и уголовныхъ дѣлъ. — *Волостель*, чиновникъ, получившій это наименованіе отъ слова волость (область въ противоположность городу), означалъ начальника земскаго округа, въ которомъ судъ отдавался ему на кормленіе на томъ же основаніи, какъ намѣстнику въ городѣ. — *Дьякъ* былъ государственнымъ служилымъ человѣкомъ. Какъ чиновникъ, умѣвшій не только читать и писать лучше другихъ, но знавшій твердо законы, преданія, обряды,

онъ посылался отъ государя къ боярину, окольничему, намѣстнику, въ качествѣ помощника, а иногда и для переговоровъ съ иностранными послами.

Окончивъ такимъ образомъ краткій очеркъ устройства дворянскаго сословія въ древней Руси, ограниченный шестивѣковымъ періодомъ времени (862—1462), перехожу къ историческому изложенію судьбы этаго сословія въ Литовской Державѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ

о существованіи дворянства въ Литвѣ въ томъ же, какъ и въ древней Руси, значеніи со временъ Великаго Князя Литовскаго Гедимина до восшествія внука его, Ягелла, на польскій престолъ (1315—1386).

1. *Литва подъ властію Руси.*

Страна, извѣстная подъ именемъ Литвы, съ глубокой древности вмѣщала въ себѣ двѣ части: одну составляла собственно такъ названная ***Литва*** (литовцы), обитавшая между Нѣманомъ и Западною Двиною, среди густыхъ лѣсовъ, въ уголкѣ земли, лежащемъ около главнаго города ея, Вильны, основаннаго Гедиминомъ, и объемлющемъ нынѣшніе Виленской Губерніи уѣзды: Виленскій, Трокскій, Лидскій, Ошмянскій, Свенцянскій и Вилькомирскій (нынѣ Ковенской губерніи); другую часть населяла ***Жмудь*** (также литовское племя), занимавшая прибрежныя границы Балтійскаго моря между Вислою и Нѣманомъ, именно въ уѣздахъ: Россіенскомъ, Тельшевскомъ, Шавельскомъ и Поневѣжскомъ, вошедшихъ съ 1842 г. въ составъ Ковенской губерніи; главнымъ же городомъ Жмуди былъ Розиннъ или Россіены.

Во время быстрыхъ Олеговыхъ завоеваній, простершихъ владычество Руси въ 885 г. на западъ до береговъ Виліи и Буга, порабощена была и Литва, платившая тогда своимъ завоевателямъ скудную дань шкурами, лыками и другими естественными произведеніями своей земли; а для сбора этой дани жили въ Трокахъ намѣстники Великаго Князя Кіевскаго.

2. *Самобытность Литвы и усиленіе ея посредствомъ завоеванія земель русскихъ.*

Между тѣмъ какъ Русь, обезсиленная подъ бременемъ удѣльной системы, распалась на разныя части или удѣлы, и, потерпѣвъ въ 1237 г. и послѣдующіе годы общее разрушеніе отъ огня и меча грозныхъ Монголовъ, становилась ихъ данницею, — Литва, воспользовавшись такимъ внутреннимъ неустройствомъ Руси [1], не только возстановила свою независимость, но и расширила границы владѣній своихъ на счетъ древняго Полоцкаго княжества, подъ начальствомъ храбрыхъ своихъ властителей, изъ которыхъ Миндовгъ явился истиннымъ основателемъ Литовскаго Княжества [2]. Такимъ образомъ Литва, сильная уже при Миндовгѣ, увеличившая вновь свои владѣнія за Брестъ-Литовскій до Витебска и Смоленска при Князѣ Витенѣ (1283—1315), стала еще сильнѣйшею при Гедиминѣ.

Государь сей силою оружія присоединилъ къ Литвѣ въ 1318 и 1320 г. всю древнюю область Кривскую или нынѣшнюю Бѣлоруссію, т. е. удѣлы: Полоцкій, Минскій, Витебскій, Мстиславскій, покорилъ Малороссію, заключавшую въ себѣ удѣльныя княжества: Владимірское (на Волыни), Черниговское, Кіевское и другія, гдѣ дотолѣ

---

[1] О Червоной или Галицкой Руси. Соч. Зубрицкаго, 1845 г. Предисловіе стр. XIII.

[2] Зубрицкій стр. 192.

господствовали князья Рюрикова племени, и распространилъ восточную границу свою до Торжка, Вязьмы, Козельска и Мценска. Такими быстрыми завоеваніями, равно дружественными и брачными союзами съ владѣтельными домами [1], Гединиъ пріобрѣлъ вліяніе на политическія дѣла своего времени и возвысилъ на степень Великаго Княжества Литовскаго нѣкогда бѣдную, незамѣченную исторіей Литву. Властвуя надъ нею и завоеванною частію Руси, онъ именовалъ себя Великимъ Княземъ Литовскимъ и Русскимъ [2].

Ольгердъ (1330—1381), достойный сынъ славнаго своего родителя Гедимина, стремясь къ единодержавію, присвоилъ себѣ въ 1345 г. господство надъ братьями, удѣльными князьями Литвы, и тѣмъ, соединивъ раздробленное отечество, утвердилъ достоинство великокняжеское [3]. Воюя непрестанно то съ Нѣмецкимъ Орденомъ, то съ Поляками, то съ Великими Князьями Московскими — Симеономъ Гордымъ и Дмитріемъ Донскимъ, Ольгердъ обратилъ оружіе свое и противъ Монголовъ, вытѣснилъ ихъ изъ подвластной имъ Подоліи, прогналъ до самой Тавриды и, покоривъ тогда же земли на пространствѣ отъ Кіева до Очакова и отъ Путивля до Дона, не только избавилъ свое государство отъ ига Монголовъ, и

---

[1] Сыновья Гедимина женаты были: Ольгердъ первоначально на Маріи Ярославовнѣ княжнѣ Витебской, а по кончинѣ ея, на Іуліаніи Александровнѣ княжнѣ Тверской. Любартъ — сперва на Ростовской княжнѣ племянницѣ Великаго Князя Московскаго Симеона Гордаго, а потомъ на дочери Владимірскаго князя на Волыни, Андрея. — Дочери Гедимина были въ замужествѣ: Альтона-Анна за Польскимъ королемъ Казимиромъ Великимъ. Марія — за Галицкимъ княземъ Болеславомъ. Данмила — за Полоцкимъ княземъ Ванько. Айгуста Анастасія за Великимъ Княземъ Московскимъ Симеономъ Іоанновичемъ Гордымъ.

[2] Карамз. Т. IV. Гл. 8.

[3] Карамз. Т. IV. Гл. 10.

дани этимъ дикимъ завоевателямъ [1], но и поставилъ ихъ въ нѣкоторую зависимость отъ Литвы.

При такомъ ходѣ событій, маленькая, едва замѣтная на географической картѣ, Литва, быстро выросшая и возвысившаяся дарованіями своихъ властителей, жребіемъ войны и пріобрѣтеніемъ многихъ земель, заняла самостоятельное мѣсто въ ряду Европейскихъ Державъ и, въ продолженіе XIII и XIV вѣковъ, обратилась въ обширное и сильное государство. — Въ этомъ юномъ государствѣ Русскіе далеко превосходили Литовцевъ какъ числительностію населенія [2], такъ равно и тѣмъ, что озарены были свѣтомъ православія еще при Владимірѣ Св. (988—1014), задолго до отторженія ихъ подъ власть Литвы, остававшейся тогда въ язычествѣ, и слѣдовательно стояли на несравненно высшей, чѣмъ Литовцы, степени образованности. Народъ Русскій въ Литвѣ былъ тоже, что̀ въ тѣлѣ человѣческомъ мозгъ и мускулы.

и 3. *Внутреннее устройство Литвы по основнымъ началамъ русскаго быта.*

Предусмотрительный Гедиминъ, устроивая державною волею неограниченнаго монарха свое государство, старался упрочить за нимъ три главныя условія русскаго быта: А) вѣру православную, Б) языкъ и В) внутреннее управленіе [3].

А) Православная вѣра, сохранившаяся на Руси во всей первобытной ея апостольской чистотѣ и неприкосновенности, зародилась мирнымъ путемъ и въ Литвѣ. Гедиминъ

---

[1] Взглядъ на Исторію Западной Руси. Соч. Шипова, 1848 г., стр. 15.

[2] Въ Литовскомъ княжествѣ три четверти населенія составляли Русскіе, а одну четверть — Литовцы (Зубрицк. стр. 247).

[3] О Литовскомъ княжествѣ. Соч. Н. Устрялова, 1839 г. стр. 34.

хотя самъ отъ колыбели былъ язычникъ, но имѣлъ любезное свойство не препятствовать ни дѣтямъ своимъ, ни вельможамъ, принимать и исповѣдывать христіанскую вѣру по обряду Греко-Россійской Церкви, никогда не касаясь совѣсти людей въ дѣлахъ вѣры. Оказываемое имъ въ литовской землѣ щедрое покровительство православію имѣло своимъ послѣдствіемъ частое крещеніе Литовцевъ и безпрерывные брачные союзы ихъ съ христіанками. Почти всѣ удѣльные князья Литвы, женясь исключительно на Русскихъ княжнахъ, сдѣлались послѣдователями православнаго исповѣданія. Происшедшія отъ сихъ браковъ дѣти, воспитанныя подъ надзоромъ своихъ попечительныхъ матерей, и потому съ малолѣтства внимавшія богослуженію, совершаемому православнымъ духовенствомъ при Великокняжескомъ Дворѣ, нечувствительно становились членами православной Церкви. А какъ властители удѣльныхъ княжествъ въ Литвѣ были православные [1], за исключеніемъ одного только Гедиминова сына Кейстута, оставшагося во всю свою жизнь въ язычествѣ, между приближенными же ихъ находилась бо́льшая часть христіанъ; то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ числѣ ихъ были и крещеные литовцы. Знатнѣйшіе Литовскіе сановники и жены ихъ, пребывавшіе въ язычествѣ, принимали православіе — одни изъ подражанія или въ угодность княжескому дому, другіе по убѣжденію, съ цѣлію душевнаго спасенія. Довольно было также въ Литвѣ и православныхъ простолюдиновъ, въ особенности въ той части ея, которая граничила съ Бѣлоруссіею. Такимъ образомъ, во дни Гедимина и Ольгерда (1315—1381), вѣра православная выражалась между Литовцами повсюду—отъ великокняжескаго дворца и роскошныхъ палатъ вельможъ до убогой хижины земледѣльца, такъ что если не болѣе, то, по крайней мѣрѣ,

[1] Зубрицкій стр. 207, 208.

половина собственной Литвы исповѣдывала уже тогда православіе [1]; и притомъ положительно извѣстно, что, въ описываемую эпоху, не было въ этой странѣ другой вѣры, кромѣ православной и языческой [2].

Б) Языкъ русскій или руській, т. е. бѣлорусскій, сдѣлался офиціальнымъ языкомъ правительства литовскаго. Онъ былъ господствующимъ, живымъ, при Виленскомъ Дворѣ, въ высшемъ сословіи народа, въ судопроизводствѣ, въ богослуженіи, и разными путями, преимущественно посредствомъ торговли съ княжествами русскими, проникалъ и въ хижины Литовцевъ, хотя впрочемъ между ими, въ особенности между простолюдинами, ихъ разговорная рѣчь никогда не выходила изъ употребленія.

и В) Порядокъ внутренняго управленія въ Литвѣ почти во всемъ былъ сходенъ съ русскимъ. Онъ выражался въ существованіи, какъ и въ Руси, сильной монархической власти, въ безусловной покорности народа князьямъ, въ умѣ и мужествѣ которыхъ сосредоточивалось всемогущество страны. Удѣльная система, коренный обычай, опре-

---

[1] Другая часть Литовскаго края, извѣстная подъ именемъ Жмуди, въ XIV вѣкѣ оставалась еще въ язычествѣ и силою вліянія на нее Польши приняла христіанство, по римскому обряду, уже въ теченіе XV и XVI столѣтій. Всегда враждебные православію езуиты, эти агенты католичества, проникнувъ въ Жмудь, овладѣли первоначально умами богатыхъ жмудскихъ дворянъ, которые, сдѣлавшись такимъ образомъ послѣдователями папскаго ученія, по внушенію своихъ учителей, распространяли его и между простолюдинами. А чтобы болѣе успѣть въ своихъ намѣреніяхъ, езуиты заманивали въ свой орденъ самыя знатныя жмудскія фамиліи и приготовляли изъ нихъ высшихъ духовныхъ іерарховъ. Отсюда въ исторіи духовнаго жмудскаго правленія встрѣчаются большею частью лица дворянскаго сословія: Сангушки, Сапѣги, Лидзейки, Тышкевичи, Гедройцы и другіе. Вотъ почему Жмудь, сдѣлавшись, по вліянію езуитовъ, католическою страною, осталась въ католичествѣ и послѣ присоединенія ея, равно и всего Литовскаго края, къ владѣніямъ Россіи въ концѣ XVIII вѣка!

[2] Православіе и русская народность въ Литвѣ. Соч. Боричевскаго. 1851 г. стр. 46.

дѣлявшій порядокъ престолонаслѣдія старшаго въ родѣ князей съ удальніемъ младшаго, т. е. переходъ права старшинства на брата съ исключеніемъ сына, устройство думы княжеской, составленной изъ опытныхъ совѣтниковъ трона — князей, бояръ, воеводъ, — всѣ сіи учрежденія государственныя были точь въ точь такія, какія существовали и въ сосѣдственной Восточной Руси [1].—Должностныя лица, назначавшіяся въ разные города и округи для завѣдыванія дѣлами административными и судебными, носили въ Литвѣ тѣ же, какъ и въ русскихъ княжествахъ, наименованія намѣстниковъ, воеводъ, тіуновъ и т. п. [2]. Бояре въ Литвѣ, какъ и на Руси, составляли высшій отдѣльный классъ жителей—древнее дворянство, обязанное, за данныя ему и находившіяся въ ленной зависимости отъ князей земли, служить на войнѣ, отправлять лично съ назначеннымъ числомъ ратныхъ людей конную и пѣхотную службу, быть опорою и щитомъ отечества; степень же служебной обязанности опредѣлялась извѣстнымъ пространствомъ отданнаго въ пользованіе каждому изъ бояръ участка земли [3], какъ это велось въ подобныхъ случаяхъ и у русскихъ князей. Поэтому литовскіе бояре или дворяне не иначе владѣли землею, какъ по милости Великаго

---

[1] Восточною Русью назывались княжества, раздѣленныя по удѣльному праву между многими владѣтелями державнаго Рюрикова племени и слившіяся потомъ, при Іоаннѣ III (1462—1505), и въ особенности послѣ него, въ одно Русское, т. е. Московское Государство.

[2] Исторія государства Польскаго. Соч. Бандтке, 1830 г., Ч. I. стр. 300. — Русская Исторія Н. Устрялова, 1839—1841 г., Ч. I. стр. 265 и Ч. II. стр. 365. — Исторія управленія и законодательства Литвы (изъ Памят. книж. Вилен. губер. на 1853 г.).

[3] Извѣстное пространство земли, за исполненіе одной только военной службы съ назначеннымъ числомъ ратныхъ людей, называли или цѣлою или половинною службою. Цѣлая служба заключала въ себѣ земли 10 литовскихъ уволокъ, т. е. 198 десятинъ и 900 квад. саженъ; половина службы была вполовину менѣе (Истор. упр. и зак. Литвы).

Князя, сохранявшаго при себѣ верховную власть располагать ею. Эта земля уступаема была дворянину въ Литвѣ въ неограниченное пользованіе единственно по смерть его, послѣ которой, а можетъ быть и во всякое время, возвращалась опять Великому Князю. Обязанности службы всегда были главнымъ условіемъ для владѣльца леннаго участка земли и, кромѣ того, онъ подвергался еще зависимости до такой степени, что даже не имѣлъ права вступать въ бракъ безъ дозволенія государя, отъ котораго получилъ землю. При этомъ случаѣ должно замѣтить, что литовское дворянство, согласно съ древними обычаями русскими, не смѣло также выдавать замужъ дочерей, сестеръ, родственницъ своихъ безъ вѣдома Великаго Князя. По выбору его, бояре посылались, въ извѣстномъ числѣ, для охраненія и защиты замковъ на мѣсячный срокъ, по истеченіи котораго, смѣнялись другими такими же боярами. Вообще бояре и прочія лица, составлявшія княжескую дружину, какъ-то: отроки, мечники и проч., получившіе впослѣдствіи, какъ сказано выше, названіе дворянъ, оставались въ Литвѣ въ такомъ значеніи, какое имѣли они въ древней Руси [1].

Вышепоказанный порядокъ вещей, установившійся въ Литвѣ при Гедиминѣ и носившій на себѣ печать русской старины, продолжался до самаго вступленія Великаго Князя ея, Ягелла Ольгердовича въ 1386 году на польскій престолъ, — вступленія, можно сказать, несчастнаго потому что, отъ этой случайности, при немъ началось, а при его пріемникахъ, за исключеніемъ Витовта (1392—1430), усилилось роковое вліяніе Польши на дѣла Литвы, сильно потрясшее коренные монархическіе уставы, на которыхъ покоилась сія Держава.

---

[1] Устряловъ, Ч. II. стр. 336 и 361. — Исторія управленія и законодательства Литвы.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

объ измѣненіи правъ литовскаго дворянства, происходившемъ при Ягеллѣ и его преемникахъ, до соединенія Литвы и Польши въ одно государство (1386—1569).

1. *Стремленіе Ягелла къ соединенію Литвы и Польши, и стѣсненіе имъ правъ литовскихъ православныхъ дворянъ.*

Польскіе вельможи, видѣвшіе необходимость быть въ союзѣ съ Литвою для сохраненія независимости своей страны, окруженной со всѣхъ сторонъ враждебными сосѣдями—Нѣмецкимъ Орденомъ, грозными Монголами и княжествами Восточной Руси, начинавшими возрастать въ могуществѣ своемъ при Великомъ Князѣ Московскомъ Симеонѣ Гордомъ (1340—1353) [1], а еще замѣтнѣе при Дмитріи Іоанновичѣ Донскомъ (1363—1389) [2], — вельможи польскіе почти силою заставили наслѣдницу польскаго престола, дочь умершаго короля Людовика, Ядвигу, выйти замужъ за Ягелла.

Воспитанный въ догматахъ православнаго исповѣданія, Ягелло [3], получивъ руку Ядвиги и польскую корону, принялъ вѣру латинскую въ Краковѣ и далъ, при этомъ случаѣ, легкомысленный обѣтъ ввести ее въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, и соединить Литву и Польшу подъ одною короною [4]. Въ стремленіи къ осуществленію такого намѣренія, этотъ слабый государь сдѣлался гонителемъ православной вѣры въ наслѣдственной своей землѣ, стѣснилъ до послѣдней

---

[1] Карамз. Т. IV. Гл. 10.
[2] Карамз. Т. V. Гл. 1.
[3] Зубрицк. стр. 193. 207 и 208.
[4] Зубрицк. стр. 194 и 197.

крайности права гражданскія Русскихъ и издалъ строгіе законы, по силѣ которыхъ, никакой православный русскій дворянинъ не могъ принимать должностей государственныхъ и жениться на католичкѣ, не обратившись въ римско-католическую вѣру [1].

Такой образъ дѣйствій Ягелла нашелъ поддержку и въ современной мелкопомѣстной шляхтѣ, составившейся въ Литвѣ, съ воцареніемъ его на польскомъ престолѣ, частію изъ туземцевъ, частію изъ польскихъ выходцевъ, поселившихся на землѣ литовской. Пріобрѣвъ мало по малу политическое значеніе, эта шляхта не только заняла высшую въ сравненіи съ литовскими боярами степень, но и стала презирать сихъ послѣднихъ, давая названіе ихъ своимъ дворовымъ слугамъ.

2. *Правительственныя мѣры, имѣвшія предметомъ соединеніе Литвы и Польши.*

Усилія Ягелловы, о слитіи обоихъ народовъ воедино, сдѣлались предметомъ важной заботы и для его преемниковъ, за исключеніемъ лишь одного Витовта, постояннаго защитника самобытности своего отечества; и потому, для достиженія предположенной цѣли, употреблялись предупредительныя правительственныя мѣры, имѣвшія основою: А) уравненіе въ гражданскихъ правахъ литовскихъ бояръ съ польскою шляхтою; Б) учрежденіе въ Литвѣ, по образцу Польши, гражданскихъ судебныхъ мѣстъ; и В) введеніе по внутреннему ея управленію дворянскихъ должностныхъ лицъ подъ тѣми названіями, которыя существовали уже въ Польшѣ.

А) Чтобъ уравновѣсить литовское дворянское сословіе

---

[1] Устрял. Ч. I. стр. 341 и 342. — Зубрицк. стр. 219. — Карамз. Т. V. Гл. I.

съ польскимъ въ гражданскихъ правахъ и преимуществахъ, которыми пользовались послѣдніе, изданы были въ разное время постановленія или привилегіи, изъ коихъ извѣстнѣйшія суть:

1. *Грамота Ягелла Ольгердовича 20 Февраля 1387 года* [1], которою узаконено, что бояре, принявшіе римско-католическую вѣру, получатъ, по примѣру польской шляхты, право распоряжаться своимъ наслѣдственнымъ имѣніемъ и будутъ свободны отъ публичныхъ работъ, исключая постройки и починки замковъ, тѣ же изъ нихъ, которые не захотятъ принять католическаго исповѣданія, не будутъ пользоваться этими преимуществами.

2. *Договорная союзная грамота, подписанная 2 Декабря 1413 года въ Городлѣ* Великимъ Княземъ Литовскимъ Витовтомъ и Польскимъ Королемъ Ягелломъ [2]. Оба государя, лично совѣщававшіеся въ присутствіи нѣкоторыхъ литовскихъ бояръ, перешедшихъ изъ угожденія Ягеллу въ католическую вѣру, указавъ въ помянутомъ дипломатическомъ документѣ на права и преимущества польскаго дворянства, выражавшіяся — въ обезпеченіи неприкосновенности владѣнія недвижимымъ имѣніемъ, доставшимся отъ родственниковъ или полученнымъ въ даръ, въ отчужденіи его по произволу, въ предоставленіи власти выдавать замужъ дочерей и родственницъ, но только за католиковъ, а также въ полученіи высшихъ государственныхъ званій воеводъ, кастелянов и проч. и разныхъ земскихъ пожизненныхъ должностей,—вмѣстѣ съ тѣмъ постановили: всѣми этими правами могутъ свободно пользоваться въ Литовскомъ Княжествѣ только тѣ дворяне, бояре земли литовской, которые исповѣдуютъ вѣру христіанскую по

---

[1] Исторія управл. и законодат. Литвы.

[2] Volumina legum regni poloniæ et magni ducatus lithvaniæ ab anno 1347 ad annum 1780. T. I. pag. 67. 70.

римскому обряду и которымъ пожалованы были клейноты, т. е. дворянскіе гербы. Этимъ же городельскимъ актомъ объявлена была раздача литовскому дворянству польскихъ гербовъ въ знакъ доброй къ нему нѣкоторыхъ польскихъ домовъ неразрывной пріязни. Положено учредить въ Вильнѣ и Трокахъ, по образцу Польши, достоинства воеводъ и кастеляновъ и ввести эти званія впослѣдствіи, сообразуясь съ обстоятельствами, въ другихъ городахъ Княжества Литовскаго; и обѣщано притомъ, что духовенство, сенатъ и чиновники въ Литвѣ будутъ считаться на одной степени съ польскими.

3. *Грамота Казимира Ягелловича, литовскаго и польскаго государя, изданная 2 Мая 1457 года* [1]. Содержаніемъ своимъ она несравненно важнѣе обоихъ предъидущихъ актовъ, потому что съ бо́льшею еще точностію и ясностію опредѣляетъ личныя и вещественныя права литовскаго дворянства. Такъ, въ отношеніи личныхъ правъ дворяне литовскіе, т. е. потомки князей, бояре, шляхтичи, освобождены были отъ разныхъ повинностей, которыми обременялись до городельскаго съѣзда, какъ-то: отъ обязанности косить сѣно въ княжескихъ земляхъ, поставлять подводы, возить потребные для за̀мковъ или крѣпостей строитетьные матеріалы — камни, лѣсъ, известь и т. п., и вообще отъ всякой для княжескаго двора службы или барщины; а оставлены при нихъ только сооруженіе за̀мковъ и мостовъ, починка тѣхъ и другихъ, и содержаніе въ исправности дорогъ. Сверхъ того подтверждена дарованная прежде литовскимъ дворянамъ свобода выдавать замужъ дочерей, племянницъ и вдовъ и безъ вѣдома Великаго Князя лишь бы только соблюденъ былъ при этомъ случаѣ установленный обрядъ христіанскій; дозволено литовскимъ дворянамъ имѣть выѣздъ за границу, съ тѣмъ

[1] Акты, относящіеся къ исторіи Западной Руси. 1846. Т. I. стр. 73—77.

однакожъ условіемъ, чтобы отъ этого не могло послѣдовать остановки въ отправленіи служебныхъ должностей въ той мѣстности, гдѣ находятся недвижимыя ихъ имѣнія; и наконецъ постановлено, что къ занятію въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ государственныхъ и земскихъ должностей будутъ допускаться одни только туземцы. Въ отношеніи же вещественныхъ правъ предоставлено литовскимъ дворянамъ распоряжаться пожалованными имъ отъ государей имѣніями по примѣру польскихъ дворянъ, т. е. продать, обмѣнять, отдать для временнаго пользованія, подарить, съ тѣмъ, чтобъ такое отчужденіе имѣній производимо было, съ предварительнаго согласія царствующаго государя, или его намѣстника; на имѣнія же вотчинныя литовскихъ дворянъ сыновья и дочери, по смерти отцевъ своихъ, не лишались правъ собственности, и могли наслѣдовать и распоряжаться этими имѣніями, точно такъ, какъ распоряжались ими дворяне въ предѣлахъ Польши. Вдовамъ умершихъ дворянъ Литовскаго Княжества обезпечено спокойное владѣніе оставшимся, по смерти мужей ихъ, имѣніемъ до втораго замужества, и въ семъ послѣднемъ случаѣ поступало оно во владѣніе дѣтей отъ перваго мужа, а если ихъ нѣтъ, къ братьямъ его или ближайшимъ родственникамъ. Запрещено также частнымъ владѣльцамъ принимать къ себѣ крестьянъ великаго князя, который съ своей стороны далъ обѣщаніе не принимать въ свои помѣстья чужихъ крестьянъ (каковымъ распоряженіемъ навсегда прикрѣплены они къ помѣщичьимъ имѣніямъ въ Литвѣ), а земли, ему принадлежащія, отдавать во владѣніе или въ содержаніе однимъ только туземцамъ, т. е. кореннымъ жителямъ литовскаго края.

и 4. *Грамота Сигизмунда Августа, монарха Литвы и Польши, состоявшаяся 7 Іюня 1563 года* [1]. Этотъ

[1] Акты, относящіеся къ исторіи Западной Руси. Т. 1. стр. 118—120.

важный документъ, отличающійся высказанною въ немъ чистою истиною и высокимъ благородствомъ мыслей достойныхъ блистательнаго Сигизмундова царствованія, ознаменованнаго вліяніемъ общеевропейскаго образованія, начинается слѣдующими словами: «Во вниманіе къ тому, возвѣстилъ Сигизмундъ Августъ, что католики, равно и православные, въ предшествовавшія царствованія его предковъ и во дни царствованія его самого, всегда исполняли служебныя обязанности свои вѣрно и усердно, онъ, съ согласія государственнаго совѣта, постановляетъ: отнынѣ (т. е. съ изданія настоящей грамоты) должны состоять на одинакихъ правахъ и пользоваться въ Литовскомъ Княжествѣ свободою и одними и тѣми же дворянскими земскими преимуществами не только тѣ литовскіе дворяне и бояре съ потомками своими, которые находятся въ послушаніи римской церкви и которыхъ предки получили отъ Польши клейноты или гербы, но и всѣ прочія лица христіанской вѣры, принадлежащія къ сословію дворянъ литовскаго и русскаго народа, которыхъ предки не заимствовали отъ Польши гербовъ. Посему какъ Литовцы, такъ и Русскіе дворянскаго происхожденія, исповѣдующіе вѣру христіанскую, безъ различія, католики ли они или православные, должны быть назначаемы къ исправленію должностей государственныхъ, придворныхъ и земскихъ, каждый по мѣрѣ своихъ способностей и оказанныхъ отечеству заслугъ, и уже никто не можетъ быть устраняемъ отъ занятія должностей по причинѣ религіозныхъ христіанскихъ своихъ вѣрованій, какъ то допускалось прежде, на основаніи Городельскаго Акта 1413 года.»

Такія дѣйствія во имя справедливости и правосудія — прекраснѣйшіе алмазы короны Сигизмунда Августа! Этому государю, замѣчательному по добрымъ своимъ чувствамъ и образованію, обязаны православные литовскіе дворяне возстановленіемъ принадлежавшихъ имъ по рожденію граж-

данскихъ правъ, которыя утрачены были ими за 177 лѣтъ передъ тѣмъ (въ 1386 году) въ Ягеллово время; потому только, что они чрезвычайно преданы были наслѣдованному отъ своихъ предковъ православію и крѣпко держались его правилъ, вопреки усиліямъ Ягелла обратить ихъ въ католичество.

Б) Одновременно съ изданіемъ постановленій, объ уравненіи литовскихъ дворянъ въ правахъ съ польскою шляхтою, преобладала въ властителяхъ Литвы и забота о введеніи въ ней, по образцу Польши, представительныхъ палатъ и гражданскихъ судебныхъ мѣстъ, для дѣйствія верховной власти въ дѣлѣ общественнаго благосостоянія и и охраненія всякаго права какъ государственнаго, такъ и частнаго. Начало двумъ палатамъ сенаторской и посольской положено было около 1468 года, при Казимирѣ Ягеловичѣ, съ того времени, когда, по его призыву, получила возможность участвовать въ засѣданіяхъ литовскаго государственнаго совѣта, состоявшаго изъ однихъ знатнѣйшихъ туземныхъ вельможъ или сенаторовъ [1], и малая часть мелкопомѣстной шляхты, и когда начали возникать въ нѣкоторыхъ областяхъ собранія дворянъ или сеймики (маленькіе мѣстные сеймы или съѣзды дворянъ), которые впослѣдствіи, грамотою Сигизмунда Августа, 30 Декабря 1565 года [2], открыты были во всѣхъ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ только находились судебныя мѣста. Самыя же мѣста сіи, къ которымъ принадлежали суды: гродскій, земскій, воеводскій, старостинскій, маршалковскій и державцевъ, введены были въ нѣкоторыхъ областяхъ Литвы частію въ царствованіе Казимира II Ягелловича (1440—1492),

[1] Въ эпоху Казимирова царствованія, сенаторское званіе въ Литвѣ разнилось отъ подобнаго званія въ Польшѣ только тѣмъ, что въ первой оно было наслѣдственно, а въ послѣдней давалось заслуженному сановнику пожизненно.

[2] Акты, относящіеся къ исторіи Западной Руси. Т. I. стр. 138.

частію въ правленіе сына его Сигизмунда II (1506—1548).

и В) Чтожъ касается новыхъ должностныхъ лицъ, носившихъ въ Польшѣ разныя названія, то появленіе ихъ въ Литвѣ предшествовало учрежденію въ ней представительныхъ палатъ и судебныхъ мѣстъ. Изъ таковыхъ лицъ введены въ Литвѣ: въ 1413 г. при Витовтѣ Кейстутовичѣ — воеводы и кастеляне; въ 1457 г. при Казимирѣ II Ягелловичѣ — сенаторы, земскіе послы, а въ 1470 г. старосты и судьи; въ 1492 г. при Александрѣ II Казимировичѣ — великій и надворный маршалы, въ 1499 г. подкоморій, хорунжій, чесникъ, подчашій, маршалокъ и державца [1], а въ 1501 г. подсудокъ и кухмистеръ [2]; въ 1530 г. при братѣ его Сигизмундѣ II Казимировичѣ — гетманъ литовскій, писари, намѣстники, маршалки въ помощь судьямъ и адвокаты.

Изъ всего вышеизложеннаго очевидно, что вліяніе польское въ Литвѣ, въ теченіе XV столѣтія, сдѣлалось уже слишкомъ замѣтнымъ во внутреннемъ образѣ ея управленія, въ судѣ и расправѣ, въ правахъ гражданскихъ и обязанностяхъ должностныхъ лицъ, принадлежащихъ къ дворянскому сословію [3].

и 3. *Окончательное соединеніе Литвы и Польши въ одно государство, при Сигизмундѣ Августѣ, въ 1569 г.*

Не смотря однакожъ на всю заботливость правительства о соединеніи Литвы и Польши въ одно государство, князья и вельможи Литовской Державы не были расположены въ пользу этой мѣры, опасаясь, чтобы, съ уничтоженіемъ преграды, охранявшей отдѣльное ихъ существованіе, имя

[1] Vol. leg. T. I. pag. 281. 282.
[2] Vol. leg. T. I. pag. 285—291.
[3] Устрял. Ч. I. стр. 340. 342.

и слава ихъ не погибли, а Литва не обратилась въ Польшу [1]. Хотя жъ поляки, чтобъ не отдѣлиться отъ Литвы, сдѣлали польскій престолъ наслѣдственнымъ въ Ягелловомъ родѣ, и потому призывали обыкновенно на оный потомка сей династіи, уже объявленнаго Литовцами Великимъ Княземъ; но результаты этой мѣры не соотвѣтствовали ожиданіямъ: ибо каждый избранникъ изъ дома Ягелова, принимая королевство, старался только о томъ, чтобы оно перешло къ его сыну, и не слишкомъ желалъ соединенія двухъ державъ, потому что въ сліяніи наслѣдственнаго — Литовскаго края съ королевствомъ видѣлъ упадокъ великокняжеской власти.

Такой порядокъ дѣлъ продолжался болѣе полутораста лѣтъ, до царствованія Сигизмунда Августа (1544—1572). Въ числѣ событій, совершившихся при этомъ государѣ и рѣшительно подѣйствовавшихъ на будущую судьбу Литвы, знаменательно было въ особенности то, что Сигизмундъ Августъ, бывъ супругомъ, не имѣлъ дѣтей и, лишась надежды имѣть ихъ, не заботился о послѣдствіяхъ соединенія Литвы и Польши въ одно государство: въ его глазахъ исчезли невыгоды, встрѣчаемыя прежними монархами, его предмѣстниками, въ соединеніи наслѣдственной короны — литовской съ избирательною — польскою. При всемъ томъ вопросъ по этому предмету занималъ его постоянно: онъ хотѣлъ слитіемъ Литвы и Польши обезпечить будущее ихъ могущество. Исполненіе этаго намѣренія, конечно, было трудно, потому что вельможи польскіе и литовскіе, расходясь между собою въ взглядахъ на вещи, въ понятіяхъ, обычаяхъ, языкѣ, вѣроисповѣданіи, стремленіяхъ, жили въ обоюдной враждѣ; но сопротивленіе побѣждено было королевскою властію: на созванномъ въ Варшавѣ 13 Марта 1564 г. сеймѣ [2], Сигизмундъ Августъ

[1] Исторія Польская. Соч. Павлищева, 1843 г. стр. 84.
[2] Vol. leg. T. II. pag. 644.

объявилъ вовсеуслышаніе предъ земскими послами Великаго Княжества Литовскаго, что онъ отказывается отъ потомственнаго владѣнія симъ Княжествомъ и предоставляетъ Литовцамъ избрать, по смерти его, совокупно съ поляками, особаго монарха, такъ чтобы новый избранникъ былъ нераздѣльно Королемъ Польскимъ и Великимъ Княземъ Литовскимъ.

Въ сихъ чрезвычайныхъ объстоятельствахъ времени начались между обоими народами по сему важному дѣлу совѣщанія, окончившіяся на Люблинскомъ сеймѣ въ 1569 году договорами, которые заключены были: а) между уполномоченными Польши и трехъ литовскихъ земель — Подляской 5 Марта [1], Волынской 26 Мая [2], Кіевской 5 Іюня [3]; и б) 1 Іюля между представителями Польши съ одной — и прочихъ Литовскихъ областей съ другой стороны [4].

Этими договорами утверждены слѣдующія главныя правила, на которыхъ основано взаимное соединеніе Литвы и Польши: 1) Поляки и Литовцы соединяются въ одно государство подъ властію общаго, избираемаго ими совокупно, государя, съ присвоеніемъ ему титула Короля Польскаго и Великаго Князя Литовскаго. 2) Постановлено имѣть общій сеймъ изъ земскихъ пословъ обоихъ народовъ. 3) Узаконено, что въ земляхъ Волынской, Кіевской и Подляской, признанныхъ, на основаніи вышесказанныхъ Люблинскихъ договоровъ, не Литовскими, а Польскими землями, должны быть опредѣляемы къ должностямъ только туземные дворяне, и что каждый изъ нихъ, безъ различія вѣроисповѣданій Греческаго и Римскаго, будетъ допускаться также и къ должностямъ въ Польшѣ, — и сверхъ того предоставлено первымъ двумъ землямъ (Волынской и Кіевской)

---

[1] Vol. leg. T. II. pag. 745—752.
[2] Vol. leg. T. II. pag. 752—758.
[3] Vol. leg. T. II. pag. 759—766.
[4] Vol. leg. T. II. pag. 766—775.

производить судъ по Литовскому Статуту и употреблять языкъ русскій во всѣхъ государственныхъ и судебныхъ дѣлахъ. 4) Дозволено пріобрѣтать законными способами недвижимыя земскія имѣнія Полякамъ въ Литвѣ, а Литовцамъ въ Польшѣ. и 5) Постановлено сравнить все русско-литовское дворянство въ политическихъ правахъ и преимуществахъ съ дворянствомъ польскимъ (условіе первостепенной важности, купленное дорогою для литовскихъ дворянъ цѣною независимости самаго ихъ отечества), а имѣнія князей, вельможъ, шляхты и духовенства какъ римскаго, такъ и греческаго исповѣданія, въ Литвѣ, Волыни, Кіевѣ и Подлясьѣ, освободить отъ податей казнѣ и налоговъ, кромѣ платы двухъ грошей [1] съ влоки [2] или одного гроша съ дыма.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

о положеніи Литовскаго дворянскаго сословія, въ которомъ оно оставалось со времени соединенія Литвы и Польши въ одно управленіе до исхода XVIII столѣтія (1569—1795).

1. *Устройство въ Литвѣ внутренняго управленія страною по образцу Польши.*

Совершившееся, на изложенныхъ условіяхъ, соединеніе, Литвы и Польши повлекло за собою рѣшительное преобладаніе Польши надъ Литвою, а съ тѣмъ вмѣстѣ—устройство внутренняго управленія въ послѣдней, сходнаго съ тѣмъ, которое существовало уже въ первой.

---

[1] Литовскій грошъ Сигизмунда Августа величиною равенъ съ нынѣшними 15 коп. сер.

[2] Влока или уволока пашни заключала въ себѣ около 18 десятинъ земли.

Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ системы люблинскаго соединенія, усвоено Великому Княжеству Литовскому старинное польское раздѣленіе края на воеводства [1], и въ слѣдствіе сего образовались въ немъ воеводства: Виленское, Трокское, Минское, Новогрудское, Брестское, Полоцкое, Смоленское, Витебское и, кромѣ того, княжество Жмудское [2]. Всѣ сіи воеводства и княжество подраздѣлялись на повѣты или уѣзды. — Вмѣстѣ съ тѣмъ прекратились отдѣльные въ Литвѣ и Польшѣ сеймы, а учреждены были: а) Сеймъ общій въ Варшавѣ изъ сенаторовъ и земскихъ пословъ обоихъ народовъ, бывшій верховнымъ законодателемъ и судьею по дѣламъ уголовнымъ дворянства и управлявшій внѣшними политическими дѣлами; и б) Сеймики частные, состоявшіе изъ мѣстнаго дворянства и созываемые по воеводствамъ, подъ разными наименованіями: одни изъ нихъ были посольскіе, для выбора пословъ на общій сеймъ; другіе—хозяйственные, для совѣщанія о дѣлахъ, относящихся къ земскому хозяйственному устройству уѣзда, въ особенности къ выбору гродскихъ и земскихъ чиновниковъ [3]; третьи—реляціонные, для выслушанія донесеній земскихъ пословъ, бывшихъ на сеймѣ, о томъ, что на немъ постановлено, и т. п. — Для отправленія судопроизводства по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ, возникавшимъ только между дворянами, установлены были повсемѣстно въ

---

[1] Herbarz polski Kaspra Niesieckiego. 1839—1846 T. I. pag. 112—114.

[2] Кіевское княжество, составлявшее со времени Гедимина, именно съ 1320 г., часть Великаго Княжества Литовскаго; еще въ 1470 г.; по волѣ Казимира Ягелловича, названо было воеводствомъ, съ назначеніемъ въ оное тогда же воеводы, кастеляна и другихъ должностныхъ лицъ (Niesiecki. T. I. pag. 413). Волынь и Подлясье обращены уже въ воеводства послѣ 1569 г. Но какъ, по заключеннымъ въ томъ году люблинскимъ договорамъ, эти три воеводства отошли къ Польшѣ, то они здѣсь, въ исчисленіи Литовскихъ воеводствъ, и не показаны.

[3] Niesiec. T. I. pag. 420. 777.

каждомъ уѣздѣ Великаго Княжества Литовскаго, по примѣру Польши, суды: гродскій, земскій и подкоморскій, а позднѣе, въ 1581 г., учреждено высшее государственное судилище—литовскій трибуналъ [1], въ который подаваемы были апелляціи на рѣшенія дѣлъ, производившихся въ показанныхъ трехъ судахъ.—Наконецъ, въ отношеніи служебнаго отдѣла, образовались повсюду въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ существовавшіе уже въ Польшѣ органы правительственной дѣятельности — чиновники или должностныя лица, которыя, соотвѣтственно степенямъ и значенію занимаемыхъ ими должностей, подраздѣлялись на государственные, придворные и земскіе чины [2].

и 2. *Измѣненіе гражданскаго быта литовскаго дворянства, согласно съ польскими уставами и обычаями, оставшееся въ своей силѣ до конца XVIII столѣтія.*

Соединеніе Литвы и Польши имѣло прямымъ слѣдствіемъ и измѣненіе жизни гражданской литовскаго дворянства. Бояре, составлявшіе отъ временъ Гедиминовыхъ высшее благородное сословіе, опиравшееся на права и преимущества, заимствованныя отъ древней Руси, лишились прежняго своего практическаго значенія на всемъ пространствѣ Государства Литовскаго; а за тѣмъ въ Литвѣ установилось это сословіе, въ духѣ подражанія Польшѣ, двухъ степеней: первую — составляли духовные католическаго исповѣданія и мірскіе сановники, послѣдніе какъ паписты, такъ и православные, — подъ общимъ названіемъ сенаторовъ, изъ которыхъ иные призывались къ занятію высшихъ въ государствѣ должностей: воеводъ, маршаловъ, канцлеровъ, подекарбіевъ, гетмановъ и другихъ; ко второй сте-

[1] Павлищ. стр. 146.

[2] Подробное исчисленіе этихъ чиновъ, съ объясненіемъ обязанности каждаго изъ нихъ, излагается ниже стр. 40—61.

пени принадлежали прочія лица благороднаго происхожденія, а также возведенныя въ дворянское достоинство, подъ общимъ именемъ шляхты [1], съ правомъ передавать это состояніе по наслѣдству потомкамъ обоего пола.

На изъясненномъ основаніи дворянство литовское подчинилось вліянію тѣхъ же уставовъ, которыми опредѣлялось дѣйствительное значеніе этого сословія въ Польшѣ и которые сохранили силу свою и въ послѣдніе два вѣка ея самостоятельности, до исхода XVIII столѣтія, т. е. до того времени, когда Литва, или лучше сказать, отторгнутыя нѣкогда ею отъ древней Руси южныя области возвращены были, вмѣстѣ съ Жмудью, Россіи и составили, по прежнему, одну Державу.

По указанію помянутыхъ уставовъ, представляется здѣсь дальнѣйшее обозрѣніе свѣдѣній, относящихся къ литовскому дворянству, по двумъ главнымъ предметамъ, заключающимъ въ себѣ: А) Изложеніе способовъ пріобрѣтенія права на дворянство и раздѣленіе его на классы или разряды. и Б) Описаніе званій и должностей, предоставлявшихся исключительно одному потомственному дворянству.

---

[1] Слово шляхта (szlachta) въ единственномъ шляхтичъ (szlachcic) шляхетство (szlachectwo) имѣетъ первоначальное свое происхожденіе отъ нѣмецкаго schlagen, нѣкогда slahen, въ глубочайшей древности slachan, имѣющаго значеніе ударить и родить. Составленное изъ этого слова имя существительное slahta, встрѣчающееся въ памятникахъ нѣмецкой письменности IX и X вѣковъ, иначе slachta, въ древнемъ нижне-нѣмецкомъ нарѣчіи schlachta. въ нынѣшнемъ нѣмецкомъ языкѣ передѣланное въ geschlecht, значитъ то же, что̀ родъ, по-латыни genus, familia или cognatio (поколѣніе). Шляхтою назывались въ древней Польшѣ и нынѣ называются народные старшины, высшіе роды, дворяне. Это названіе имѣетъ то самое значеніе, что̀ по-древне-славянски земянинъ или властитель земли, по-русски дворянинъ, по-нѣмецки edelman — отъ adelingen, senior — знатнорожденный, по-французски noble. Разница въ правахъ; но происхожденіе дворянъ одинаково.

А) Въ бывшемъ Королевствѣ Польскомъ и Великомъ Княжествѣ Литовскомъ ни чины, ни ордена, вовсе не доставляли дворянскаго достоинства, а пріобрѣталось оно тамъ единственно двумя способами: 1) *родомъ;* и 2) *пожалованіемъ.*

1) *Дворянинъ по праву рожденія* или потомственный, родовый дворянинъ (generosus, urodzony), какъ отрасль древняго благороднаго поколѣнія, сообщалъ состояніе свое женѣ, не смотря на происхожденіе ея или предшествовавшій бракъ, а также всѣмъ законнымъ его дѣтямъ и потомкамъ обоего пола [1]. Онъ сохранялъ благородное свое званіе и пользовался правами и преимуществами, потомственному дворянству дарованными, какъ при достаткѣ, доставлявшемъ ему средство сдѣлаться владѣльцемъ богатаго земскаго имѣнія или обширныхъ помѣстьевъ, такъ и въ скорбной бѣдности, происшедшей отъ стеченія различныхъ несчастныхъ обстоятельствъ [2].

и 2) *Пожалованіе дворянства* даруемо было лицу, съ нисходящимъ отъ него потомствомъ обоего пола, отличившемуся блистательными подвигами на полѣ брани, мирными гражданскими доблестями и достоиствами, и вообще оказавшему полезныя отечеству заслуги. Пожалованіе дворянства совершалось до 1578 г. (до царствованія Стефана Баторія) [3] непосредственно отъ королей польскихъ, бывшихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и великими князьями литовскими, и утверждалось выдаваемыми, за подписаніемъ ихъ, привилегіями или грамотами [4]. Позднѣе, когда королевская власть,

---

[1] Vol. leg. T. I. 1347 an. p. 18, 1505 an. p. 303; T. III. 1635 an. p. 854. 855; T. VIII. 1775 an. p. 307.

[2] Vol. leg. T. VI. 1699 an. p. 77; T. VII. 1764 an. p. 68; T. VIII. 1775 an. p. 678.

[3] Vol. leg. T. II. 1578 an. p. 971. Niesiecki. T. I. p. 569.

[4] Vol. leg. T. II. 1578 an. p. 971; 1601 an. p. 1502; T. IV. 1641 an. p. 11; T. V. 1669 an. p. 22, 1678 an. p. 407, 1685 an. p. 730. 731; T. VII 1768 an. p. 801. 802.

уступая вліянію недовѣрчиваго Сейма, начала постепенно ослабѣвать, и когда право возводить въ дворянство по гражданской части, во вниманіи къ ходатайству сената, министровъ, земскихъ пословъ, предоставлено было одному лишь Сейму [1], сосредоточивавшему въ себѣ законодательную и правительственную власть, тотъ только изъ числа пожалованныхъ дворянствомъ какъ туземцевъ, такъ и иностранцевъ, считался дѣйствительнымъ дворяниномъ, котораго фамилія, по особому постановленію Сейма, была обнародована и внесена въ акты, входившіе въ Собраніе Законовъ (Volumina Legum), и одинъ только этотъ документъ (постановленіе сейма) могъ имѣть положительную важность и значеніе, при представленіи доказательствъ на право дворянства возведеннаго въ оное лица и его потомства [2]. По военной же части присвоено было законами и гетманамъ право возводить въ дворянство людей военной службы, съ нисходящимъ отъ нихъ обоего пола потомствомъ, за отличныя способности и доблестныя заслуги [3]. Права этого не были лишены гетманы и послѣ 1578 г., съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы возведенныя ими въ дворянское достоинство лица, по установленному порядку, явились съ грамотами на первый, имѣющій открыться послѣ выдачи ихъ сеймъ, для признанія дарованнаго имъ дворянства [4]. По утвержденіи Сеймомъ въ дворянствѣ новопожалованныхъ въ это званіе лицъ, выдаваемы были имъ изъ королевской канцеляріи привилегіи, т. е. дипломы или грамоты, за подписью короля и съ приложеніемъ госу-

---

[1] Vol. leg. T. II. 1578 an. p. 971, 1601 an. p. 1516; T. V. 1669 an. p. 22, 1676 an. p. 407. 446; T. VI 1736 an. p. 625; T. VII. 1764 an. p. 74. — Niesiec. T. I. p. 445.

[2] Vol. leg. T. II. 1601 an. 1502, 1607 an. p. 1634; T. IV. 1641 an. p. 11; T. V. 1676 an. p. 407. 446; T. VII. 1764 an. p. 74. 203.

[3] Vol. leg. T. II. 1578 an. p. 971; T. V. 1669 an. p. 22, 1676 an. p. 407, 1685 an. p. 730. 731; T. VII. 1768 an. p. 795. 796.

[4] Vol. leg. T. III. 1613 an. p. 169. 171; T. V. 1676 p. 446.

дарственной печати [1]. Если, по постановленію сеймоваго собранія, пожаловано было дворянство простолюдину туземцу (terrigenes), то онъ назывался новымъ дворяниномъ или скартабелломъ (homo novus, scartabellus) [2], а самая грамота, выданная ему на дворянское достоинство, именовалась нобилитаціею (nobilitacya, производство въ дворяне) [3]. Возведенный же въ дворянство, съ соизволенія Сейма, иностранецъ (advenas) принималъ названіе индигена (indigenus, мѣстный уроженецъ), а грамота или привилегія, которою предоставлялись ему права дворянства, сравнивавшія его съ дворянами, рожденными въ Польшѣ или въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, называлась индигенатомъ (indigenat) [4].

Пожалованіе въ дворянство сопровождалось слѣдующими замѣчательными ограниченіями: а) Дворяне-скартабеллъ (туземецъ) и индигенъ (иностранецъ), — равно потомки ихъ до третьяго колѣна, т. е. до правнуковъ, вовсе удалены были отъ участія въ гражданскихъ правахъ и преимуществахъ, присвоенныхъ древнему родовому дво-

---

[1] Vol. leg. T. I. 1538 an. p. 529; T. IV. 1650 an. p. 337.

[2] Homo novus означаетъ новаго человѣка, т. е. человѣка, возвысившагося не значительностію рода, а только личными достоинствами и трудами. Слово scartabellare на древнемъ италіанскомъ языкѣ значило перебирать листки, карточки, бумажки, отъ чего и назывался scartabellus (schartabelt, skartabell) тотъ, кому данъ листъ или дипломъ. По смыслу законовъ Польши и Великаго Княжества Литовскаго (Vol. leg. T. V. 1676 an. p. 417. 446; T. VI. 1736 an p. 625; T. VII. 1764 an. p. 420. Niesiecki. T. I. p. 440), лице, къ которому относился этотъ техническій терминъ — scartabellus, ни само, ни потомки его до третьяго колѣна, т. е. до правнуковъ, достигшихъ совершеннолѣтія, не пользовались правами и преимуществами родовыхъ дворянъ, если препятствіе это не было устранено увольненіемъ новыхъ дворянъ отъ скартабеллята (skartabellat).

[3] Vol. leg. T. IV. 1641 an. p. 11; T. V. 1676 an. p. 407; T VII 1764 an p. 202.

[4] Vol. leg. T. V. 1676 an. p. 407.

рянству [1], какъ-то: не могли пріобрѣтать и владѣть земскимъ имѣніемъ, т. е. землею, съ населенными на ней людьми обоего пола или крѣпостными крестьянами, не могли присутствовать, съ правомъ голоса, на сеймикахъ, занимать и исполнять различныя служебныя должности и званія по всѣмъ частямъ государственнаго управленія, получать привилегіи на гродскія и негродскія староства и державы, которыя считались наградными государственными имѣніями за службу и проч. Исключенія въ этомъ отношеніи, въ пользу обоего разряда пожалованныхъ дворянъ, могли быть дарованы только Сеймомъ, по уваженію оказанныхъ кѣмъ либо изъ нихъ государству личныхъ заслугъ, съ пожертвованіемъ, для общей пользы, здоровья и достоянія [2]. Посему, въ самомъ сеймовомъ постановленіи о возведеніи въ дворянство, состоящія подъ скарбеллятомъ лица и ихъ потомки не рѣдко увольнялись отъ онаго, какъ показываютъ акты, внесенные въ Собраніе Законовъ [3], и признавались способными получать должности, пріобрѣтать земскія, т. е. дворянскія имѣнія и т. д. Впрочемъ, индигенъ допускался къ пользованію всѣми правами и преимуществами родоваго дворянства, если только онъ, по возведеніи своемъ въ дворянство за заслуги, оказанныя въ новомъ отечествѣ, подтвердилъ дѣйствительность заграничнаго своего дворянства документами той державы, въ которой онъ родился [4], и если онъ, получивъ индигенатъ, въ теченіе одного года пріобрѣлъ въ предѣлахъ Польши

---

[1] Vol. leg. T. V. 1669 an. p. 22; T. VI. 1736 an. p. 625; T. VII 1764 an. p. 202. — Ручн. Слов. Польск. и Литовск. Закон. 1810 г. стр. 157. — Niesiec. T. I. p. 441.

[2] Vol. leg. T. V. 1669 an. p. 22; T. VI. 1736 an. p. 625; T. VII. 1768 an. p 801.

[3] Vol. leg. T. VII. 1768 an. p. 801; T. VIII. 1775 an. p. 300. 301. 307.

[4] Vol. leg. T. IV. 1641 an. p. 11; T. VI 1736 an. p. 625; T. VIII. 1776 an. p. 919.

или Великаго Княжества Литовкаго дѣйствительное, а не мнимое земское имѣніе, и владѣлъ имъ на самомъ дѣлѣ (de facto) [1], т. е. былъ настоящимъ, а не по однимъ только актамъ и имени, землевладѣльцемъ, такъ какъ главнымъ признакомъ дворянскаго происхожденія было владѣніе поземельною дворянскою собственностію. б) Нобилитаціи и индигенаты, дарованные въ 1673 г. (послѣдній годъ царствованія Михаила Вишневецкаго), имѣли свое дѣйствіе только лишь для лицъ, исповѣдывавшихъ римско-католическую вѣру [2], а лицамъ православнаго исповѣданія и прочимъ обитателямъ литовскаго края, разнящимся, по своей вѣрѣ и обрядамъ своей церкви, отъ правилъ католической вѣры (иновѣрцамъ или диссидентамъ), выдаваемы были эти грамоты подъ условіемъ исповѣданія католической вѣры, въ противномъ случаѣ лишались права на пожалованное имъ дворянство и обращались въ первобытное состояніе [3]. Постановленіе это, однакожъ, впослѣдствіи было отмѣнено. и в) Дворяне помянутыхъ двухъ разрядовъ рѣзко отличались между собою самыми титулами или наименованіями. Въ составлявшихся на имя потомственныхъ дворянъ офиціальныхъ актахъ, каковы были привилегіи, рескрипты, патенты, охранныя грамоты и т. п., употреблялись обычныя латинскія наименованія, означавшія дворянское, по родовому происхожденію (urodzenie), достоинство, какъ-то: generosus — урожденный [4], bene natus — отъ дворянскаго рода происходящій [5], possessionatus —

---

[1] Vol. leg. T. I. 1510 an p. 368, 1538 an. p. 528; 1543 an. p. 571; T. II. 1550 an. p. 368, 1563 an. p. 619; T. IV. 1662 an. p. 870; T. VI. 1726 an. p. 410; T. VIII. 1775 an. p. 295

[2] Vol. leg. T. V. 1673 an. p. 133. 134; T. VI. 1726 an. p. 410.

[3] Vol. leg. T. V. 1683 an. p. 675; 1685 an. p. 730; T. VI. 1736 an. p. 677; T. VIII. 1775 an. p. 298

[4] Vol. leg. T. VII. 1764 an. p. 202, 1768 an. p. 797. 798.

[5] Vol. leg. T. VII. 1764 an. p. 388.

помѣстный [1]. Напротивъ того въ актахъ, относившихся къ лицамъ, возведеннымъ въ дворянское достоинство, помѣщалось скромное латинское слово **nobilis** — благородный (**szlachetny**) [2], и это выраженіе никогда не могло служить даже поводомъ къ предположенію, что лице, коему оно присвоялось, принадлежало къ числу дворянъ перваго разряда, т. е. потомственныхъ дворянъ.

и Б) Въ порядкѣ общаго государственнаго управленія *гражданскія званія и должности*, существовавшія въ Польшѣ и Великомъ Княжествѣ Литовскомъ и предоставлявшіяся исключительно одному потомственному дворянству, были троякія: *государственныя, придворныя и земскія* [3].

Въ составъ *государственныхъ должностныхъ лицъ* входили: 1) *Воевода* (**dux**). Сановникъ сей облеченъ былъ военною и гражданскою властію въ ввѣренной ему области. Какъ начальникъ войска, онъ собиралъ и предводительствовалъ выступавшимъ въ походъ ополченіемъ своего воеводства; а какъ правитель области по части гражданской, соединявшій въ лицѣ своемъ и достоинство сенатора, созывалъ сеймики и предсѣдательствовалъ на нихъ въ главномъ городѣ воеводства, заботился о пользѣ общественной и справедливости, устанавливалъ цѣны съѣстнымъ припасамъ, разнымъ земледѣльческимъ произведеніямъ и мануфактурнымъ издѣліямъ, привозимымъ на внутренніе рынки для сбыта, управлялъ судомъ уголовнымъ и вообще наблюдалъ за земскою полиціею и благоустрой-

---

[1] Vol. leg. T. I. 1503 an. p. 293; T. VII. 1764 an. p. 202.

[2] Niesiec. T. I. p. 454.

[3] Въ раздѣленіи гражданскихъ должностей на эти три разряда и въ послѣдовательномъ ихъ исчисленіи я держался порядка, указаннаго въ Высочайше утвержденномъ 4 февраля 1852 г. мнѣніи Государственнаго Совѣта, о качествѣ и значеніи чиновъ бывшаго Королевства Польскаго и Великаго Княжества Литовскаго (Полн. Собр. Зак. Росс. Импер. Т. XXVII № 25.963).

ствомъ воеводства [1]. 2) *Старо́ста Самогитскій* (capitaneus samogitiae) былъ главнымъ правителемъ Жмуди или Самогитіи. Подобно воеводѣ, онъ завѣдывалъ въ предѣлахъ этой страны судебною частію и былъ единственнымъ, подъ симъ названіемъ, членомъ сената, занимавшимъ при засѣданіяхъ третье по старшинству мѣсто между свѣтскими сенаторами [2]. 3) *Кастелянъ* (dominus in castello) высшаго и низшаго разряда. Латинское слово castellum означаетъ гродъ, крѣпость, замокъ, укрѣпленный городъ [3]. Эти крѣпости устроивались, въ древнія времена, преимущественно на пограничной чертѣ государства, какъ для убѣжища жителей на случай безпокойствъ, причиняемыхъ сосѣдними народами, такъ и для огражденія ихъ отъ обыкновенныхъ въ средне-вѣковое время разбоевъ. Гроды или крѣпости снабжены были сильною стражею, а начальствовавшія въ нихъ лица названы кастелянами — комендантами замковъ. Какъ помощники воеводъ, кастеляне раздѣляли занятія ихъ по военной части и по части земскаго управленія, были судьями уголовныхъ дѣлъ и предсѣдателями на сеймикахъ, а въ случаѣ отсутствія воеводъ, вступали въ управленіе ихъ должности [4]. По кругу дѣйствія, предоставлявшагося кастелянамъ, одни изъ нихъ именовались высшаго, а другіе низшаго разряда; первые, подъ главнымъ начальствомъ воеводъ, управляли областію или воеводствомъ (castellani provinciales), и посему въ гражданской іерархіи непосредственно слѣдовали за воеводами и рядомъ съ ними засѣдали въ сенатѣ; а послѣдніе—

---

[1] Vol. leg. T. I. 1420 an. p. 81, 1492 an. p. 271, 1505 an. p. 305, 1510 an. p. 366. 367, 1543 an. p. 568.

[2] Истор. о сост. Правит. Польскаго, перев. съ нѣмец. Лебедевъ. 1766 г. стр. 29.

[3] Бандтке, Ч. I. стр. 104. 118. 298.

[4] Vol. leg. T. I. 1510 an. p. 367. 368, 1519 an. p. 390, 1520 an. p. 39, 1544 an. p. 584, 1588 an. p. 1211.

завѣдывали однимъ только гродомъ и принадлежащимъ къ нему округомъ или уѣздомъ (castellani territoriales), въ сенатѣ же составляли они второй рядъ сенаторовъ и назывались не кресловыми кастелянами, потому что сидѣли въ сенатѣ, позади воеводъ, на скамьяхъ [1]. 4) *Оберъ-Гофъ-Маршалъ* или *Великій Маршалъ* (supremus mareschalcus) былъ однимъ изъ министровъ, и, соединяя въ лицѣ своемъ должности главноуправляющаго Дворомъ, министра внутреннихъ дѣлъ и главнаго распорядителя въ сенатѣ и на сеймахъ, имѣлъ между ними первенство. По званію главнаго начальника королевскаго Двора, оберъ-гофъ-маршалъ находился при особѣ короля, охранялъ его безопасность, распоряжался всѣми дѣлами, относящимися къ придворнымъ празднествамъ и торжественнымъ выходамъ, лично участвовалъ въ нихъ, представлялъ королю иностранныхъ посланниковъ, завѣдывалъ всѣми потребностями Двора и внутреннимъ его устройствомъ, а также должностными, составлявшими придворный штатъ, лицами [2]. Въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ, означенный сановникъ скрѣплялъ королевскіе декреты, наблюдалъ за безопасностію королевскихъ замковъ, исправностію мостовыхъ и мостовъ, за снабженіемъ столицы съѣстными припасами и вообще за порядкомъ въ столицахъ, заботился о народной безопасности, имѣлъ право всѣ преступленія по этому предмету подвергать сужденію въ такъ названныхъ маршалковскихъ судахъ и опредѣлять наказаніе зачинщикамъ безпорядковъ [3]. Наконецъ, какъ распорядитель въ засѣданіяхъ сената и сейма, оберъ-гофъ-маршалъ назначалъ въ сихъ собраніяхъ мѣста сенаторамъ и земскимъ посламъ, отбиралъ отъ нихъ голоса, наблюдалъ за

---

[1] Лебедевъ, стр. 89.

[2] Vol. leg. T. I. 1504 an. p. 295; T. V. 1678 an. p. 645.

[3] Vol. leg. T. V. 1678 an. p. 347. 350. 645.

порядкомъ въ засѣданіяхъ, умѣряя излишнюю пылкость членовъ, или подвергая взысканію виновныхъ въ нарушеніи установленнаго порядка, или же, въ случаѣ надобности, вовсе прекращая неумѣстныя ихъ сужденія. 5) ***Надворный Маршалъ*** (mareschalcus curiae) былъ высшимъ, принадлежавшимъ ко Двору и присутствовавшимъ въ сенатѣ, сановникомъ; въ небытность оберъ-гофъ-маршала, онъ заступалъ его мѣсто. 6) ***Великій Гетманъ*** (capitaneus generalis). Его титло считалось важнымъ воинскимъ званіемъ, соотвѣтствовавшимъ сану военнаго министра. Въ древности, когда дворянство обязано было выступать въ походъ ополченіями, каждый воевода, въ предѣлахъ своего воеводства, становился гетманомъ—главнымъ предводителемъ войска — на все время продолженія кампаніи. Въ царствованіе Сигизмунда Казимировича (1506—1548) и преемника его, Сигизмунда Сигизмундовича (1548—1572), достоинство гетманское сдѣлалось пожизненнымъ. Великихъ гетмановъ, назначавшихся на всю жизнь, было трое: одинъ въ Польшѣ именовался короннымъ, другой—въ Бѣлоруссіи, названный литовскимъ, а третій — въ Малороссіи, имѣвшій титулъ гетмана малороссійскаго и войска реестроваго и запорожскаго [1]. Каждый изъ нихъ, при назначеніи въ это воинское званіе, получалъ слѣдующіе, знаменующіе достоинство его, знаки: осыпанную алмазами булаву или повелительный жезлъ—символъ обширной власти, которой подчинена была вся военная сила;—государственное знамя съ гербомъ бѣлаго орла; національную печать; горностайную мантію, а малороссійскій гетманъ, сверхъ того, и бунчукъ въ жемчугахъ, означавшій побѣды надъ азіатскими народами [2]. Великій гетманъ, обще съ государемъ, избиралъ уѣздныхъ ротмистровъ и поручи-

---

[1] Исторія Малой Россіи. Соч. Конискаго. 1846 г. стр. 15. 16. 44.
[2] Тамъ же стр. 26. 86.

ковъ [1] опредѣлялъ награды и наказанія, и опредѣленія его по сему предмету имѣли такое же, какъ и сеймовыя постановленія, значеніе [2]. На попеченіи гетмана были пограничныя крѣпости; онъ, какъ главный военный начальникъ, имѣлъ до 1764 г. право отличившихся въ войскѣ лицъ возводить въ дворянство и жаловать офицерскими чинами, съ выдачею на это изъ своей канцеляріи грамотъ и патентовъ [3]. 7) *Полевой Гетманъ* былъ при великомъ гетманѣ начальникомъ штаба. Званіе сего военачальника впервые установлено въ царствованіе Стефана Баторія (1576—1587). Полевой гетманъ имѣлъ мѣсто въ сенатѣ, сохранялъ свое титло пожизненно и, въ отсутствіе великаго гетмана, исправлялъ его должность. 8) *Оберъ-Канцлеръ* или *Великій Канцлеръ* (supremus cancellarius) исполнялъ обязанности министра иностранныхъ дѣлъ и, предсѣдательствуя въ надворномъ и ассессорскомъ судахъ [4], былъ присутствующимъ членомъ въ сенатѣ. Онъ объявлялъ волю короля какъ на сеймѣ и въ сенатѣ, такъ и при публичныхъ аудіенціяхъ; имѣя въ своемъ вѣдѣніи государственный архивъ (метрику), наблюдалъ за ходомъ дѣлъ по предмету сношеній съ иностранными державами, принималъ подаваемыя на имя короля прошенія, заботился о исполненіи законовъ и былъ хранителемъ большóй государственной печати съ гербомъ короннымъ или литов-

---

[1] Въ военную должность поручика назначалось государемъ, по удостоенію гетмана, лице изъ помѣстныхъ дворянъ. Къ обязанности поручика относилось, между прочимъ, составленіе по воеводству именнаго списка способнымъ къ военной службѣ людямъ, и отправленіе имъ служебной своей должности лично, а не черезъ подчиненныхъ ему людей (Vol. leg. T. I. 1527 an. p. 473).

[2] Vol. leg. T. II. 1590 an. p. 1326.

[3] Vol. leg. T. I. 1527 an. p. 473, 1540 an. p. 558; T. II. 1578 an. p. 971, 1590 an. p. 1326; T. IV. 1659 an. p. 642; T. V. 1669 an. p. 22; 1676 an. p. 379. 407; T. VI. 1736 an. p. 625.

[4] Vol. leg T. VII. 1766 an. p. 114.

скимъ, [1] которая, по волѣ короля, прикладывалась къ сеймовымъ и сенатскимъ актамъ, а также къ жалованнымъ грамотамъ, привилегіямъ, патентамъ и другимъ документамъ, выдаваемымъ за подписью короля и скрѣпою оберъ-канцлера; безъ приложенія же этой печати ни одна королевская привилегія, хотя бы подписана была рукою короля, не имѣла силы. 9) *Вице-Канцлеръ* былъ намѣстникомъ оберъ-канцлера, исправлявшимъ его должность во время отсутствія, хранилъ малую государственную печать и засѣдалъ въ сенатѣ. 10) *Великій Подскарбій* (supremus thesaurarius) былъ государственнымъ казначеемъ или министромъ финансовъ, присутствовалъ въ сенатѣ и финансовой комииссіи. Всѣ, относящіяся къ финансовой части, монетныя и другія учрежденія находились въ исключительномъ смотрѣніи и распоряженіи великаго подскарбія [2]. Завѣдывая, сверхъ того, доходами съ королевскихъ столовыхъ, вотчинъ или экономій [3], старо́ствъ [4], а также подушными, таможенными, акцизными, рудокопными, квартяными [5] и другими, принадлежащими государственному казначейству, сборами, онъ наблюдалъ какъ за поступленіемъ въ казначейство опредѣленныхъ отъ всѣхъ сихъ статей доходовъ [6], такъ равно за правильнымъ употребленіемъ ихъ по назначенію, какъ-то: на содержаніе постояннаго войска [7], содержаніе королевскаго стола, придворнаго штата, отправленіе пословъ и прочіе обыкновенные и

---

[1] Vol. leg. T. II. 1586 an. p. 899.

[2] Vol. leg. T. I. 1504 an. p. 297; T. II. 1601 an. p. 1509, 1607 an. p. 1605; T. III. 1611 an p. 12.

[3] Vol. leg. T. II. 1589 an. p. 1285, 1590 an. p. 1334; T. III. 1633 an. p. 803, 1635 an. p. 853.

[4] Vol. leg. T. II 1562 an. p. 618, 1569 an. p. 782, 1587 an. p. 1062, 1607 an p. 160.

[5] Vol. leg. T. II. 1567 an. p. 782.

[6] Vol. leg. T. II. 1607 an. p. 1609.

[7] Vol. leg. T. IV. 1660 an. p. 15.

чрезвычайные расходы. Подъ главнымъ надзоромъ великаго подскарбія было частное казначейство короля, кабинетъ, въ которомъ хранились королевскія регаліи: корона, скипетръ, держава, мечъ, нѣкоторыя другія драгоцѣнности и важнѣйшіе, старинные государственные документы. 11) *Надворный Подскарбій* (thesaurarius curiae regni) исправлялъ, въ отсутствіе министра финансовъ, должность его и управлялъ имѣніями, опредѣленными на содержаніе королевскаго стола.[1] 12) *Коронный Секретарь* (въ Польшѣ), Великокняжескій Секретарь (въ Литвѣ) или *Великій Секретарь* (secretarius maior regni), назначавшійся въ эту должность изъ духовныхъ лицъ, былъ помощникомъ канцлера, исправлявшимъ иногда его должность. Онъ читалъ на сеймахъ договорныя съ королемъ статьи (pacta conventa), опредѣленія сенатскія и другія официальныя бумаги, а также отправлялъ королевскую переписку съ министрами, сенаторами и частными людьми, и объявлялъ королевскія повелѣнія. 13) *Референдарій* (referendarius) былъ свѣдущій въ законахъ сановникъ, постоянно находившійся при Дворѣ, для выслушиванія прошеній лицъ и для объявленія на оныя рѣшеній согласно повелѣнію короля, или же для передачи сихъ прошеній по принадлежности канцлеру. Отъ такого образа занятій, т. е. отъ изложенія и передачи просьбъ на разрѣшеніе канцлера, означенный сановникъ названъ по латыни референдаріемъ—referendarius. Должность его соотвѣтствовала должности нынѣшняго статсъ-секретаря коммиссіи прошеній. Въ послѣдствіи онъ былъ главнымъ судьею референдарскаго суда, въ которомъ разсматривались тяжебныя дѣла, возникавшія между дворянами, содержателями королевскихъ имѣній, и крестьянами ихъ [2]. Референдарій, сверхъ того, докладывалъ дѣла

[1] Vol. leg. T. II. 1607 an. p. 1609.

[2] Vol. leg. T. I. 1507 an. p. 363; T. VI. 1717 an. p. 241.

отъ имени короля на сеймѣ, въ непремѣнномъ совѣтѣ, существовавшемъ при королѣ съ 1776 по 1789 г., и въ ассесорскомъ судѣ, къ которому относилось разсмотрѣніе и рѣшеніе спорныхъ дѣлъ между городами и содержателями королевскихъ помѣстій [1]. 14) *Великій Писарь* (supremus notarius, scriptor) находился на службѣ въ королевской канцеляріи и обязанъ былъ записывать въ метрическія книги (такъ назывались актовыя книги для различія отъ книгъ гродскихъ и земскихъ) справедливо и вѣрно привилегіи, опредѣленія, сознанія и прочія производившіяся въ оной дѣла [2]. 15) *Великій Хорунжій* или знаменщикъ (supremus vexillifer regni) носилъ государственное знамя (хоругвь) при всѣхъ торжественныхъ церемоніяхъ и выходахъ при Дворѣ, какъ-то: при короноваціи и погребеніи королей, при ихъ шествіи послѣ коронаціи изъ краковскаго замка въ городскую ратушу для принятія присяги отъ мѣщанъ, при выступленіи дворянства всеобщимъ ополченіемъ въ походъ противъ непріятеля, и проч. 16) *Надворный Хорунжій* (vexillifer curiae regni) былъ помощникомъ великаго хорунжія, заступавшимъ его мѣсто, въ его отсутствіе. 17) *Великій Мечникъ* (ensifer) несъ предъ особою короля мечъ во всѣхъ торжественныхъ выходахъ, при которыхъ носимо было великимъ хорунжимъ знамя. — 18) *Хранитель королевскихъ драгоцѣнностей* (custos coronarum regni) былъ казначей или стражникъ, который, состоя подъ начальствомъ великаго подскарбія, имѣлъ въ вѣдѣніи своемъ въ г. Краковѣ нарочитое, замкнутое ключами семи сенаторовъ, казначейство, въ которомъ лежали, какъ сказано выше, корона, скипетръ, держава, гербъ и другія королевскія украшенія, а также важнѣйшіе государственные документы. 19) *Уголовный* или *государственный Про-*

---

[1] Vol. leg. T. VII. 1763 an. p. 537. 540.
[2] Vol. leg. T. I. 1538 an. p. 529.

куроръ (instigator regni) имѣлъ надзоръ за сохраненіемъ и исполненіемъ законовъ, и вообще за соблюденіемъ судебными мѣстами и должностными лицами правосудія. По донесеніямъ его, разсматривались и рѣшались казенныя дѣла по возникшимъ спорамъ: о важности и силѣ привилегій между дворянами и духовными лицами, о назначеніи границъ между королевскими, земскими и принадлежавшими духовенству имѣніями, объ имѣніяхъ феодальныхъ, о опустошеніи королевскихъ замковъ, о злоупотребленіи правъ и привилегій и проч. [1]. Въ частныя же дѣла государственный прокуроръ вступался единственно лишь только для защиты обиженной стороны. 20) *Помощникъ уголовнаго прокурора* (vice-instigator) обязанъ былъ жить въ томъ мѣстѣ, гдѣ находился Литовскій трибуналъ и, въ отсутствіе прокурора, вступалъ въ исправленіе его должности. 21) *Коронный Войскій* или трибунъ (tribunus) былъ стражемъ укрѣпленнаго замка, въ которомъ постоянно, находился въ мирное и военное время, для охраненія безопасности въ своемъ уѣздѣ [2]. 22) *Регентъ* (правитель дѣлъ высшей и низшей канцеляріи) завѣдывалъ производствомъ дѣлъ въ канцеляріяхъ оберъ-канцлера и вице-канцлера, наблюдалъ, чтобъ не выходило изъ нихъ никакого распоряженія противнаго законамъ, а въ дѣлахъ важныхъ и въ сомнительныхъ случаяхъ испрашивалъ разрѣшенія оберъ-канцлера, отъ имени котораго подносилъ королю, для подписанія, официальныя бумаги и акты, и выполнялъ разныя другія порученія. 23) *Метрикантъ* установленъ былъ для надзора за архивомъ королевской канцеляріи, въ которомъ хранились государственныя дѣла, а также за выдачею, по принадлежности, внесенныхъ въ книгу королевскихъ привилегій. 24) *Коммисаръ*. Во время засѣданій сейма соста-

---

[1] Руч. Слов. Пол. и Лит. Зак. стр. 15 и 113.

[2] Vol. leg. T. I. 1538 an. p. 529; T. II. 1550 an. p. 595.

влялись коммиссіи, для предварительнаго разсмотрѣнія проэктовъ законовъ, для повѣрки подскарбіевыхъ отчетовъ и другихъ дѣлъ. Призванныя изъ среды членовъ сейма въ составъ этихъ коммиссій лица назывались коммисарами. Независимо отъ сихъ временныхъ учрежденій, существовали четыре коммиссіи: финансовая, военная, эдукаціонная, маршальская или полицейская [1]. Присутствовавшіе въ сихъ коммиссіяхъ члены именовались также коммисарами, а штатъ ихъ канцелярій, кромѣ писарей и регентовъ, составляли: 25) *Секретари*, 26) *Архиваріусы*, 27) *Инстигаторы*, 28) *Кассиры*, и *Контролеры*. — 29) *Депутатъ* трибунала. Такъ назывался членъ сего верховнаго судебнаго мѣста, учрежденнаго для разсмотрѣнія дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ дворянскаго сословія; онъ избирался въ это званіе на сеймикахъ [2]. 30) *Ассесоры ассесорскихъ* и *референдарскихъ судовъ*. Предметы занятій обоихъ сихъ судовъ показаны выше, при изложеніи должности референдарія; присутствовавшіе въ нихъ члены назывались ассесорами. 31) *Войскій Литовскій* (tribunnus) обязанъ былъ, подобно коронному, принимать надлежащія мѣры для всеобщей безопасности особенно въ то время, когда дворянство выступило въ походъ противъ непріятеля. Войскіе раздѣлялись на земскіе и гродскіе: земскій начальствовалъ надъ цѣлымъ уѣздомъ, а власть гродскаго ограничивалась только однимъ замкомъ или цитаделью [3]. 32) *Пивничій* имѣлъ въ своемъ храненіи разные напитки. 33) *Мѣрничій* занимался приведеніемъ въ извѣстность мѣры земли, находившейся во владѣніи казны и частныхъ лицъ. 34) *Граничный*, по рѣшенію подкоморія, устанавливалъ на спорной землѣ надлежащіе межевые знаки, опредѣлявшіе границы ея владѣнія. 35) *Коморникъ* первоначально

[1] Руч. Слов. Пол. и Лит. Зак. стр. 101. 112—120. 140—142.
[2] Тамъ же, стр. 44—48. 310—312.
[3] Niesiec. T. I. p. 118.

завѣдывалъ кабинетомъ короля, его казною, гардеробомъ и участвовалъ въ разсмотрѣніи дѣлъ судныхъ. Въ послѣдствіи учреждены были коморники въ воеводствахъ и уѣздахъ для смотрѣнія за королевскою собственностію. Придворный коморникъ, для различія отъ нихъ, назывался королевскимъ коморникомъ (camerarius ducis) и имѣлъ у себя товарища — подкоморія (sub-camerarius)[1].

Къ придворнымъ должностнымъ лицамъ относились: 36) *Великій Подкоморій* или *Оберъ-Камергеръ*. Онъ наблюдалъ за сохраненіемъ въ королевскихъ покояхъ благопристойности, заботился о безопасности особы короля и завѣдывалъ всѣмъ тѣмъ, что относилось къ устройству придворнаго блеска и пышности. Посему великій подкоморій, находясь безотлучно при королѣ, сопровождалъ его во всѣхъ торжественныхъ выходахъ, въ засѣданія на сеймъ, въ сенатъ и во время путешествія его по государству. Иностранные министры и посланники допускаемы были къ аудіенціи королевской при посредствѣ великаго подкоморія, который, принявъ ихъ у перваго дворцоваго покоя, доводилъ до послѣдняго, гдѣ ожидали ихъ маршалы. Такимъ образомъ сановникъ сей, управлявшій королевскимъ кабинетомъ, имѣлъ надзоръ и за службою шамбелляновъ или камергеровъ. Золотой ключъ, жалованный отъ короля великому подкоморію, по выполненіи имъ присяги на вѣрность службы, былъ отличительнымъ знакомъ его должности [2]. 37) *Великій Конюшій* или *Оберъ-Шталмейстеръ* (praefectus stabuli) — главный начальникъ, завѣдывавшій придворными конюшнями, стадами овецъ, табунами коней и т. п. 38) *Подконюшій* (sub-praefectus stabuli) былъ ближайшимъ распорядителемъ въ придворныхъ конюшняхъ. 39) *Великій Ловчій* (venator) или *Оберъ-Егермей-*

---

[1] Niesiec. T. I. p. 396. 397.

[2] Niesiec. T. I. p. 414. — Руч. Слов. Пол. и Лит. Зак. стр. 203.

стеръ, завѣдывалъ охотою и въ особенности заботился о томъ, чтобы въ лѣсахъ, гдѣ охотился король, не были истребляемы звѣри посторонними лицами. 40) *Надворный Ловчій* (sub-venator) былъ товарищемъ великаго ловчаго. 41) *Великій Кухмистеръ* (praefectus culinae) имѣлъ надзоръ за придворными поварами и кухнею, и исправлялъ должность свою только при торжественныхъ случаяхъ, именно: во время коронованія государя, пріема иностранныхъ пословъ и т. п. 42) *Великій Стольникъ* (dapifer) наблюдалъ, во время торжественныхъ пиршествъ при Дворѣ, за порядкомъ при накрытіи стола и снабженіи его разными приборами. 43) *Подстолій* (sub-dapifer) былъ намѣстникомъ стольника. 44) *Крайчій* (structor mensae) наблюдалъ за установленіемъ и приготовленіемъ стола, для убранства его стольникомъ, разрѣзывалъ приготовленныя на блюдахъ мясныя и другія кушанья. 45) *Великій Чашникъ* или *Чесникъ* (pincerna), оберъ-мундшенкъ, имѣя въ вѣдѣніи своемъ напитки, поставляемые для королевскаго стола, и потребные для нихъ приборы, наблюдалъ за порядкомъ по этой части, и, во время пиршествъ по случаю коронованія короля, пріема иностранныхъ пословъ и проч., отправлялъ слажбу при особѣ государя, поднесеніемъ наполненнаго виномъ кубка. 46) *Подчашій* (sub-pincerna) заступалъ мѣсто чашника, въ его отсутствіе, а при отправленіи должности самимъ чашникомъ, наливалъ напитокъ въ кубокъ для поднесенія королю. 47) *Шамбеллянъ*, т. е. камергеръ. Лица, носившія это наименованіе, находились при Дворѣ подъ вѣдѣніемъ великаго подкоморія, отъ котораго и назначались къ исправленію разныхъ должностей по ввѣренной ему части.

Наконецъ *земскія должностныя лица*, или чиновники земскаго управленія, имѣли слѣдующія названія: 48) *Подкоморій* (sub-camerarius terrestris) занимался разграниченіемъ земель, полагая на нихъ при судовомъ чиновникѣ

копцы и прочіе межевые знаки [1], разбиралъ и рѣшалъ межевые споры по дворянскимъ недвижимымъ имѣніямъ, производя по этому предмету судъ на мѣстѣ спорной земли въ срокъ, предварительно назначенный письменнымъ отъ имени его извѣщеніемъ тяжущихся сторонъ [2]. Подкоморій обязанъ былъ имѣть отъ королевской канцеляріи межевой планъ своего уѣзда за королевскою печатью [3], хранить подкоморскія книги своихъ предмѣстниковъ, вести вѣрно свои таковыя [4], и, за отсутствіемъ кастеляна и повѣтоваго маршалка, предсѣдательствовать въ сеймикѣ. 49) *Старо́ста* (capitaneus). Коронныя недвижимыя имѣнія въ Польшѣ и Литвѣ, составившіяся изъ завоеванныхъ земель, изъ помѣстьевъ послѣ прекращенія владѣтельныхъ княжескихъ родовъ, изъ конфискованныхъ и выморочныхъ имуществъ частныхъ лицъ, раздѣлялись на экономическія [5] и государственныя [6]. Имѣнія экономическія, назначенныя на содержаніе короля [7], находились въ управленіи особыхъ начальниковъ, которыхъ обязанность первоначально состояла въ сборѣ съ нихъ и взносѣ въ королевскую казну опредѣленныхъ доходовъ. Въ послѣдствіи, когда въ тѣхъ имѣніяхъ, по обычаю могучихъ феодаловъ среднихъ вѣковъ, устроены были замки или гроды (arx), т. е. крѣпости, снабженныя, для отраженія непріятельскихъ набѣговъ, съѣстными припасами, боевыми снарядами и охраннымъ войскомъ (гарнизономъ), завѣдываніе и этими зам-

---

[1] Vol. leg. T. II. 1601 an. p. 1503.

[2] Руч. Слов. Пол. и Лит. Зак. стр. 68. 196—203.

[3] Тамъ же стр. 201.

[4] Vol. leg. T. II. 1588 an. p. 1211.

[5] Vol. leg. T. I. 1500 an. p. 1262; T. II. 1589 an. p. 1285, 1590 an. p. 133; T. III. 1633 an. p. 803, 1635 an. p. 853.

[6] Vol. leg. T. II. 1588 an. p. 1617; T. III. 1609 an. p. 1669; T. IV. 1647 an. p. 100—106.

[7] Vol. leg. T. II. 1565 an. p. 681; T. III. 1633 an. p. 803, 1635 an. p. 853; T. IV. 1641 an. p. 1.

ками поручено было также помянутымъ начальникамъ, съ предоставленіемъ имъ, въ чертѣ назначеннаго управленію ихъ округа, судебной власти, простиравшейся не только на имѣнія экономическія, но и на обывателей, владѣвшихъ въ томъ округѣ участками земскихъ имѣній, и съ присвоеніемъ въ то же время имъ славянскаго названія Старо́стъ (capitaneus, praefectus arcis). Очевидно поэтому, что старо́ста гродскій или судовой былъ стражемъ и защитникомъ за́мка королевскаго и всеобщей безопасности въ принадлежащемъ къ нему округѣ, охраняя его отъ притѣсненій, воровства и разбоевъ [1]. Онъ, вмѣстѣ съ подвоеводой или подстаро́стой, гродскимъ судьею, подсудкомъ и писаремъ, составлялъ управленіе, названное Гродскимъ Судомъ, въ которомъ и предсѣдательствовалъ [2], Судъ этотъ разсматривалъ и судилъ дѣла уголовныя, обвиняемый же защищался вслухъ сего Суда или самъ, или чрезъ адвоката. Что жъ касается упомянутыхъ выше государственныхъ имѣній, составлявшихъ собственность казны, онѣ, по мѣрѣ своей обширности, раздѣлялись: на

---

[1] Vol. leg. T. I. 1420 an. p. 77, 1433 an. p. 91, 1496 an. p. 250, 257, 1523 an. p. 408; T. III. 1620 an. p. 376.

[2] Гродскіе Суды въ этомъ составѣ существовали въ Западныхъ Губерніяхъ (Виленской, Гродненской, Минской, Подольской, Волынской, Кіевской и бывшей Бѣлостокской области) до 1831 г. Въ исходѣ этаго года они вовсе упразднены, а производившіяся въ нихъ дѣла поступили въ вѣдѣніе Земскихъ Судовъ, которые тогда же переименованы, по примѣру великороссійскихъ губерній, въ Уѣздные Суды, и, сверхъ того, всѣ вообще присутственныя мѣста и должностныя лица въ поименованныхъ губерніяхъ получили наименованія, какія присвоены соотвѣтственнымъ мѣстамъ и должностямъ въ великороссійскихъ губерніяхъ, съ отмѣною навсегда прежнихъ, до того времени существовавшихъ, названій мѣстъ и должностей (Пол. Соб. Зак. Рос. Имп. Т. VI. № 4.894). — Въ 1835 г. упразднено и званіе писарей, обязанности же ихъ возложены: по должности члена Суда на засѣдателей, а по управленію канцеляріею Суда и надзору за актовыми книгами — на секретарей Уѣздныхъ Судовъ (Пол. Собр. Зак. Рос. Имп. Т. X. № 8514).

старóства, заключавшія въ себѣ значительное число волостей съ зàмками или крѣпостями; на державы (tenutae), состоявшія изъ небольшихъ мызъ или деревень; и на войтовства, ограничивавшіяся небольшими помѣстьями [1]. Всѣ сіи имѣнія, приносившія доходы, давались царствовавшими государями, въ награду за заслуги, дворянамъ для содержанія ихъ (panis bene merentium) на извѣстное число лѣтъ и съ нѣкоторыми обязанностями [2]. Обширнѣйшія съ зàмками имѣнія назывались, какъ выше сказано, старóствами, а владѣльцы ихъ, для различія отъ лицъ, имѣвшихъ въ своемъ содержаніи имѣнія извѣстныя подъ именемъ державъ и войтовствъ, именовались старóстами. Но эти старóсты не имѣли судебной власти, предоставленной гродскимъ старóстамъ, а были простые помѣщики пожалованныхъ имъ отъ государя во временное владѣніе старостинскихъ имѣній на общемъ земскомъ правѣ, и назывались поэтому негродскими старóстами. На этомъ основаніи они допускаемы были къ занятію земскихъ должностей въ своемъ воеводствѣ или уѣздѣ, между тѣмъ какъ старóста гродскій или судовой не имѣлъ права исправлять, сверхъ прямой своей обязанности, еще какую либо должность въ одномъ и томъ же воеводствѣ [3]. Исключеніе въ этомъ отношеніи сдѣлано было лишь только для трехъ гродскихъ старóстъ: великопольскаго, краковскаго и подольскаго [4]. Сверхъ того, несудовыми старóстами могли быть даже безпомѣстные дворяне [5], и иностранцы [6]; а

---

[1] Павлищевъ стр. 127.

[2] Vol. leg. T. I. 1374 an. p. 57, 1433 an. p. 90; T. II. 1567 an. p. 724, 1607 an. p. 1606; T. III. 1620 an. p. 367, 1635 an. p. 416; T. IV. 1653 an. p. 564, 1659 an. p. 613, 1662 an. p. 767, 844, 861; T. V. 1669 an. p. 15; T. VI. 1736 an. p. 623.

[3] Vol. leg. T. I. 1538 an. p. 527; T. II. 1562 an. p. 819.

[4] Vol. leg. T. I. 1451 an. p. 248. — Niesiec. T. I. p. 422.

[5] Vol. leg. T. II. 1562 an. p. 620.

[6] Vol. leg. T. I. 1374 an. p. 57, 1433 an. p. 90.

старо́сты гродскіе необходимо долженствовали быть помѣстными и туземными дворянами [1]. 50) *Подвоевода Судебный* или *Подстаро́ста* (vice-capitaneus) былъ намѣстникомъ гродскаго старо́сты, производившимъ, по его порученію, судъ и расправу, а во время его отсутствія исправлявшимъ его должность. 51) *Судья Гродскій* (iudex arcis), въ качествѣ члена гродскаго суда, наблюдалъ, между прочимъ, за правильнымъ внесеніемъ въ судебныя книги записей [2]. 52) *Писарь Гродскій* (notarius arcis) былъ членомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ производителемъ дѣлъ или секретаремъ гродскаго суда. Какъ членъ суда, имѣлъ совѣщательный голосъ при разсмотрѣніи и рѣшеніи дѣлъ, а какъ дѣлопроизводитель, наблюдалъ за канцелярскимъ порядкомъ. Писарь обязанъ былъ приводить соотвѣтствующія дѣлу справки и законы, составлять рѣшенія или приговоры, хранить и содержать въ порядкѣ актовыя книги, принимать и записывать въ оныя крѣпостныя и всякаго рода письменныя сдѣлки, а также сознанія должностныхъ и частныхъ лицъ, согласно съ словеснымъ объясненіемъ и прямою мыслію сознающаго, а по прошеніямъ дѣлать выписки или справочныя копіи съ актовъ, для выдачи просителямъ [3]. 53) *Повѣтовый* (уѣздный) *Маршалокъ* былъ избираемъ на сеймикахъ только въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, какъ-то: Лидскомъ и Ошмянскомъ (вилен. воев.), Ковенскомъ и Упитскомъ (трок. воев.), Рѣчицкомъ (мин. воев.) Слонимскомъ и Волковыскомъ (новогр. воев.), для засѣданія въ судебномъ мѣстѣ. Сохраняя должность свою пожизненно [4], маршалокъ обязанъ былъ, въ случаѣ отсут-

[1] Vol. leg. T. I. 1374 an. p. 57, 1433 an. p. 90, 1505 an. p. 307, 1519 an. p. 389, 1540 an. p. 556, 1543 an. p. 573; T. II. 1550 an. p. 597; T. III. 1613 an. p. 192.

[2] Vol. leg. T. I. 1519 an. p. 389.

[3] Vol. leg. T. I. 1496 an. p. 250, 1519 an p. 387. 389, 1532 an. p. 502. 506, 1543 an. p. 582; T. II. 1550 an. p. 595. 597.

[4] Vol. leg. T. III. 1631 an. p. 703.

ствія кастеляна, предсѣдательствовать на сеймикѣ своего уѣзда. 54) *Хорунжій Земскій* (vexillifer terrestris) предводительствовалъ, во время общаго ополченія противъ непріятеля, съ земскимъ знаменемъ въ рукѣ, дворянскимъ своего уѣзда отрядомъ и, имѣя, сверхъ того, у себя списки всѣмъ дворянамъ обязаннымъ явиться на военную службу, наблюдалъ, чтобы каждый изъ нихъ выполнялъ эту обязанность съ точностію [1]. 55) *Земскій Судья* (iudex terrestris). 56) *Подсудокъ* (sub-iudex terrestris). 57) *Писарь* (notarius terrestris). 58) *Регентъ*. 59) *Вице-Регентъ*. Земскій Судъ, учрежденный сверхъ гродскаго въ каждомъ уѣздѣ или повѣтѣ, и входившій въ разсмотрѣніе и рѣшеніе гражданскихъ между дворянами дѣлъ — тяжебныхъ по имуществамъ и исковыхъ по договорамъ, обязательствамъ, ущербамъ и убыткамъ на всякую сумму [2], — состоялъ изъ земскаго судьи, двухъ подсудковъ, или товарищей его и писаря. Сей чиновникъ, подобно писарю гродскому, соединялъ въ одномъ своемъ лицѣ двѣ должности — члена суда и производителя дѣлъ или секретаря, — и посему обязанности его по управленіею канцеляріею были тѣ же, какія несъ и писарь гродскаго суда. Писарямъ обоихъ судовъ предоставлено было закономъ право имѣть регентовъ (правителей дѣлъ) и вице-регентовъ, помощниковъ ихъ [3]. Между этими должностными лицами раздѣляемо было дѣлопроизводство писарей, и посему, соотвѣтственно существу подлежащихъ вѣдѣнію ихъ дѣлъ, регенты были декретовые, занимавшіеся составленіемъ судебныхъ приговоровъ или рѣшеній и приведеніемъ приличныхъ обстоятельствамъ дѣла законовъ, и актовые, завѣдывавшіе крѣпостными дѣлами [4].

[1] Vol. leg. T. III. 1621 an. p. 412.
[2] Vol. leg. T. I. 1523 an. p. 404.
[3] Vol. leg. T. VI. 1726 an. p. 474; T. VII. 1768 an. p. 124.
[4] Писари, регенты и вице-регенты находились не только въ судахъ гродскомъ и земскомъ, но и въ другихъ судебныхъ и прави-

60) *Стольникъ*. 61) *Подстольничій*. 62) *Чашникъ* или *Чесникъ*. 63) *Подчашій*. 64) *Ловчій*. 65) *Меченосецъ* или Мечникъ. 66) *Конюшій*. 67) *Подконюшій*. 68) *Крайчій*. 69) *Скарбникъ* или Казначей. Всѣ сіи должностныя лица, составлявшія придворный штатъ, находились въ воеводствахъ, въ каждомъ уѣздѣ, и посему, для различія отъ придворныхъ сановниковъ, постоянно служившихъ при особѣ короля польскаго и великаго князя литовскаго, назывались воеводскими или земскими чинами, удерживая лишь только при себѣ одинъ почетный титулъ, означавшій придворное званіе; заступали же они мѣста носившихъ подобныя достоинства придворныхъ сановниковъ [1] только тогда, когда государь, путешествуя, въѣзжалъ безъ сихъ послѣднихъ въ предѣлы какого нибудь воеводства. Преимущества придворныхъ земскихъ чиновъ состояли въ томъ, что они, какъ родовые и заслуженные дворяне, назначались къ должностямъ своимъ Высочайшими привилегіями или грамотами [2], а въ собраніяхъ дворянскихъ, во время сеймиковъ, занимали мѣста послѣ членовъ Земскаго Суда и сидѣли выше прочихъ дворянъ, не имѣвшихъ служебныхъ должностей и званій [3]. 70) *Стражникъ*. 71) *Обозный*. Оба эти чиновника находились при дворянскомъ ополченіи и вступали въ исправленіе должностей своихъ во время походовъ; первый изъ нихъ предводительствовалъ передовою стражею, охранявшею безопасность войска, а послѣдній, по приказанію главнокомандующаго войскомъ, располагалъ и устроивалъ на извѣстномъ мѣ-

---

тельственныхъ мѣстахъ, каковы были: трибуналы коронный и литовскій, суды ассесорскій, референдарскій, подкоморскій, канцеляріи: гетмановъ, надворнаго подскарбія и проч.

[1] Обязанности этихъ сановниковъ изложены выше и значится подъ №№: 10. 17. 37. 38. 39. 42. 43. 44. 45 и 46.

[2] Vol. leg. T. III. 1631 an. p. 668.

[3] Vol. leg T. V. 1677 an. p. 532.

стѣ обозъ, или лагерь, для помѣщенія войскъ [1]. 72) *Мостовничій*. 73) *Будовничій*. 74) *Лѣсничій*. Чиновники сіи имѣли надзоръ: первый надъ мостами и дорогами, второй надъ казенными зданіями, третій надъ лѣсами. 75) *Струкчашій* или *Трукчашій* несъ въ Литвѣ тѣ же обязанности, которыя выполнялъ въ Польшѣ крайчій. 76) *Становничій*. 77) *Деревничій*. 78) *Ключникъ*. 79) *Подключникъ*. 80) *Коморникъ Земскій* (землемѣръ) присутствовалъ въ подкормскомъ судѣ и, какъ помощникъ подкоморія земскаго, употреблялся для межеванія земель, составленія межевыхъ плановъ и возобновленія старыхъ, повредившихся знаковъ [2]. 81) *Намѣстникъ Гродскій* (surrogator) назначался навсегда, или на опредѣленное время, къ старостѣ гродскому, а также къ писарямъ гродскому и земскому, по невозможности исправлять лично свои обязанности, или за болѣзнію, или за отъѣздомъ за границу, или по случаю тюремнаго заключенія и по другимъ уважительнымъ причинамъ [3]. 82) *Бургграбій* краковскаго замка находился при краковскомъ старостѣ, завѣдывавшемъ этимъ замкомъ [4]. 83) *Городничій* (curator arcuum). Извѣстные подъ этимъ именемъ чиновники находились въ Литвѣ, какъ-то; въ Вильнѣ, Витебскѣ, Полоцкѣ, Минскѣ, Мстиславлѣ, Оршѣ и другихъ городахъ. Городничіе, завѣдывая внутреннею городскою стражею, занимали почетныя мѣста на сеймикахъ [5]. 84) *Цивуны* Виленскій, Трокскій и Самогитскій. Званіе это перешло въ Литву изъ древней Руси. Въ Литвѣ цивуны, т. е. тіуны или тивуны были

[1] Niesiec. T. I. p. 393. 419.

[2] Руч. Сл. Пол. и Лит. Зак. стр. 91. 119.

[3] Много было примѣровъ назначенія въ намѣстники, какъ показываютъ постановленія, внесенныя въ Собр. Зак. (Vol. leg): T. II. p. 1449; T. III. p. 23. 185. 377. 841. 967; T. IV. p. 486. 504; T. V. p. 374; T. VII. p. 347.

[4] Niesiec. T. I. p. 422.

[5] Niesiec. T. I. p. 421.

двухъ разрядовъ: высшіе и деревенскіе. Первые, назначавшіеся обыкновенно изъ высшаго сословія, завѣдывали недвижимымъ короннымъ имѣніемъ царствующаго государя; послѣдніе, деревенскіе, бывшіе изъ простаго народа, смотрѣли за порядкомъ въ деревняхъ и селеніяхъ, каковую обязанность исполняютъ они подъ этимъ названіемъ и понынѣ въ литовскомъ краѣ. Только тіуны виленскій, трокскій и самогитскій имѣли мѣсто на сеймикахъ послѣ сенаторовъ, выше всѣхъ прочихъ должностныхъ чиновниковъ [1], въ качествѣ предводителей дворянства открывали сеймики и были главными въ своихъ уѣздахъ во время поголовнаго ополченія, а самогитскій, сверхъ того, разбиралъ и межевыя дѣла [2]. 85) *Патроны* и *Адвокаты* при Трибуналахъ. Въ тяжебныхъ или судныхъ дѣлахъ, по порядку бывшаго въ Польшѣ и Литвѣ судопроизводства, допускались ходатаи, названные патронами или адвокатами, но не иначе, какъ по предварительномъ выполненіи ими на эту должность присяги; они представляли относящіяся къ дѣлу письменныя объясненія и возраженія, приводимыя въ подкрѣпленіе права защищаемой ими стороны. Эти должностныя лица состояли при трибуналахъ и прочихъ судебныхъ мѣстахъ [3]. 86) *Ротмистръ* былъ избраннымъ отъ воеводства, на время народнаго ополченія, начальникомъ военнаго отряда или роты [4], которую обязанъ былъ набрать и устроить на счетъ выданныхъ ему на сей предметъ изъ государственнаго казначейства денегъ [5]. Онъ долженъ былъ лично находиться при своемъ знамени и ротѣ [6], наблюдать, дабы составлявшіе оную нижніе чины

[1] Vol. leg Т. II. 1598 an. p. 1464. — Руч. Слов. Пол. и Лит. Зак. стр. 31. 269.
[2] Руч. Сл. Пол. и Лит. Зап. стр. 372.
[3] Тамъ же стр. 17. 178. 179.
[4] Vol. leg. Т. II. 1567 an. p. 743.
[5] Vol. leg. Т. IV. 1649 an. p. 270.
[6] Vol. leg. Т. III. 1620 an. p. 373.

не дѣлали никому, во время похода и стоянки, никакихъ обидъ и убытковъ [1], и не иначе могъ отлучаться отъ роты своей, какъ съ разрѣшенія гетмана [2]. и 87) *Возный* въ Литвѣ. Наименованіе вознаго (возьнаго), по объясненію г. Булгарина [3], произошло отъ того, что чиновникъ сей развозилъ позывы или позвы въ судъ. Возные были двухъ разрядовъ: одни, предназначавшіеся собственно для каждаго судоваго уѣзда, избирались изъ осѣдлыхъ дворянъ земскимъ судомъ и дворянствомъ [4], другіе утверждались въ званіи генеральныхъ возныхъ королевскими грамотами съ правомъ дѣйствовать не только въ своемъ, но и въ другихъ воеводствахъ Княжества Литовскаго [5]. Возные учреждены были при трибуналахъ и судахъ: земскомъ гродскомъ, подкоморскомъ и коммисарскомъ, но опредѣлялись въ это званіе, по мѣрѣ надобности, и въ числѣ, соотвѣтствующемъ пространству уѣзда. По выполненіи вознымъ присяги [6] и внесеніи имени его въ гродскіе и земскіе акты, онъ вступалъ въ отправленіе своей должности, дѣйствія которой заключались главнѣйше въ слѣдующемъ: возный обязанъ былъ смотрѣть за благочиніемъ въ судебномъ мѣстѣ, а внѣ онаго, развозить по принадлежности разныя офиціальныя бумаги, подавать отвѣтчикамъ позвы (исковыя поданныя отъ истцовъ въ судъ прошенія о нанесенныхъ имъ убыткахъ) для явки въ судъ, вручая лично отвѣтчикамъ на всякомъ мѣстѣ, или оставляя оные въ ихъ имѣніяхъ [7], объявлять кому слѣдуетъ судебныя рѣшенія, отказывать имѣнія и совершать вводъ во владѣніе пріобрѣ-

---

[1] Vol. leg. T. I 1527 an. p. 473; T. II. 1567 an. p. 743.

[2] Vol. leg. T. III. 1626 an. p. 373.

[3] Россія въ историч. стат. географич. и литер. отношеніяхъ. 1827 г. Ч. IV. стр. 219.

[4] Руч. Сл. Пол. и Лит. Зап. стр. 328.

[5] Тамъ же стр. 83. 330.

[6] Vol. leg. T. I. 1505 an. p. 337.

[7] Руч. Сл. Пол. и Лит. Зак. стр. 220. 222. 223.

теннымъ кѣмъ либо имѣніемъ [1], не уклоняться ни подъ какимъ предлогомъ отъ явки по приглашенію мѣстныхъ владѣльцевъ, а тотчасъ отправляться на мѣсто призыва; сознавать предъ судебными актами справедливо все то, что увидитъ или услышитъ, по прибытіи на мѣсто, о происшествіи, для засвидѣтельствованія котораго былъ призванъ [2]; производить, при бытности двухъ мѣстныхъ дворянъ, слѣдствія по жалобамъ на обиды, побои, насилія, грабежи, увѣчья [3] и т. п.; и выдавать свидѣтельства въ томъ, что̀ будетъ открыто имъ при изслѣдованіи [4].

Въ заключеніе неизлишнимъ считаю присовокупить, что между вышепоименованными должностными лицами, начиная отъ воеводы до вознаго, существовали въ административномъ порядкѣ слѣдующія степени: Первую высшую степень занимали сановники, входившіе въ составъ министерствъ, а также члены сената, какъ верховнаго въ государствѣ учрежденія [5]. Вторую степень составляли государственные и придворные чины въ столицахъ [6]. Третью степень образовали лица, носившія тѣ же, что и въ столицахъ, придворныя званія, но имѣвшія пребываніе въ воеводствахъ для исправленія своихъ обязанностей, во время путешествія государя [7]. Четвертая степень заключала въ себѣ всѣ гродскія и земскія должности по части судебной и полицейской [8].

---

[1] Руч. Сл. Пол. и Лит. Зак. стр. 106. — Vol. leg. T. I. an. p. 277.
[2] Тамъ же стр. 106. 166.
[3] Тамъ же стр. 88. 328. Vol. leg. T. I. 1505. an. p. 330.
[4] Тамъ же стр. 328.
[5] См. выше о гражд. зван. и должн. съ № 1 по № 12 включ.
[6] См. выше о гражд. зван. и должн. съ № 13 по № 47 включ.
[7] См. выше о гражд. зван. и должн. съ № 60 по № 69 включ.
[8] См. выше о гражд. зван. и должн. съ № 48 по № 59 и съ № 70 по № 87 включительно.

Вообще же, для замѣщенія всѣхъ упомянутыхъ должностей государственныхъ, придворныхъ и земскихъ, требовалось, чтобы опредѣляемыя къ онымъ лица были: а) древніе родовые дворяне (generosi) [1], заслуженные мужи (bene meriti) [2], и притомъ соотечественники или туземцы (terrigenae) [3]; и б) помѣстные владѣльцы (possessionati), т. е. имѣющіе вотчинную осѣдлость и владѣющіе дознаннымъ, въ дѣйствительности существующимъ, а не воображаемымъ, не выдуманнымъ земскимъ имѣніемъ въ предѣлахъ того воеводства, куда опредѣляются къ должностямъ [4], такъ какъ владѣніе земскимъ имѣніемъ не только облегчало способы къ занятію различныхъ служебныхъ должностей, но и представляло достаточное обезпеченіе въ отвѣтственности чиновниковъ на случай какихъ либо злоупотребленій, допущенныхъ по возложеннымъ на нихъ должностямъ [5].

---

[1] Vol. leg. T. I. 1374 an. p. 57, 1433 an. p. 90, 1496 an. p. 248, 1538 an. p. 528; T. II. 1550 an. p. 598; T. IV. 1662 an. p. 840; T. V. 1669 an. p. 22; T. VII. 1764 an. p. 181. 183.

[2] Vol. leg. T. I. 1374 an. p. 57, 1433 an. p. 90, 1496 an. p 248; T. II. 1538 an. p. 528, 1562 an. p. 615, 1567 an. p. 724, 1607 an. p. 1600; T. IV. 1733 an. p. 625; T. VII. 1764 an. p 181. 202.

[3] Vol. leg. T. I. 1374 an. p. 57, 1433 an. p. 90, 1454 an. p. 184, 1496 an. p. 248, 1505 an. p. 306, 1538 an. p. 528; T. II. 1576 an. p. 920; T. III. 1631 an. p. 668; T. VII. 1764 an. p. 202.

[4] Vol. leg. T. I. 1374 an. p. 57, 1496 an. p. 248, 1503 an. p. 293, 1505 an. p. 306. 307, 1507 an. p. 362. 364, 1510 an p. 368, 1519 an. p. 389, 1527 an. p. 473, 1538 an. p. 528, 1543 an. p. 573; T. II. 1550 an. p. 597. 598, 1562 an. p. 619, 1563 an. p. 619. 639, 1565 an. p. 694, 1569 an. p. 795, 1591 an. p. 1372; T. III. 1613 an. p. 164. 192, 1616 an. p. 295, 1619 an. p. 351, 1624 an. p. 462, 1635 an. p. 881, 1637 an. p. 919; T. IV. 1653 an. p. 404, 1654 an p. 469; T. V. 1669 an. p. 22; T. VI. 1726 an. p. 474; T. VII. 1764 an. p. 181. 183. 202.

[5] Niesiec. T. I. p. 448.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ

О ДВОРЯНСКИХЪ ГЕРБАХЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

о происхожденіи гербовъ.

1. *Качества гербовъ, внѣшнее и внутреннее.*

Гербъ въ томъ смыслѣ, въ которомъ это слово или названіе принимается въ наши дни, подчиненъ строгимъ правиламъ геральдики. По указанію этой науки, требуется, чтобы гербъ, правильно составленный, имѣлъ сообразную съ началами ея форму, т. е. имѣлъ непремѣнно главную существенную свою принадлежность — щитъ, съ изображеніемъ на немъ усвоенными геральдикою красками фигуры или родовой эмблемы, какъ знака отличія одного благороднаго рода отъ другаго, и съ помѣщеніемъ вокругъ щита приличныхъ ему внѣшнихъ аттрибутовъ, къ которымъ относятся: корона, шлемъ, наметъ, нашлемникъ, мантія, щитодержатели и другія принадлежности. Но, кромѣ сихъ общепринятыхъ геральдическихъ примѣтъ каждаго герба, этотъ знакъ отличія служитъ постояннымъ спутникомъ благороднаго человѣка отъ колыбели до могилы, становится безсмѣннымъ стражемъ его происхожденія, вѣрнымъ истолкователемъ дѣяній и предковскихъ подвиговъ, изображается на его печати, посудѣ, ливреѣ, экипажѣ и наконецъ на могильномъ памятникѣ, перехо-

дитъ отъ него безъ измѣненія и правильно, по наслѣдству, въ прямой нисходящей линіи изъ рода въ родъ. Очевидно поэтому, что гербъ отличается двумя главными качествами: внѣшнимъ или случайнымъ и внутреннимъ или существеннымъ. Первое проявляется въ изображеніи на щитѣ эмблемы и окружающихъ ее геральдическихъ аттрибутовъ, въ которые она, такъ сказать, вставляется и которые служатъ для нея почти всегдашнею, обычною обстановкою; а второе, внутреннее, обнаруживается въ томъ, что эмблема, какъ условный знакъ для выраженія предмета отвлеченнаго, нравственнаго, заключаетъ въ себѣ опредѣленную мысль, таинственное символическое значеніе, намекъ на извѣстный подвигъ, и сверхъ того становится наслѣдственнымъ достояніемъ всего рода, всѣхъ лицъ, отъ одного родоначальника происшедшихъ. При такомъ образѣ воззрѣнія на означенный предметъ, естественно представляется на разрѣшеніе вопросъ: гдѣ и когда именно образовались гербы съ помянутыми, усвоенными имъ и до настоящаго времени сохранившимися, отличительными качествами?

2. *Употребленіе символическихъ знаковъ древними народами.*

Древнія лѣтописи свидѣтельствуютъ, что въ каждомъ вѣкѣ отличались между собою эмблемами не только государства, города, колѣна, но и отдѣльныя лица — благородные отъ неблагородныхъ, знатные отъ незнатныхъ.

Вавилоняне, Мидяне, Евреи, Египтяне, Персы и другіе восточные народы древности употребляли символическіе разнаго рода знаки, а также печати съ разными изображеніями. Эмблемы, заимствованныя ими изъ окружающей природы, общественнаго и земледѣльческаго быта и преимущественно изъ царства животныхъ, сами по себѣ, конечно, были не важны, но важенъ ихъ символическій,

иносказательный смыслъ, ихъ нравственное общепонятное значеніе: ибо каждой эмблемѣ придавались особенныя качества и свойства. Такъ, напримѣръ, левъ былъ символомъ благородной отваги, змѣй — хитрости и мудрости, ягненокъ — доброты, собака — вѣрности, преданности и повиновенія, волкъ — жадности и злости, орелъ — власти, великодушія и прозорливости, голубь — чистоты, ястребъ — побѣды, муравей — мудрости, муха — опрометчивости, глазъ — вѣдѣнія, кругъ — вѣчности безначальной и безконечной и т. п. Избранные такимъ образомъ символы, какъ знаки отличія, нечуждые народамъ глубокой древности, постоянно носились многими царственными особами, знатными и храбрыми мужами, и не рѣдко повторялись на монетахъ, медаляхъ и печатяхъ [1].

Въ Греціи и Римѣ также встрѣчаются предметы, имѣвшіе символическій смыслъ. Для символическихъ знаковъ отличія избраны были: Коринѳомъ — пегасъ или крылатый конь, Аѳинами — сова, Пелепонезомъ — черепаха, Ѳивами — щитъ, Самосомъ — павлинъ, Родосомъ — роза. Достовѣрно также и то, что у Грековъ и Римлянъ, какъ и у предшествовавшимъ имъ народовъ, символы переходили на печати, изображались на монетахъ и памятникахъ, и носились даже на оружіи, т. е. на щитахъ и шлемахъ. Такъ, на печати Помпеевой изображенъ былъ левъ съ мечемъ, на печати Цесаря виднѣлась вооруженная венера, у Плинія Младшаго — колесница; на щитахъ же, носимыхъ предводителями дружинъ, изображались разныя эмблемы, какъ-то: небо звѣздное, человѣкъ съ горящимъ въ рукѣ факеломъ и т. п., а шлемы украшались изображеніями животныхъ и другими отличительными знаками (arma, insignia).

Печатямъ и перстнямъ (annuli signatorii, sigillarii) при-

[1] Herby rycerstwa polskiego przez Bartosza Paprockiego rebrane i wydane roku 1584. pag. 3—7.

давалось у Римлянъ особое значеніе. Высшее сословіе народа, римскіе патриціи, засѣдавшіе въ сенатѣ (**patres conscripti**), и всадники — защитники отечества (**equester ordo**), украшались золотыми перстнями, драгоцѣнными не только по богатству ихъ украшеній, но и по изображавшимся на нихъ надписямъ и фамильнымъ знакамъ, каковы были: портретъ государя, друга, или же эмблемы, свидѣтельствовавшія о важнѣйшихъ событіяхъ въ государствѣ, въ извѣстной фамиліи, объ особенныхъ подвигахъ и заслугахъ отдѣльнаго лица и проч. Этими печатями или перстнями запечатывались письма и охранялась ихъ неприкосновенность, а приложеніе печати къ совершеннымъ въ судебномъ мѣстѣ актамъ считалось, по законамъ римскимъ, достаточнымъ подкрѣпленіемъ для того, чтобы сдѣланное въ нихъ владѣльцемъ ея распоряженіе имѣло законную силу. Но какъ печать, при всей своей общеизвѣстности и неизмѣняемости, употреблялась исключительно ея владѣльцемъ, то, дабы устранить отъ всякаго другаго лица возможность пользоваться печатію и прилагать ее къ актамъ безъ воли того, кому она, по праву, принадлежала, у древнихъ былъ обычай, вмѣстѣ съ человѣкомъ, погребать его печать или перстень: ибо изображенія на печати и девизы, имѣя особенный смыслъ для лица, печать употреблявшаго, не переходили къ его преемнику или наслѣднику, который поэтому могъ избрать себѣ иное изображеніе и иную надпись на печати, и, вмѣсто имени предка, долженъ былъ выставить свое. Форма печатей была разнообразна; но древнѣйшія изъ нихъ были по большей части круглыя.

3. *Употребленіе символическихъ знаковъ германскими народами, по разрушеніи западной римской имперіи.*

Германскія племена, поселившіяся, въ исходѣ V столѣтія, въ Европѣ на развалинахъ западной римской имперіи

и составившія собою новыя государства, усвоили себѣ, вмѣстѣ съ римскими узаконеніями, обычай носить на войнѣ щиты, украшать шлемы изображеніями животныхъ, имѣть символы или эмблемы на воинскихъ знаменахъ, употреблявшихся въ походахъ противъ непріятеля, равно и на печатяхъ, служившихъ знаками отличія, необходимыми въ общественной жизни для многихъ случаевъ. Печати, какъ и у древнихъ Римлянъ, прикладывались къ разнымъ судебнымъ актамъ, хотя впрочемъ это офиціальное ихъ употребленіе сдѣлалось общимъ, повсемѣстнымъ и вошло въ составъ правительственныхъ учрежденій, не ранѣе XII столѣтія. Отъ Римлянъ перешелъ также къ германскимъ и галльскимъ народамъ среднихъ вѣковъ сохранившійся до XIII вѣка обычай погребать печати, вмѣстѣ съ ихъ владѣльцами, по вышеизложенной причинѣ, т. е. дабы устранить всякой поводъ къ неправильному присвоенію тѣхъ правъ, которыя соединены были съ печатію для употреблявшаго ее исключительно умершаго лица.

Съ водвореніемъ между народами Западной Европы христіанской вѣры введены были для печатей, вмѣсто символическихъ знаковъ языческихъ временъ, иные символы, заимствованные изъ Евангельскаго ученія. Таковы были: изображеніе креста — символа нашего спасенія, голубя— знака невинности, рыбы—знака напоминанія освященной воды крещенія, якоря — символа твердости, вѣры, лиры — орудія возношенія хвалы Богу и т. п. Сверхъ того начали употреблять также въ видѣ символовъ церковныя утвари, изображенія ликовъ святыхъ съ аттрибутами: Петра съ ключами, Павла съ мечемъ, Марка съ тельцомъ. Но, въ исходѣ XII столѣтія, при распространеніи и утвержденіи феодальной системы между германскими народами, начали снова возникать символы минувшаго язычества, которые, въ соединеніи съ символическими христіанскими знаками, и появились на знаменахъ, печатяхъ, монетахъ духовныхъ

и свѣтскихъ феодаловъ [1]. Оружіе разнаго рода занимало также почетное мѣсто на печатяхъ королей и простыхъ рыцарей Западной Европы; не рѣдко и сами они являлись на печатяхъ на конѣ и въ латахъ, или же государь на престолѣ съ аттрибутами власти — съ скипетромъ, въ коронѣ.

Приведенныя историческія данныя представляютъ положительное, вѣрное доказательство, что у всѣхъ восточныхъ народовъ древности, у всѣхъ германскихъ и галльскихъ племенъ среднихъ вѣковъ существовали символы, наносимые на воинское оружіе, а также встрѣчались повсемѣстно и печати съ символическими на нихъ изображеніями. При всемъ томъ эти символы и печати былыхъ временъ не могли передать идеи о гербахъ, и долговременное практическое употребленіе ихъ вовсе не объясняло начала и происхожденія гербовъ. Символы и печати съ самой глубокой древности до исхода XI столѣтія, т. е. до того времени, когда начали проявляться гербы въ тѣсномъ значеніи этаго слова, чужды были тѣхъ признаковъ, которыми отличается геральдическій гербъ, и не могли поэтому имѣть притязанія на то, чтобъ считаться гербами: имъ недоставало вышепоименованныхъ внѣшнихъ аттрибутовъ, по указанію геральдики для герба необходимыхъ; они не переходили по наслѣдству въ родъ владѣвшаго ими благороднаго лица, и слѣдовательно лишены были тѣхъ существенныхъ примѣтъ, которыя характеризуютъ геральдическій гербъ и безъ которыхъ гербъ не можетъ существовать.

---

[1] Niesiec. T. I. p. 468.

4. *Появленіе у народовъ Западной Европы дворянскихъ гербовъ, въ настоящемъ значеніи этого слова, въ исходѣ XI и въ началѣ XII вѣка.*

По закону порядка и постепенности, одному изъ основныхъ законовъ природы вещей, исторія появленія гербовъ неразрывно связана съ исторіею возникновенія и образованія средне-вѣковаго западнаго дворянства. Поэтому надлежитъ предварительно опредѣлить, какія лица и какимъ путемъ пріобрѣтали право на дворянство, дабы можно было раскрыть и причины, по которымъ гербы сдѣлались принадлежностію дворянскаго сословія всѣхъ странъ Западной Европы.

По духу, господствовавшему у германскихъ племенъ, поселившихся въ Европѣ въ странахъ подвластныхъ нѣкогда древнему Риму, одно только военное званіе было почетнымъ. Войско составлялось изъ вольныхъ общинъ (tribu) подъ начальствомъ герцога или воеводы, пользовавшагося, во время воинскаго похода, неограниченною властію полководца. Вторгаясь въ предѣлы чужихъ владѣній, это войско, при счастливой побѣдѣ надъ туземными жителями, старалось водвориться тамъ прочно и долговременно, и для того обезпечивало себя преимущественно недвижимою поземельною собственностію, на которую смотрѣли съ уваженіемъ: ибо тогда повсемѣстно преобладало то мнѣніе, что для свободнаго члена общины (по-нынѣшнему дворянина) непремѣнно требовалась земля, какъ потому, что земля была основаніемъ происхожденія всякой другой собственности, такъ и по той причинѣ, что владѣніе собственнымъ участкомъ земли считалось важнымъ доказательствомъ благородства. На этомъ основаніи всякая покоренная германскими дружинами страна подвергалась раздѣлу между завоевателями. Вождь, считавшійся верховнымъ владѣльцемъ покоренной земли въ силу за-

воеванія, овладѣвалъ значительнѣйшимъ, лучшимъ участкомъ ея, а прочіе сподвижники его, составлявшіе дружину, отъ начальствующихъ лицъ до латниковъ, получали также болѣе или менѣе обширныя участки земли, помѣстья, которыя давались имъ въ наслѣдственную собственность, въ аллодъ (allod) [1], съ правомъ передачи ихъ потомкамъ.

Эти аллодіальные владѣльцы, помѣщики, дворяне, не освобождавшіеся лично отъ военной службы своему главному вождю (государю, королю), сопряженной съ владѣемыми ими землями, и съ тѣмъ вмѣстѣ отъ обязанности ставить подъ его знамена на свой счетъ извѣстное число вооруженныхъ людей, дѣлались и сами независимыми отъ него, по управленію своими поземельными участками, властелинами въ такой степени, что творили въ нихъ судъ и полицейскую расправу, а поселенные на нихъ крестьяне не иначе могли пользоваться землею, т. е. заниматься хлѣбопашествомъ, какъ съ обязанностію платить за это своему помѣщику и господину, въ опредѣленномъ количествѣ, или деньгами, или произведеніями земли, или барщинною работою.

Такое поземельное устройство и управленіе завоеванными областями называлось въ средніе вѣка *аллодіальною системою*. Глубоко пустившая корни свои въ странахъ Западной Европы эта система послужила, между прочимъ, основаніемъ къ образованію и развитію свободныхъ землевладѣльцевъ, воиновъ по званію, братьевъ по оружію, — къ образованію благороднаго сословія, сдѣлавшагося въ позднѣйшее время извѣстнымъ подъ именемъ рыцарства, ко-

---

[1] По-французски ôdis, по-древне-германски ôt значитъ собственность. Ala въ древнемъ германскомъ языкѣ былъ слогъ, укрѣпляющій смыслъ, какъ въ русскомъ языкѣ *пре* (красный, *пре*красный). Отсюда происходитъ alodis, alod, alot, и означаетъ настоящую неизмѣнную собственность.

тораго начальное установленіе теряется въ VII и VIII столѣтіяхъ.

Вскорѣ, по утвержденіи германскихъ дружинъ въ завоеванныхъ областяхъ, право аллодіальное замѣнилось другимъ учрежденіемъ — ленною, феодальною системою управленія. Предводители дружинъ (государи, короли), не имѣя возможности, по причинѣ затруднительныхъ тогда путей сообщенія (дорогъ почти не было), лично управлять своими поземельными участками, содержать разсѣянныя въ нихъ племена въ послушаніи и извлекать доходъ отъ этихъ участковъ, и, кромѣ того, изыскивая средства привесть аллодіальныхъ владѣльцевъ въ зависимость отъ своей особы, стали вручать свои участки, какъ даръ или ленъ [1], приближеннымъ членамъ своей дружины пожизненно, съ условіемъ, чтобы послѣдніе, по призыву вождя (государя), шли на войну съ своими челядинцами, или отправляли извѣстныя при дворѣ его службы. Такіе владѣльцы, ленники, называвшіеся впослѣдствіи, въ отношеніи къ своему вождю (государю), вассалами [2], или феодальными баронами [3], были не болѣе, какъ временные отъ имени его правители, зависѣвшіе отъ него совершенно и дававшіе ему присягу въ вѣрности [4] по управленію врученными имъ пожизненными участками [5], которые, по смерти ихъ, обращались снова въ собственность главнаго вождя, государя. Вотъ по какимъ причинамъ въ государствахъ, образовавшихся въ позднѣйшія времена изъ завоеванныхъ

---

[1] Lehn отъ leihen вручать, ввѣрять (beneficium).

[2] Отъ слова wass, wast, fest, крѣпкій, вѣрный.

[3] Отъ слова baro, freiherr, вольный, благородный владѣлецъ.

[4] Fe въ галльскомъ языкѣ, а впослѣдствіи foi, значило вѣрность, подлинность.

[5] Od на нѣмецкомъ языкѣ значитъ поземельное владѣніе. Отъ слова fe и od произошли feod, превратившееся въ латинское слово feudum, вѣрное, подлинное, настоящее, дѣйствительное имущество.

германскими дружинами областей, явилась въ XI столѣтіи, кромѣ вышеупомянутой аллодіальной, новая *система государственнаго устройства — ленная* (lehn), т. е. дарственная, иначе феодальная (fe и od), или присяжная!

Лены или феоды первоначально давались, какъ сказано выше, по смерть государева вассала, потомъ вошло въ обыкновеніе считать ихъ наслѣдственными, наконецъ обыкновеніе это обратилось въ законъ. Владѣльцы наслѣдственныхъ леновъ, сдѣлавшіеся такимъ образомъ гораздо богаче туземныхъ аллодіаловъ, въ стремленіи къ своей независимости, старались уничтожить вовсе вліяніе этихъ послѣднихъ людей. Вся тягость военной повинности, падавшая на аллодіаловъ, довела ихъ до того, что они стали отдавать наслѣдственныя свои земли за часть дохода или монастырямъ и церквамъ, или государевымъ вассаламъ, удерживая за собою ленное право, т. е. право собственности на землю, и вслѣдствіе сего безчисленное множество мелкихъ вотчинниковъ вступало къ этимъ вассаламъ въ служебныя отношенія или вынуждено было подчиниться ихъ власти. Еще рѣшительнѣе дѣйствовала въ томъ же направленіи возникшая въ X столѣтіи конная или кавалерійская служба. Вооруженіе и содержаніе коннаго воина стало гораздо дороже, и такъ какъ остававшіеся еще тогда мелкопомѣстные аллодіалы не въ состояніи были нести обязанностей этой службы, то выполненіе ихъ перешло также на богатыхъ вассаловъ, за что̀ послѣдніе и потребовали отъ первыхъ вознагражденія невыносимо тягостнаго. Освободиться отъ этаго притѣсненія не было другаго средства, какъ предаться съ своею землею на волю сильнаго вассала и вступить къ нему на службу, для полученія защиты и покровительства, наравнѣ съ его крѣпостными людьми, челядинцами, не имѣвшими собственности и никакихъ правъ. Такимъ образомъ многочисленное сословіе аллодіаловъ утратило свою личную и поземельную незави-

симость, а слѣдовательно — и прежнее значеніе въ государствѣ.

Всѣ сіи обстоятельства чрезвычайно способствовали усиленію и возвышенію вассаловъ, которые, воспользовавшись междоусобіями и слабостію преемниковъ Карла Великаго, расторгли вассальныя узы, связывавшія ихъ первоначально съ короной, и стали отдѣльными, независимыми отъ верховной власти, по внутреннему управленію ленными своими областями, повелителями. Такое ослабленіе верховной власти и происшедшее отъ того безначаліе повлекло за собою безпрерывныя между вассалами усобицы, распространившія повсемѣстно безотчетное буйство, угнетеніе невинности, разбойническіе набѣги на владѣнія другъ друга и дикія насилія, терзавшія Европу въ теченіе X и преимущественно XI вѣка.

По счастію, рядомъ съ буйными феодалами, расло, просвѣщалось христіанскою религіею и стало на сторожѣ общественной безопасности, для огражденія жизни, собственности и путей сообщенія, упомянутое выше, развившееся подъ вліяніемъ аллодіальнаго порядка управленія, сословіе, извѣстное подъ именемъ *рыцарей* (reiter — всадникъ), такъ названныхъ потому, что они отправляли конную военную службу. Это христіанское братство пользовалось исключительнымъ правомъ носить оружіе, и хотя происходило отъ древнихъ германскихъ дружинъ, но, по цѣли своей, составляло отличное отъ нихъ учрежденіе. Въ былыя времена члены той дружины давали клятву въ вѣрности своему вождю для завоеваній и грабежа; подъ вліяніемъ же христіанской религіи члены новаго братства, ставъ въ противоположность съ грубыми вассалами, давали иную съ благороднѣйшею цѣлію клятву, давали обѣтъ защищать вѣру Христову, сохранять преданность государю и отечеству, покровительствовать вдовъ, сиротъ, больныхъ, и, вообще, слѣдовать въ дѣйствіяхъ своихъ

правиламъ чести, прямодушія, благородства. Очевидно, что столь высокія обязанности, принятыя на себя рыцарями въ такое время, когда народъ утѣсняемый властію бароновъ, преданъ былъ на жертву страшному унынію, не могли не возбудить къ нимъ всеобщаго сочувствія, и потому-то рыцарство, преимущественно въ эпоху крестовыхъ походовъ, получило особенную гражданскую значительность. Въ слѣдствіе такого возвышеннаго понятія о рыцарскомъ званіи, требовалось отъ совершеннаго рыцаря, въ особенности со времени перваго крестоваго похода (1096—1099), не только благородное происхожденіе по рожденію, но и рядъ услугъ, совершенныхъ на пользу ближняго. Доказавъ то и другое, этотъ дворянинъ посвящался въ санъ рыцаря съ выполненіемъ слѣдующихъ обрядовъ: его облекали въ платья — бѣлое, символъ чистоты, красное — знакъ крови, которую надлежало проливать въ защиту церкви и отечества, и черное — предвѣстіе смерти, на встрѣчу которой должно было итти безстрашно. Послѣ установленнаго поста, исповѣди и обѣдни, новобранцу вручалась священникомъ шпага, благословившимъ его на подвиги долга и чести; рыцари и благородныя дамы надѣвали на него латы, шлемъ, нарукавники, перчатки, серебряныя шпоры, опоясывали шпагою и подавали ему щитъ. За тѣмъ одинъ изъ старыхъ прославленныхъ рыцарей, а иногда самъ государь, три раза ударялъ новаго рыцаря по плечу плашмя шпагою, произнося при этомъ слова: «жалую тебя въ рыцари во «имя Господа, Св. Михаила и Св. Георгія; будь мужест- «венъ, храбръ и честенъ.»

Въ такомъ видѣ христіанское рыцарство, составлявшее потребность средне-вѣковыхъ обществъ, появилось въ Германіи, Франціи и Англіи, и подъ вліяніемъ разныхъ мѣстныхъ причинъ развилось въ обширныхъ размѣрахъ и самыхъ блестящихъ формахъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ установи-

лось и правильное развитіе гербовъ. По наружной формѣ, рыцарское вооруженіе среднихъ вѣковъ было особенное и отличалось великолѣпіемъ воинскаго наряда. Рыцарь весь, такъ сказать, закованный въ латы, покрытый желтымъ или бѣлымъ металлическимъ шлемомъ съ опущеннымъ решетчатымъ забраломъ впереди и съ водруженными на верху шлема перьями, облеченный шарфомъ или черезъ одно плечо въ косвенномъ направленіи, или крестообразно черезъ оба, украшенный накинутою сверху шлема на золотые или серебряные латы, съ ниспадающими по обѣимъ сторонамъ концами, цвѣтною мантіею съ вышитымъ на ней гербомъ,—этотъ рыцарь, красовавшійся на гордомъ конѣ, едва замѣтномъ изъ-подъ тяжелаго воинскаго наряда, вооруженъ былъ, кромѣ того, мечемъ и щитомъ. Послѣдній доспѣхъ, нося на лицевой сторонѣ изображеніе символа, эмблемы, свидѣтельствовавшей о подвигахъ и заслугахъ рыцаря, былъ исключительнымъ представителемъ его личности: по щиту—этому условному вещественному знаку, этому проводнику къ уразумѣнію всѣхъ геральдическихъ фигуръ, представленныхъ наглядным образомъ на его поверхности, — по щиту, какъ по книгѣ, читали и знали, когда, гдѣ, въ чемъ отличился тотъ витязь, который скрывался подъ металлическою бронею. А какъ этотъ воинскій нарядъ, это вооруженіе исключительно было усвоено благородному рыцарю, то, по необходимости, оно перешло и въ гербъ, названный **wappen, arma, armes, armoiries** [1], потому что этотъ знакъ рыцаря обязанъ своимъ происхожденіемъ ратнымъ его принадлежностямъ или вооруженію, на которомъ прежде всего и появился. Поэтому гербъ, совмѣщавшій въ себѣ подробности рыцарскаго быта, сталъ вѣрнымъ отпечаткомъ помянутаго вооруженія, и только это вооруженіе можетъ разрѣшить представляющійся въ

[1] Niesiec. T. I. p. 470.

геральдикѣ вопросъ: почему усвоены гербамъ такія, а не другія существенныя части, равно какъ и аттрибуты, служащіе для ихъ внѣшней обстановки?

Изложенныя выше обстоятельства, при которыхъ образовались и получили развитіе гербы, показываютъ, что внѣшній, отличительный, символическій знакъ каждаго герба, всякая его, по видимому, мелочная принадлежность, всѣ его аттрибуты появились, не случайно, а вытекли прямо изъ быта, изъ того состоянія, въ какомъ находился средне-вѣковой рыцарь, и посему каждая часть герба имѣла значеніе, смыслъ и, составляя дѣйствительную принадлежность одежды рыцарской, сдѣлалась необходимою и неизбѣжною въ изображеніи самаго герба; сродное же человѣку стремленіе сохранить и увѣковѣчить въ своемъ потомствѣ память о подвигахъ предковъ или собственныхъ своихъ вызвало потребность въ строгомъ изученіи и обработкѣ гербовъ, равно въ укрѣпленіи за каждымъ рыцаремъ и его родомъ того герба, который избранъ былъ его представителемъ. Это была одна изъ причинъ, по которымъ усвоены гербу твердыя, однообразныя примѣты, переходившія по наслѣдству изъ рода въ родъ по прямой нисходящей линіи.

Нельзя, однакожъ, не замѣтить, что гербъ, употреблявшійся отцомъ, по обычаямъ среднихъ вѣковъ, переходилъ вполнѣ, безъ прибавки и убавки знаковъ, лишь только по прямой линіи наслѣдства къ старшему сыну, и въ этомъ первоначальномъ своемъ видѣ сохранялся всегда въ старшемъ поколѣніи; а младшіе члены рода, дѣлаясь главами новыхъ семействъ, обязаны были обозначить въ гербѣ отцовскомъ, для собственнаго употребленія, измѣненіе въ фигурахъ, краскахъ, и вообще какую нибудь убавку изъ гербовыхъ знаковъ, или прибавку къ нимъ новыхъ принадлежностей. Все это дѣлалось иногда въ слѣдствіе требованій геральдики, а по большей части на томъ основаніи, что гербъ, какъ выраженіе доблестей, не

могъ быть совершенно одинаковымъ у двухъ даже братьевъ, а еще менѣе у дѣтей, отъ нихъ происшедшихъ. А какъ такія перемѣны въ гербахъ, увеличивая по необходимости число ихъ, значительно измѣняли самую ихъ форму, или окружающую ихъ обстановку, и дѣлали гербы до чрезвычайности разнообразными въ одномъ и томъ же родѣ, то дѣло сіе въ XIV столѣтіи ввѣрено было во всѣхъ странахъ, гдѣ существовали рыцари и турниры, попеченію должностныхъ лицъ, которыя и имѣли наблюденіе за цѣлостію и неприкосновенностію гербовъ, и преимущественно возлагалось на герольдовъ веденіе и содержаніе въ порядкѣ списковъ благородныхъ фамилій и принадлежащихъ имъ гербовъ. Въ особенности во Франціи учреждены были даже судебныя мѣста, къ обязанности которыхъ относилось разсматриваніе доказательствъ на гербы [1]. Свойство предмета указало на необходимость знанія науки, названной наукою о гербахъ, геральдикою, къ основанію которой послужили труды герольдовъ, ихъ опыты, наблюденія, а также свѣдѣнія, извлеченныя изъ дѣлъ, производившихся въ сказанныхъ учрежденіяхъ. При возникшей въ западныхъ европейскихъ государствахъ — Германіи, Франціи, Испаніи и Италіи — потребности въ геральдикѣ, обращено было вниманіе, преимущественно во Франціи, на приспособленіе къ излагаемымъ ею правиламъ отечественнаго языка, на обработку терминологіи, съ тою цѣлію, чтобы геральдическія слова и рѣченія могли быть выражаемы съ надлежащею точностію и опредѣлительностію, способствующими краткости и ясности изложенія предмета. Очевидно, что геральдика, какъ наука о правильномъ составленіи и изображеніи гербовъ, развилась преимущественно во Франціи, отъ чего и названа Французскою, не смотря на то, что система этой науки сродна была также Германіи, Ан-

[1] Niesiec. T. I. p. 471.

гліи и проч., т. е. всѣмъ странамъ, гдѣ существовали рыцари. Эти мѣры, употребленныя правительствомъ и указанныя геральдикою, для охраненія цѣлости первоначальныхъ фигуръ или родовыхъ эмблемъ древнихъ гербовъ, и для передачи, по возможности, точныхъ объ нихъ свѣдѣній потомству, имѣли своимъ послѣдствіемъ то, что съ той поры гербы не могли уже быть измѣнены въ своемъ наружномъ видѣ и рисовкѣ безъ особеннаго на то дозволенія правительства. Если же представлялась необходимость дополнить эмблемы родоваго герба извѣстной фамиліи въ пользу владѣющаго имъ лица личными эмблемами, показывающими особенныя его отечеству заслуги, въ такомъ случаѣ только царствующій государь могъ даровать грамоту на измѣненіе или прибавленіе принадлежностей въ гербѣ.

Итакъ, гербы, въ настоящемъ значеніи этого слова, образовались и достигли исторической своей важности не ранѣе исхода XI и начала XII столѣтія.

5. *Усовершенствованіе дворянскихъ гербовъ на турнирахъ и во время крестовыхъ походовъ.*

Къ окончательному образованію и усовершенствованію гербовъ послужили два, случившіяся въ средніе вѣка на западѣ Европы, событія: А) турниры и Б) крестовые походы на востокъ [1].

А) Воинственный германецъ среднихъ вѣковъ, и во время мира, искалъ занятій, напоминавшихъ собою войну, и посему-то обыкновеннымъ мѣстомъ его подвиговъ были возникшіе, въ концѣ X или въ началѣ XI вѣка, турниры, т. е. военныя состязанія, игры, происходившія при дворахъ владѣтельныхъ особъ, или въ другихъ мѣстахъ на площадяхъ большихъ городовъ, и всегда оживленныя присутствіемъ въ турнирной оградѣ дамъ, вѣнчавшихъ под-

[1] Niesiec. T. I. p. 469. 470.

виги рыцаря и тѣмъ поощрявшихъ его на новые. Это нововведеніе представляло самое удобное поприще для приложенія на дѣлѣ геральдическихъ идей и правилъ, условленныхъ бытомъ рыцаря,—для критическаго разбора гербовъ, а слѣдовательно и для развитія во всей полнотѣ истиннаго понятія о гербахъ. Турниръ, предназначавшійся преимущественно для конныхъ рыцарей, открывался сраженіемъ на копьяхъ безъ металлическаго острія, при чемъ противники старались выбить другъ друга изъ сѣдла; каждая сторона по возможности защищалась отъ нападенія, употребляя всю хитрость, чтобъ завлечь противника въ невыгодное положеніе, и преслѣдовала того, кто обращался въ бѣгство — **qui tournait le dos**, — отъ каковаго выраженія произошло и самое слово турниръ — **tournois**. Кромѣ битвы на копьяхъ, турнирныя упражненія состояли также въ скачкѣ на лошадяхъ, въ поднятіи на всемъ скаку колецъ и въ другихъ дѣйствіяхъ, показывавшихъ силу, ловкость, смѣлость и быстроту участниковъ въ турнирѣ, т. е. такія качества, которыя обезпечивали имъ преимущество и уваженіе на войнѣ. А какъ турниръ былъ праздникъ для людей благородныхъ, то къ участію въ ономъ допускались только такія лица, которыя могли доказать происхожденіе своего дворянства самымъ дѣломъ. Поэтому всегда предшествовалъ турниру судъ, производимый геральдическою коммиссіею, состоявшею изъ выбранныхъ и уполномоченныхъ къ тому герольдовъ подъ предсѣдательствомъ своего старшины [1]. Для распознаванія же готовящихся вступить

[1] Названіе герольдъ — herautts, heraldus — происходитъ отъ heer войско и hold пріятный, любимый, или отъ alt старый, а отъ слова heraldus происходитъ и самое названіе науки о гербахъ — геральдики. Герольды были офиціальныя турнирныя лица, спеціально приготовленныя къ выполненію своихъ обязанностей по устройству турнировъ; они отличались особенною эпанчею безъ рукавовъ, доходившею до колѣнъ и украшенною девизами и гербами того Двора, къ которому принадлежали.

въ борьбу рыцарей, щиты ихъ оказывали важную помощъ. Щитъ, имѣвшій на лицевой сторонѣ изображеніе родовой эмблемы, окруженный составлявшими богатую рыцарскую одежду доспѣхами: латами, шлемомъ съ перьями, шарфомъ, мантіею и другими принадлежностями, — этотъ щитъ, обвитый по краямъ извѣстнаго цвѣта тканями и выставленный подъ шлемомъ, для всеобщаго свѣдѣнія, на огороженной турнирной площади, подвергался критическому разбору помянутыхъ судей, результатомъ котораго было или допущеніе рыцаря къ турниру, или исключеніе его изъ участія въ этомъ благородномъ занятіи. Для узнанія о себѣ рѣшенія ихъ, рыцарь, съ опущеннымъ забраломъ, подъѣзжалъ на конѣ къ мѣсту, гдѣ долженъ былъ происходить турниръ, трубнымъ звукомъ (blasen) звалъ къ себѣ герольда, а по допущеніи къ турниру, привѣшивалъ трубный рогъ свой къ шлему и вступалъ въ турнирную ограду, въ ряды своихъ собратій, участниковъ праздника. Отъ этаго-то обряда произошло и самое слово blasen — гербъ.

и Б) Крестовые походы на востокъ, предпринятые въ исходѣ XI и въ теченіе XII и XIII столѣтій, составляли второе, какъ выше сказано, событіе, способствовавшее къ окончательному развитію гербовъ. Мусульмане, въ рукахъ которыхъ была колыбель христіанства — городъ Іерусалимъ, — становились страшны Риму — центру католичества. Папа требовалъ отъ западныхъ христіанъ защиты противъ невѣрныхъ; его голосъ былъ услышанъ повсемѣстно—и образовалось на западѣ Европы многочисленное воинское крестовое ополченіе, предводимое благородными рыцарями. Но какъ ополченіе это составлено было изъ разныхъ племенъ, говорившихъ разными языками, то необходимо было каждому племени имѣть особые знаки или символы, которые служили бы сигналомъ для сбора и по которымъ можно было бы различить племена одно отъ другаго, и узнавать ихъ предводителей. Важную въ этомъ от-

ношеніи практическую пользу оказали существовавшіе уже тогда въ Германіи, Франціи и Англіи общепринятые гербы, во множествѣ появившіеся вмѣстѣ съ рыцарями, прибывшими изъ этихъ странъ на зовъ папы, для отправленія въ дальній путь — въ Палестину. Но, въ свою очередь, и крестовые походы имѣли не малое вліяніе на развитіе этихъ же гербовъ, тѣмъ, что внесли въ нихъ новые символы и гербовыя принадлежности. Устремившіеся на востокъ рыцари видѣли тамъ всякаго рода растенія, звѣрей, разные другіе предметы, которые и послужили эмблемами ихъ храбрыхъ подвиговъ въ битвахъ съ невѣрными. Съ того времени появилось въ гербахъ рыцарей изображеніе перелетныхъ птицъ, коихъ встрѣчали крестоносцы въ дальнихъ своихъ походахъ, въ бивачной жизни, и помѣщали потомъ на своихъ щитахъ, для показанія, что и они также отдаленные странники и бездомны; эти самыя птицы изображались на многихъ гербахъ безъ ногъ, безъ носа, въ ознаменованіе тѣхъ ранъ, лишеній и препятствій, съ которыми боролись рыцари въ дѣлѣ освобожденія христіанъ изъ-подъ ига магометанъ невѣрныхъ. Ко времени крестовыхъ походовъ равнымъ образомъ относятся встрѣчающіеся столь часто въ числѣ гербовыхъ изображеній, въ разномъ видѣ и положеніи, кресты — символъ той святой цѣли, для которой предпринимались походы. Самыя наконецъ названія геральдическихъ цвѣтовъ или красокъ заимствованы крестовыми рыцарями съ востока. Такъ; gueules красный цвѣтъ производятъ отъ еврейскаго gudul и персидскаго gul красный; sinople зеленый цвѣтъ обязанъ своимъ происхожденіемъ гор. Синопу, или правильнѣе, это есть названіе извѣстной породы земли въ Левантѣ, которая окрашиваетъ предметы въ зеленую краску, и проч.

По соображеніи предшествующихъ историческихъ указаній, можно сдѣлать слѣдующіе выводы: а) идея о гербѣ,

какъ необходимомъ, видимомъ для глазъ и, такъ сказать, осязательномъ знакѣ отличія каждаго дворянскаго рода, знакѣ, имѣющемъ опредѣленную мысль и окруженномъ, по правиламъ геральдики, аттрибутами, пробудилась въ Европѣ не ранѣе самой идеи о средне-вѣковомъ рыцарствѣ, повлекшемъ за собою установленіе гербовъ въ настоящемъ значеніи этого слова; б) геральдическій щитъ — главнѣйшая часть герба — составилъ основу, землю, поле, на которомъ изображался отличительный знакъ рыцаря — усвоенная имъ эмблема, а прочіе доспѣхи — замѣчательная блестящая одежда рыцаря — послужили для нея обстановкой, т. е. образовали собою то, что въ геральдикѣ извѣстно подъ названіемъ внѣшнихъ украшеній вокругъ гербоваго щита; и в) высокое европейское значеніе и важность рыцарскаго званія, торжественно проявившіяся въ особенности въ эпоху перваго крестоваго похода (1096—1099), и нераздѣльное съ этимъ званіемъ гербовое отличіе, возбудили историческое благородное честолюбіе, ясно выказавшееся какъ въ усвоеніи потомству рыцаря въ прямой нисходящей линіи родоваго права на употребленіе герба его безъ перерыва, такъ равно и въ томъ, что приняты были въ государствахъ, гдѣ существовали рыцари, правительственныя мѣры къ сохраненію неприкосновенности принадлежавшихъ имъ гербовъ.

Въ заключеніе нельзя не привесть еще, относящагося къ излагаемому предмету, свидѣтельства Нѣсецкаго. Онъ говоритъ, что изображеніе дворянскихъ гербовъ въ той полнотѣ, въ какой мы ихъ встрѣчаемъ нынѣ, произошло не вдругъ, а совершилось исподволь, постепенно. Такъ, первоначально, въ XII вѣкѣ, на геральдическомъ щитѣ появились эмблемы или гербовыя фигуры; потомъ въ XIII столѣтіи, усвоены щиту геральдическіе цвѣта, съ изображеніемъ на немъ рыцарскихъ доспѣховъ; въ XIV— стали украшать щитъ шлемомъ и короною; а надъ сими послѣд-

ними аттрибутами-изображать перья, хвосты, рога, крылья, цвѣты и другіе предметы, часто неимѣющіе никакого значенія, и, сверхъ того, начали раздѣлять на части щитъ для помѣщенія на немъ двухъ или нѣсколькихъ гербовъ; наконецъ въ XV вѣкѣ появились у гербовъ: наметъ или покровъ, служащій для покрытія шлема, боковыя фигуры или щитодержатели, и присоединненые позади гербоваго щита знаки отличій, каковы суть: ордена, медали, кресты, посохи и т. п. [1]

и 6) *Появленіе гербовъ въ Польшѣ и Литвѣ.*

По примѣру германскихъ племенъ, и народы Славянскіе, обитатели древней Руси, Польши, Иллиріи, Моравіи, Богеміи, имѣли свои гербы. Прежде другихъ славянскихъ земель, въ Польшѣ введены въ употребленіе гербы въ XIV и XV и столѣтіяхъ [2], а вмѣстѣ съ тѣмъ усвоена ею и самая наука о гербахъ — геральдика. Съ перваго взгляда нельзя не замѣтить, что, въ этой странѣ, внѣшніе аттрибуты герба — шлемъ, наметъ, нашлемникъ и проч., — служащіе обстановкой для гербовой фигуры или эмблемы, перешли прямо и безъ всякаго измѣненія въ польскіе дворянскіе гербы, и слѣдовательно были однообразны съ аттрибутами гербовъ западнаго рыцарства, хотя, впрочемъ, аттрибуты эти не могли усвоить себѣ того историческаго значенія въ Польшѣ, какое приписывали имъ въ государствахъ Западной Европы, по той простой причинѣ, что въ древнѣйшія времена рыцарство мало было извѣстно въ Польшѣ, а коренные жители ея вовсе не участвовали ни въ турнирахъ, ни въ крестовыхъ походахъ. Одинъ только шлемъ примѣняемъ былъ къ объясненію польскихъ гербовъ по указанію тѣхъ же началъ, какія въ этомъ отно-

---

[1] Niesiec. T. I. p. 469. 471, 472.

[2] Тамъ же p. 534. 537.

шеніи существовали на западѣ. Поэтому въ Польшѣ, равно какъ въ Германіи, Франціи и Англіи, для каждаго вида дворянства былъ свой геральдическій шлемъ съ забраломъ, опущеннымъ болѣе или менѣе, обращеннымъ влѣво или вправо. Устройство таковыхъ шлемовъ въ Польшѣ было неодинаково. Шлемъ царствующихъ королей и князей былъ открытый, и размѣромъ бо́льшаго или меньшаго его открытія, а также косвеннаго лицеваго направленія, опредѣлялась степень между владѣтельными особами. Шлемы дворянскіе всѣ вообще были закрытые, т. е. имѣли опущенное забрало. Способъ закрытія ихъ показывалъ также бо́льшую или меньшую степень значенія дворянской фамиліи: древняя, коренная дворянская фамилія имѣла гербовый шлемъ, отдѣлявшійся отъ лица, съ решетчатымъ забраломъ, числительностію решетинъ котораго опредѣлялось бо́льшее или меньшее значеніе фамиліи; шлемъ не такъ давняго дворянскаго рода имѣлъ мало решетинъ въ забралѣ и былъ обращенъ нѣсколько вкось или въ сторону; новопожалованный же дворянинъ имѣлъ шлемъ закрытый безъ решетинъ въ забралѣ, обращенный въ сторону, и только, впослѣдствіи, потомки этаго дворянина въ третьемъ колѣнѣ, т. е. правнуки, получали гербовый шлемъ съ решетчатымъ забраломъ [1].

Всѣ сіи обстоятельства показываютъ, что форма гербовъ безъ всякой перемѣны заимствована была Польшею изъ чужбины вмѣстѣ съ другими учрежденіями Западной Европы. Что жъ касается существенной примѣты герба, т. е. эмблемы, составляющей его значеніе, главную мысль, и отличающей одно семейство и родъ отъ другаго семейства и рода, то гербы польскіе носятъ на себѣ особенный отъ гербовъ Западной Европы характеръ, развившійся на польской почвѣ. Къ этимъ отличительнымъ качествамъ,

[1] Niesiec. T. I. p. 476.

усвоеннымъ польскою геральдикою, принадлежатъ: а) простота въ очертаніи, малосложность и незамысловатость гербовой фигуры, образующей особый какой нибудь знакъ, который, ставъ наслѣдственнымъ, получилъ значеніе герба; б) твердость изображенія эмблемы на геральдическомъ щитѣ, принадлежащей извѣстному роду, и неизмѣняемость ея по какимъ бы то ни было обстоятельствамъ [1]; в) ограниченное число основныхъ гербовыхъ эмблемъ или фигуръ, чрезъ сочетаніе которыхъ въ такомъ или иномъ порядкѣ и образуется вся разница фамильныхъ гербовъ, такъ что гербы, различаясь между собою въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, въ сущности одни и тѣ же, да и въ самыхъ измѣненіяхъ, если какія были допущены, всегда просвѣчивалъ коренной видъ эмблемы, — отъ этого-то во множествѣ встрѣчаются въ гербахъ кресты, луна, звѣзды, мечъ, стрѣла, цвѣты, подкова и другія коренныя фигуры; и г) одногербовность, т. е. присвоеніе герба не только потомкамъ по прямой линіи наслѣдства [2], но и лицу совершенно чужому, не имѣющему правъ наслѣдства.

Это послѣднее качество, считавшееся принадлежностію гербовъ польскихъ, имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что къ одной и той же гербовой эмблемѣ нерѣдко причисляемо было по нѣскольку сотъ фамилій [3], и что поэтому приписанный къ ней дворянинъ прибавлялъ къ родовому своему прозванію, въ установленномъ порядкѣ (а не самовольно, за что виновный подвергался суду), [4] и наименованіе той фигуры, которая составляла существенный знакъ усвоеннаго имъ герба, т. е. именовался и подписывался, что онъ такого-то герба, ставя въ подписяхъ наименованіе сего послѣдняго или передъ фамильнымъ своимъ именемъ, или

---

[1] Niesiec. T. I. p. 543.
[2] Тамъ же p. 449.
[3] Тамъ же p. 446.
[4] Vol. leg. T. III. 1663 an. p. 805.

вслѣдъ за онымъ [1], и тѣмъ давалъ полное понятіе о своемъ гербѣ, въ сущности неизмѣнномъ. Отсюда произошли бывшіе столь часто въ употребленіи въ Польшѣ прозвищные гербы, т. е. гербы съ именемъ. Поэтому въ геральдикѣ польской принято было за правило, что всякій новый родъ вообще и отдѣльно частный человѣкъ, примыкавшій къ дворянскому сословію въ Польшѣ или по случаю возведенія своего, за заслуги, въ дворянское достоинство, или въ слѣдствіе присоединенія къ Польшѣ страны, въ которой онъ былъ дворяниномъ по происхожденію, не имѣлъ надобности возстановлять для себя особый гербовой знакъ, клейнодъ, а тотчасъ сопріобщаемъ былъ къ гербу какого нибудь кореннаго польскаго рода, на основаніи существовавшихъ законовъ [2], не допуская впрочемъ, какъ выше сказано, никакого измѣненія въ геральдической фигурѣ; въ противномъ случаѣ гербъ, къ которому онъ сопріобщенъ, долженствовалъ подвергнуться видоизмѣненію и вмѣстѣ съ тѣмъ получить другое, различное отъ прежняго, названіе. Во всякомъ, однако, случаѣ съ полученіемъ герба, присвоивались владѣльцу его, въ равной степени, какъ вельможѣ, такъ и лицу средняго дворянскаго круга, по принятому обычаю, и право изображать гербовые знаки на печати, ливреяхъ, зданіяхъ, экипажахъ, домашнихъ утваряхъ и другихъ принадлежащихъ ему предметахъ, а также означать въ подписи, кромѣ имени и фамиліи, и прозвищный свой гербъ. Обычай этотъ не потерялъ своей силы до нашихъ дней.

Въ древней Польшѣ, кромѣ туземныхъ гербовыхъ эмблемъ, были въ употребленіи и эмблемы, внесенныя въ польскую геральдику путемъ выѣздовъ въ Польшу и Литву изъ Богеміи (Чехъ), Моравіи, Иллиріи, Силезіи,

---

[1] Niesiec. T. I. p. 446.
[2] Тамъ же p. 441. 531.

Пруссіи и другихъ странъ Западной Европы людей благородныхъ, имѣвшихъ уже собственные гербы, которые и вносились въ общую, такъ сказать, сокровищницу, для раздачи ихъ вновь прибывшимъ безъ таковыхъ знаменъ фамиліямъ. Такимъ образомъ не было ни одного, получившаго свое начало въ Польшѣ, или занесеннаго въ оную переселенцами изъ другихъ государствъ, герба, который не сдѣлался бы общимъ достояніемъ многихъ дворянскихъ фамилій [1]. При всемъ томъ считалось одинаково важнымъ, имѣлъ ли кто нибудь изъ дворянъ туземный, или внесенный изъ другихъ странъ, гербъ, лишь бы только пользовался какимъ нибудь гербовымъ знакомъ [2]. Такъ глубоко укоренилось понятіе о высокомъ значеніи, почетѣ, и важности герба, а также о необходимости имѣть его каждому лицу, принадлежащему, по своему происхожденію, къ благородному классу людей. Это понятіе до того преобладало въ Польшѣ, что, въ случаѣ присоединенія къ ней какой либо страны силою оружія, или мирными договорами, польскія геральдическія эмблемы сообщались и дворянству новой провинціи. Очевиднымъ доказательствомъ сего служитъ состоявшійся на городельскомъ съѣздѣ въ 1413 г. союзный между Литвою и Польшею актъ, о сообщеніи дворянамъ литовскимъ, бывшихъ въ употребленіи въ Польшѣ, прозвищныхъ гербовъ, актъ, въ которомъ упоминается, какой дворянскій родъ и къ какому именно сопріобщенъ былъ тогда знамени, или гербу [3]. Это учрежденіе относительно гербовъ, послужившее основаніемъ распространенію и умноженію въ Литовской Руси польскихъ гербовъ, покровительствуемое и развиваемое правительствомъ, осталось во всей своей силѣ и по окончательномъ соединеніи помянутыхъ двухъ державъ люблинскими до-

[1] Niesiec. T. I. p. 531. 534.
[2] Тамъ же p. 446. 460. 559.
[3] Vol. leg. T. I. p. 70.

говорами въ 1569 г. Притомъ же гербъ, служа украшеніемъ и отличительнымъ знакомъ не только одного рода отъ другаго, но и состоянія дворянскаго отъ другихъ народныхъ сословій, былъ въ Польшѣ, а потомъ и въ Литвѣ, со времени вступленія на польскій престолъ Великаго Князя Литовскаго Ягелла, однимъ изъ положительныхъ доказательствъ о дворянскомъ происхожденіи употреблявшаго оный лица [1].

Сличивъ изложенныя начала, по вліянію которыхъ установились гербы въ странахъ Западной Европы и въ Польшѣ, можно придти къ слѣдующему заключенію: а) Польская и Литовская геральдика имѣетъ ту особенность, отличающую ее отъ прочихъ, что въ ней каждый гербъ имѣетъ свое прозвище и употребляется множествомъ разныхъ фамилій, между тѣмъ какъ гербы Западнаго Европейскаго рыцарства для каждой фамиліи были отдѣльные или поодиночные. б) Переходъ гербовъ, или способъ усвоенія ихъ дворянами въ Польшѣ и Литвѣ, показываетъ, что это были не болѣе, какъ видимые знаки, употреблявшіеся для отличія одной благородной фамиліи отъ другой, и, по большей части, нисколько не объяснявшіе личныхъ талантовъ и заслугъ владѣющаго ими лица; въ Западной же Европѣ каждый гербъ, какъ выраженіе мужества, подвиговъ и гражданскихъ доблестей, не могъ быть одинаковымъ даже у двухъ братьевъ и непремѣнно требовалъ какихъ нибудь новыхъ, хотя незначительныхъ, отмѣтокъ, производившихся сперва на основаніи старинныхъ обычаевъ, а потомъ съ разрѣшенія правительства. в) Завѣдываніе въ Западныхъ Государствахъ гербами ввѣрено было назначеннымъ для сего особо должностнымъ лицамъ, т. е. чиновникамъ правительства, и судебнымъ мѣстамъ, тогда, какъ въ Польшѣ и Литвѣ не было никакого госу-

---

[1] Niesiec. T. I. p. 446. 532.

дарственнаго учрежденія для наблюденія за неприкосновенностію гербовъ. Герольдію замѣняли тамъ исключительно писатели, пользовавшіеся офиціальными и частными свѣдѣніями для своихъ изысканій о гербахъ. Сочиненія ихъ, опредѣлявшія первоначальное происхожденіе, очерки и наименованія гербовъ, заслужили всеобщую благодарность потомства и сдѣлались единственнымъ, важнымъ пособіемъ при производствѣ дѣлъ о дворянскихъ гербахъ. Къ числу этихъ достойныхъ, заслуженныхъ тружениковъ, тщательно занимавшихся собраніемъ свѣдѣній о польскихъ и литовскихъ гербахъ, относятся: Іоаннъ Длугомъ, Варѳоломей Папроцкій, Мартынъ Бѣльскій, Симонъ Окольскій, Вацлавъ Потоцкій, Войтѣхъ Кояловичъ, Каспаръ Нѣсецкій, Іосифъ Дунчевскій, графъ Евариστъ — Андрей Куропатницкій и нѣкоторые другіе. Помѣстивъ въ твореніяхъ своихъ не только описаніе дворянскихъ гербовъ, основанное на преданіяхъ, историческихъ изысканіяхъ и офиціальныхъ документахъ, но и гравированные оттиски или наведенные красками рисунки каждаго герба, съ обозначеніемъ его названія, они спасли гербы отъ неизвѣстности, и тѣмъ оказали важную, незабвенную для потомства, заслугу на поприщѣ гербовѣдѣнія. и г) Важность этихъ геральдическихъ сочиненій, распространившихъ любопытныя и достойныя общаго вниманія свѣдѣнія о дворянскихъ родахъ, доказывается, между прочимъ, тѣмъ, что и наше государственное учрежденіе, древній Посольскій Приказъ, завѣдывавшій удалившимися въ Россію иностранцами, при разрѣшеніи возникавшихъ въ XVII вѣкѣ вопросовъ, дѣйствительно ли извѣстной выѣзжей фамиліи, служившей на разныхъ поприщахъ Русскимъ Царямъ, принадлежалъ гербъ, который она себѣ присвоивала, въ отзывахъ своихъ по этому предмету ссылался на Папроцкаго, Окольскаго, Бѣльскаго и другихъ, считавшихся авторитетами въ геральдической и генеалогической

исторіи польской и литовской страны [1], и, сообразно такому отзыву, если Приказъ признавалъ принадлежность герба той фамиліи, этотъ знакъ благороднаго происхожденія и утверждался за нею. Очевидно, что сдѣланное такимъ образомъ въ порядкѣ административномъ распоряженіе служило вмѣстѣ съ тѣмъ и ручательствомъ за достовѣрность сообщаемыхъ тѣми авторами публикѣ генеалогическихъ и историческихъ свѣдѣній. Даже въ недавнее время, во второй четверти XIX столѣтія, Высочайше утвержденнымъ 25 Іюня 1836 г. положеніемъ о дворянствѣ Царства Польскаго предоставлено, между прочимъ, Герольдіи Царства (ст. 97), при составленіи гербовника, въ случаѣ надобности, пользоваться извѣстными въ Царствѣ геральдическими сочиненіями [2].

ГЛАВА ВТОРАЯ

о главнѣйшихъ составныхъ частяхъ гербовъ [3].

1) *Существенныя части герба.*

Первая и самая существенная часть герба есть щитъ (écu). [4] Онъ составляетъ главное орудіе, землю, на которой представлялась избранная благороднымъ рыцаремъ

---

[1] Русская Геральдика. Соч. Лакіера, 1855 г. Кн. II. стр. 336.

[2] Гербовникъ дворянскихъ родовъ Царства Польскаго, Высочайше утвержденный. Варшава, 1858 г. Ч. I. стр. 1.

[3] При составленіи этой статьи, принято было мною въ руководство сочиненіе Гаттерера подъ названіемъ: «Начертаніе гербовѣдѣнія». Перевелъ съ нѣмецкаго на русскій языкъ Мальгинъ. 1805 г.

[4] Въ древности щитомъ называлась военная броня, состоящая изъ металлической, круглой, посрединѣ нѣсколько выпуклой, доски, которая надѣвалась коннымъ витяземъ на лѣвую руку для защищенія своего тѣла отъ ударовъ непріятеля.

и утвержденная за нимъ эмблема, или символическій знакъ почести, напоминавшій тѣ личныя качества, подвиги и доблести, которыми онъ стяжалъ себѣ это заслуженное отличіе и которыхъ память желалъ сохранить въ своемъ потомствѣ [1]. Слѣдовательно весь смыслъ, вся душа, вся исторія герба заключается въ родовой эмблемѣ, и помѣщеніе ея на щитѣ составляетъ твердую, однообразную, усвоенную дворянскимъ гербамъ, геральдическую примѣту, знамя.

Формы щитовъ, обыкновенно употреблявшіяся въ средніе вѣка, по различію странъ, къ которымъ принадлежали тогда рыцари, были различны: у Англичанъ щитъ былъ круглый [2], у Италіанцевъ кругло-продолговатый или овальный [3], у Испанцевъ четвероугольный, внизу округленный [4], у Германцевъ продолговатый, имѣющій выемки по сторонамъ и внизу, большею частію отъ воли художника зависящія [5], у Французовъ четвероугольный съ острою внизу оконечностію [6]. Форма щита французскаго сдѣлалась почти всеобщею и принята, преимущественно предъ прочими, для гербовыхъ изображеній.

Каждый гербовый щитъ долженъ соединять на лицевой сторонѣ четыре существенныя принадлежности: А) очертаніе, Б) поле, В) краски и Г) фигуру или эмблему.

---

[1] Къ такимъ эмблемамъ можно отнести, наприм., изображеніе на щитѣ части крѣпостной стѣны, городскихъ воротъ, текущей рѣки, моста, головы, руки, человѣческаго тѣла, копья, меча, перевязи и проч. Эмблемы эти служатъ памятникомъ взятой приступомъ крѣпости, завоеваннаго города, смѣлаго перехода черезъ рѣку, храбро защищаемаго моста, низложенія непріятеля, отнятія у него разнаго рода оружія и т. д.

2 3 4 5 6

А) Очертаніе щита бываетъ простое, если онъ состоитъ изъ одной окружной черты и заключаетъ въ себѣ только одну часть и одинъ цвѣтъ на щитѣ; а если щитъ раздѣленъ на нѣсколько разнообразныхъ, соотвѣтственно числу гербовыхъ фигуръ, частей, окрашенныхъ различно, то называется щитомъ сложнымъ.

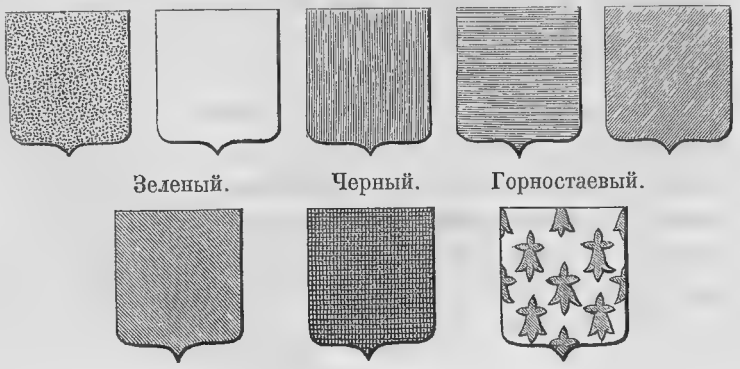
Б) Поле (champs) щита есть поверхность его, мѣсто, занимаемое на ономъ фигурою или эмблемою. Поле окрашивалось всегда однимъ какимъ нибудь изъ усвоенныхъ геральдикою цвѣтомъ. Этотъ цвѣтъ важенъ потому, что опредѣляетъ краски намета, котораго цвѣтной верхъ и металлическій подбой состоятъ всегда изъ тѣхъ же цвѣтовъ, какіе находятся на щитѣ.

В) Краски (les emaux), которыми наводятся щиты, а также изображаемыя на нихъ фигуры и прочіе аттрибуты герба, суть слѣдующія: два металла: золото—цвѣтъ желтый, и серебро — цвѣтъ бѣлый; пять цвѣтовъ: красный (rubis et gueules), голубой (saphir et azur), пурпуровый (amethyst et pourpre), зеленый (émeraud et sinople) и черный (diamant, sable); и мѣхъ горностаевый (hermine). Вначалѣ геральдическіе цвѣта выражались дѣйствительно металлами и красками въ собственномъ значеніи; впослѣдствіи краски замѣнены гравировкою. Такимъ образомъ, для изображенія золотаго цвѣта, поле щита усѣевается точками, цвѣтъ серебряный распознается по полю щита совершенно бѣлому; прочіе цвѣта обозначаются: красный — чертами, проведенными на щитѣ съ верху къ низу, голубой — горизонтальными линіями, проведенными отъ одной стороны щита къ другой, пурпуровый — чертами діагонально проведенными (скошенными) отъ праваго верхняго угла щита къ лѣвому нижнему, зеленый — діагональными чертами, проведенными отъ верхняго лѣваго угла щита къ правому нижнему, черный — чертами, пересѣкающимися подъ прямыми углами; а для изображе-

нія горностаеваго мѣха приняты въ серебряномъ полѣ черныя мушки, оканчивающіяся тремя хвостиками [1]. Сверхъ того усвоенные геральдикою цвѣта имѣютъ символическое значеніе, которое и осталось за ними до настоящаго времени: золото означаетъ богатство, силу, вѣрность, чистоту постоянство; серебро — невинность, бѣлизну, дѣвственность; красный цвѣтъ — храбрость, мужество, неустрашимость; голубой — величіе, красоту, ясность; пурпуровый — достоинство, силу, могущество; зеленый — надежду, изобиліе, свободу; черный — скромность, образованность, печаль; а горностай служитъ символомъ чистоты.

и Г) Фигура (figure) или эмблема есть помѣщенное на щитъ какое нибудь изображеніе, которое составляетъ въ гербѣ существенный знакъ почести и отличаетъ щитъ одного дворянскаго рода отъ другаго. Занимаемое фигурою мѣсто всегда самое видное и почетное. Поле щита можетъ вмѣщать въ себѣ одну или нѣсколько фигуръ. Въ первомъ случаѣ фигура ставится обыкновенно посрединѣ поля, а въ послѣднемъ — фигуры располагаются сообразно на-

[1] Для бо́льшей ясности представляются здѣсь гербовые щиты, съ обозначеніемъ на нихъ гравированныхъ знаковъ, выражающихъ, согласно приведенному описанію, разные геральдическіе цвѣта:



ружнему виду, правиламъ красоты и изящества, въ правильномъ и естественномъ порядкѣ. Гербовыя же фигуры бываютъ трехъ разрядовъ: естественныя, заимствованныя изъ видимой природы, къ каковымъ относятся изображенія людей, животныхъ, растеній, стихій, планетъ и проч.; искусственныя, взятыя изъ художествъ, искусствъ, ремеслъ, какъ то: короны, скипетры, оружія, домы, одежды, чаши, трубы, кольца и т. п.; и геральдическія или вымышленныя, каковы напримѣръ: центавръ, въ которомъ одна половина человѣческая, а другая лошадиная,—грифъ вполовину орелъ и вполовину левъ,—сирена полудѣвица и полурыба и т. п.—Обще правило, въ сущности ненарушимое, состоитъ въ томъ, что фигура или эмблема, разъ усвоенная гербу извѣстной фамиліи или извѣстнаго лица, и за нимъ утвержденная, не можетъ произвольно подлежать никакому измѣненію; ни одна въ ней черта не можетъ быть ни прибавлена, ни убавлена, безъ нарушенія цѣлости герба.

и 2) *Прибавочныя части герба.*

Къ прибавочнымъ частямъ герба, служащимъ для внѣшняго украшенія вокругъ гербоваго щита, принадлежатъ: А) короны, Б) шапки, В) шлемъ, Г) наметъ, Д) нашлемникъ, Е) щитодержатели, Ж) мантія и З) девизъ.

А) Короны (**couronnes**) бываютъ двухъ родовъ: однѣ служатъ признакомъ власти и разнятся между собою сообразно ея степени, каковы суть короны: императорская, королевская, папская тіара и т. п., а другія неимѣютъ сихъ качествъ; къ послѣднимъ относятся короны, бывающія на многихъ дворянскихъ гербовыхъ шлемахъ [1]. Въ гербѣ корона ставится непосредственно на щитѣ; но бываютъ случаи, что мѣсто короны опредѣляется различно:

[1] Короны сего рода обыкновенно изображаются золотыми, имѣющими украшенный драгоцѣнными камнями ободокъ, на которомъ находятся три вѣнчика изъ листьевъ и между ними по два шарика.

или она изображается на принадлежащемъ щиту шлемѣ, или представляется висящею на воздухѣ.

Б) Шапки, подобно коронамъ, служатъ для украшенія гербовъ и составляютъ: въ гербахъ духовныхъ лицъ западной церкви кардинальскія, архіепископскія, епископскія митры, а въ гербахъ особъ свѣтскихъ курфирстскія, княжескія, эрцъ-герцогскія и т. п. шапки; и тѣ и другія употреблялись также или вмѣсто шлемовъ, или нераздѣльно съ ними.

В) Шлемы (les casques) [1] вообще бываютъ или закрытые, имѣющіе только спереди небольшое отверзтіе для глазъ и дыханія, или открытые, извѣстные подъ названіемъ турнирныхъ шлемовъ. Изъ этихъ послѣднихъ одни были совершенно открытые, все лице обнаруживавшіе, а другіе полуоткрытые, надъ отверзтіемъ которыхъ опущено забрало (решетка), составляющее переднюю часть шлема. Верхняя черта щита есть обыкновенное мѣсто шлема, который, съ обращеннымъ впередъ забраломъ, всегда изображается въ срединѣ щита. Если случится на щитѣ два шлема и болѣе въ четномъ числѣ, то забрала ихъ обращаются въ сторону одно къ другому; при нечетномъ же числѣ шлемовъ, средній бываетъ открытъ впрямъ, а крайніе ставятся бокомъ забралами къ среднему. Теорія шлемовъ, одного изъ рыцарскихъ знаковъ, украшающихъ гербовый щитъ, имѣла большое значеніе на западѣ. По различію разрядовъ или степеней дворянства, шлемы имѣли не одинаковое устройство и отличались между собою слѣдующими примѣтами: ***золотой шлемъ***, откры-

[1] Шлемъ составлялъ у древнихъ воиновъ головной, металлическій съ решетчатымъ впереди забраломъ, уборъ, къ которому прикрѣплялись также кирасы или металлическія части наряда, облекавшаго шею, грудь и плечо. Этотъ воинскій доспѣхъ въ древности служилъ воину для защищенія его отъ ударовъ въ сраженіяхъ съ непріятелемъ, а въ средніе вѣка, во время существованія турнировъ, сдѣлался принадлежностію дворянскаго или рыцарскаго сословія.

тый и безъ решетинъ, былъ только у царствующихъ особъ — императоровъ и королей; *серебряные шлемы* были: открытые — у принцевъ крови и герцоговъ, закрытые, т. е. съ опущеннымъ забраломъ — у маркизовъ, съ таковымъ же забраломъ о девяти решетинахъ обращенные въ три четверти — у графовъ, а съ семью решетинами — у бароновъ; и наконецъ *шлемы изъ полированной стали* были: закрытые о четырехъ решетинахъ и обращенные въ профиль — у старинныхъ дворянъ, обращенные вправо и въ профиль съ забраломъ почти опущеннымъ — у дворянъ жалованныхъ, обращенные же влѣво, и, если ставятся впрямъ, то съ опущеннымъ забраломъ — у лицъ, рожденныхъ отъ неосвященныхъ союзовъ [1].

Г) Наметъ (lambrequins). Во времена средне-вѣковаго рыцарства, шлемъ покрывался иногда особенною тканью или въ защиту отъ дождя и сырости воздуха, или для того, чтобъ не раскалялся отъ палящихъ лучей солнца. Покровъ этотъ названный наметомъ, въ битвахъ и на турнирахъ подвергался ударамъ и разсѣкался въ лоскутки — lambeau (отсюда lambrequins). Эти лоскутки, окрашенные въ цвѣтъ, господствующій на щитѣ, и ниспадающіе по обѣимъ сторонамъ щита въ видѣ листьевъ, не касаясь его окружности, носятъ различныя названія: они именуются volets, если ткань изрѣзана и представляется летящею по вѣтру, capeline — когда лоскутки имѣютъ видъ капюшона, mautelet — когда близки къ формѣ плаща, hachemets — когда имѣютъ видъ лентъ, украшающихъ шлемъ. Нерѣдко также шлемы, въ знакъ побѣды, обвивались древесными вѣтвями. Наметъ самое видное изъ шлемовыхъ украшеній и постоянно употребляемое въ гербахъ; онъ изображается, смотря по качеству гербовъ, то съ верхней части шлема по обѣимъ сторонамъ

---

[1] Лакіеръ, Ч. I. стр. 71 и 72.

его, то между шлемомъ и нашлемникомъ. Сначала наметъ имѣлъ видъ четвероугольнаго покрывала, потомъ получилъ устройство подобное вѣтвистому украшенію въ готическомъ вкусѣ древнихъ временъ. Въ наметѣ повторяются цвѣта главнаго на щитѣ поля и главной, изображенной на немъ же, фигуры или родовой эмблемы, съ соблюденіемъ принятаго въ геральдикѣ правила, чтобы наметъ имѣлъ верхъ цвѣтной, а подбой металлическій.

Д) Нашлемникъ (cimier) составляетъ верхнюю часть шлема. У древнихъ народовъ, какъ и у рыцарей среднихъ вѣковъ, на шлемахъ возвышались нерѣдко разныя фигуры или для отличія, или для того, чтобъ воину казаться выше. Поэтому въ нашлемникахъ находили себѣ мѣсто изображенія животныхъ, цвѣтовъ, перьевъ и разныхъ другихъ предметовъ. Нерѣдко повторялись въ нашлемникѣ, вполнѣ или частію, тѣже родовыя эмблемы, которыя помѣщены были въ щитѣ.

Е) Щитодержатели (support) представляютъ собою фигуры ангеловъ, людей, звѣрей, птицъ и даже существъ вымышленныхъ, поддерживающія щитъ съ одной и чаще съ двухъ его сторонъ. Фигуры эти бываютъ или однородныя, напримѣръ два человѣка, или разнородныя, какъ-то: левъ и единорогъ, быкъ и грифъ, орелъ и лебедь и т. д. Щитодержатели, держась за щитъ обѣими руками, или лапами, а иногда имѣя въ одной рукѣ знамя, мечъ, стрѣлу и т. п., представляютъ собою родъ стражи у герба. Это внѣшнее украшеніе его встрѣчается въ большей части древнихъ гербовъ и объясняется тѣмъ, что, во времена рыцарства, всѣ желавшіе участвовать въ турнирѣ, должны были вывѣшивать свои щиты на показъ для того, чтобы всякій, вступающій въ состязаніе, зналъ, что онъ будетъ имѣть дѣло съ дѣйствительно благороднымъ, по происхожденію, человѣкомъ. Выставленные для этой цѣли щиты охранялись оруженосцами или людьми, переодѣ-

тыми въ львовъ, сиренъ, грифовъ, борзыхъ собакъ, или въ существа вымышленныя.

Ж) Мантіи, приволоки, или гербовыя палатки, имѣющія верхъ бархатный, съ изображеніемъ гербовъ, и подбой горностаевый, составляли первоначально принадлежность гербовъ лишь только коронованныхъ главъ, а позднѣе усвоены принцамъ и князьямъ, помѣщавшимъ щиты свои, такъ сказать, подъ павильономъ, богато вышитымъ и украшеннымъ бахрамою. Употребленіе въ гербахъ мантіи имѣетъ основаніемъ своимъ то, что на турнирахъ рыцарь, чтобъ удобнѣе было ждать очереди вступленія въ бой, воздвигалъ себѣ палатку или шатеръ, подъ которымъ и помѣщалъ свое оружіе. Отъ того мантія и изображается въ видѣ палатки, опускающейся или изъ подъ короны, или изъ подъ шапки княжеской.

и З) Девизъ (devise) есть остроумное или хвалебное изрѣченіе, выраженное немногими словами, но заключающее въ себѣ полный смыслъ и служащее или воспоминаніемъ о подвигахъ и заслугахъ извѣстнаго лица, или побужденіемъ къ совершенію ихъ. Девизъ вставляется въ гербъ какъ надъ щитомъ, такъ равно и внизу его, и обозначается или на развѣвающейся въ воздухѣ лентѣ, или на свиткѣ бумаги.

Сверхъ того дозволяется, по правиламъ геральдики, окружать гербъ знаками отличій, какія только имѣетъ владѣющее имъ лице, и другими предметами, намекающими на государственную его дѣятельность. Вотъ почему часто изъ-за гербоваго щита виднѣются орденскія украшенія, торчащіе мечи, стрѣлы, архіерейскіе посохи и т. п., а внизу щита сложены бываютъ военные снаряды, учебныя принадлежности и проч.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ

О ДВОРЯНСКОМЪ РОДѢ

ПОРАЙ-КОШИЦОВЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

о происхожденіи символическаго знака — Розы, получившаго въ X вѣкѣ названіе Порай.

1) *Символическое значеніе розы у древнихъ Римлянъ.*

Роза была однимъ изъ самыхъ любезныхъ садовыхъ цвѣтовъ у древнихъ Грековъ и Римлянъ и составляла предметъ нѣжной ихъ заботливости. Старый, принятый обычай ввелъ въ употребленіе этотъ граціозный воздушный цвѣтокъ между Римлянами при разныхъ событіяхъ общественной ихъ жизни. Такъ, на богатыхъ вечернихъ пирахъ, гости надѣвали розданные имъ хозяиномъ вѣнки изъ розъ; розами окружались блюда съ кушаньями, и толстымъ слоемъ ихъ покрывался полъ столовой залы; сенаторы и зрители на публичныхъ играхъ получали розовые вѣнки; розы служили для украшенія статуй языческихъ боговъ и знаменитыхъ мужей, и особенно часто для украшенія сооруженныхъ надъ прахомъ зажиточныхъ Римлянъ гробницъ, на которыхъ ежедневно возобновлялись розовыя гирлянды.

Кромѣ этаго, обычаемъ освященнаго, употребленія розы, она, въ видѣ вѣнка или букета, имѣла также иное, символическое значеніе. Вѣнокъ, сплетенный изъ ея

листьевъ, предназначенный для увѣнчанія доблести воина и гражданина, дѣлался предметомъ особой занимательности, потому что роза въ семъ послѣднемъ случаѣ была уже символомъ почета и награды, была эмблемою, выражавшею миръ, геройскія качества гражданина, мужество и воинскую славу витязя. Такое общепонятное символическое значеніе имѣлъ этотъ цвѣтокъ обыкновенно у древнихъ народовъ при торжественныхъ шествіяхъ или тріумфахъ, въ продолженіе которыхъ, на колесницѣ тріумфатора красовались розы и вились розовыя изъ свѣжихъ цвѣтовъ гирлянды вокругъ воротъ, въ которыя въѣзжать ему надлежало. Знаменательно было также значеніе, придававшееся и розовому букету. Древнія лѣтописи сохранили преданіе, что римскій герой Сципіонъ въ день тріумфа, которымъ почтили его Римляне послѣ побѣды, одержанной имъ надъ Карѳагенскимъ полководцемъ Аннибаломъ за 202 года до Р. Х., тѣмъ изъ своихъ воиновъ, которые прежде другихъ проникли въ лагерь непріятеля и нанесли ему совершенное пораженіе, велѣлъ идти съ розовыми букетами, и потомъ сохранить изображеніе этаго цвѣтка на щитахъ своихъ, въ воспоминаніе о побѣдѣ.

Очевидно, что цвѣтокъ роза, разсматриваемый съ геральдической точки зрѣнія — въ смыслѣ символическаго знака внѣшняго отличія заслуженныхъ мужей — носитъ на себѣ печать глубокой древности и становится извѣстнымъ у Римлянъ задолго до пришествія на землю и воплощенія Спасителя міра, Іисуса Христа. Историческое извѣстіе о древностяхъ священныхъ, на которое ссылается генеалогъ Папроцкій [1], упоминаетъ о существованіи тринадцати римскихъ надгробныхъ памятниковъ, имѣвшихъ на себѣ высѣченную эмблему — цвѣтокъ розу.

---

[1] Paprоc. p. 355.

2) *Появленіе символическаго знака — Розы въ Польшѣ и Литвѣ подъ названіемъ Порай.*

Появленіе въ дворянскихъ гербахъ Польши и Литвы символическаго знака — Розы сопровождалось нижеслѣдующими обстоятельствами:

Италія, входившая нѣкогда въ составъ Западной Римской Имперіи, считается колыбелью древнѣйшаго въ Европѣ дворянства. Высшее народное сословіе въ этой странѣ составляли римскіе патриціи, или сенаторы, и всадники, или защитники отечества. Членъ этаго втораго сословнаго разряда, по фамиліи Розинъ, славившійся древностію благороднаго своего происхожденія [1], въ смутную эпоху возникшихъ въ отечествѣ его безпорядковъ, подвергавшихъ опасности жизнь и собственность гражданъ, отправился съ своимъ семействомъ въ мирную Богемію или Чехію [2], такъ названную отъ имени ея властителя Чеха. Пользуясь его благосклоннымъ къ себѣ вниманіемъ, Розинъ пріобрѣлъ тамъ обширныя помѣстья и сдѣлался родоначальникомъ знатнаго дома Розенбергъ, получившаго это названіе отъ эмблемы, которою отличался сказанный предокъ Розинъ и которая изображалась въ видѣ бѣлой пятилистной въ полномъ цвѣту розы [3].

Одинъ изъ достойныхъ представителей этаго дома, Славникъ [4], употреблявшій тотъ самый фамильный символическій знакъ, владѣлъ въ Чехіи богатымъ недвижимымъ имѣніемъ и имѣлъ семь сыновей, родившихся отъ брака

---

[1] Niesiec. T. VII. p. 389.

[2] Poczet herbów szlachty korony polskiey i wielkiego xięstwa litewskiego przez Wacława Potockiego, 1696 rok. p. 894.

[3] Paproc. p. 356. — Orbis Polonus, autor. Simon. Okolski, 1641 an. T. II. p. 634. — Herbarz wielu domów korony polskiey i wielkiego xięstwa litewskiego, Jozefa Dunczewskiego, 1757 rok. T. II. p. 18.

[4] Okolski. T. II. p. 634.

его съ Стрежиславою, дочерью владѣтельнаго князя Болеслава I. Пятеро изъ нихъ пали жертвами враждебной Славникову роду партіи и умерщвлены въ вотчинномъ ихъ имѣніи, Любичѣ, въ 995 г.; остальные два, именемъ Войтѣхъ и Порай, избѣжали злополучной участи братьевъ своихъ лишь только потому, что оба были на чужбинѣ: первый, саномъ епископъ прагскій, жилъ тогда въ Римѣ, а послѣдній — въ Полыпѣ [1].

Войтѣхъ, узнавъ о мученической смерти братьевъ, не возвратился на родину, а прибылъ въ 996 г. въ Польшу, гдѣ царствовалъ тогда братъ его двоюродный, Болеславъ Храбрый [2], и, по ходатайству сего короля, вскорѣ возведенъ былъ тамъ на степень гнѣзненскаго архіепископа, но, во время путешествія своего въ смѣжную съ Польшею землю, нынѣшнюю Восточную Пруссію, для обращенія тамошнихъ язычниковъ къ вѣрѣ Христовой, злодѣйски умерщвленъ былъ туземцами 23 Апрѣля 999 г. Впослѣдствіи Войтѣхъ, котораго самоотверженіе на пользу ближняго, при выполненіи пастырскаго долга, доказано и признано, былъ причтенъ римскою церковью къ лику св. угодниковъ [3].

Братъ Войтѣха, Порай, находясь въ числѣ почетныхъ особъ, сопровождавшихъ изъ Богеміи въ Польшу тетку его по матери, княжну Домбровку, невѣсту Мечислава Короля Польскаго (965—999), для вступленія съ нимъ въ законный бракъ, прибылъ въ Польшу въ 965 г., тридцатью годами прежде Войтѣха, и, какъ племянникъ королевы, щедро одаренъ былъ отъ Мечислава обширными въ польскихъ владѣніяхъ помѣстьями. При такихъ благопріят-

---

[1] Paproc. p. 356. — Zbior dzieiepisow polskich Marcina Bielskiego, 1764 rok. p. 35. — Okolski, T. II. p. 634. — Dunczew. T. II. p. 184.

[2] Мать Войтѣха, Стрежислава, и мать Болеслава Храбраго, Домбровка, были родныя между собою сестры.

[3] Bielski, p. 35. 381. — Okols. T. II. p. 636.

ныхъ обстоятельствахъ, Порай принялъ на себя служебныя при дворѣ Мечиславовомъ обязанности, не переставая, однако, считать себя природнымъ Чехомъ — Славяниномъ и подданнымъ Державы Чешской. Но, когда дошло до него горестное извѣстіе, что братья его измѣнически умерщвлены были въ своемъ родовомъ имѣніи, а самое имѣніе конфисковано, Порай, не колеблясь вступилъ въ подданство Мечиславова сына, Болеслава Храбраго (999—1025) и, поселившись навсегда въ Польшѣ, сдѣлался родоначальникомъ многочисленнаго потомства, котораго члены не только сохраняли имя знаменитаго предка, сдѣлавъ оное наслѣдственнымъ фамильнымъ прозваніемъ; но, сверхъ того, въ доказательство своего къ нему уваженія, признательности и задушевнаго стремленія увѣковѣчить его память, усвоили носимое имъ имя Порай и символическому знаку — бѣлой Розѣ, издревле употреблявшемуся въ родѣ его, въ качествѣ дворянскаго гербоваго отличія [1].

Между тѣмъ какъ помянутый Розинъ переселялся изъ Рима въ Богемію, другой знаменитый римлянинъ, Палемонъ, искалъ для себя чести и славы въ отдаленныхъ отъ юга сѣверныхъ странахъ. Ему сопутствовали, въ качествѣ товарищей, пятьсотъ римскихъ уроженцевъ, въ томъ числѣ знатнѣйшіе рыцари: Юліанъ Дорспрунгъ, Просперъ Цезаринъ, Юліанъ Урсинъ и Гекторъ Розинъ. Совершивъ водяной путь, всѣ они съ своими семействами приплыли въ 929 г. къ берегамъ Балтійскаго моря, въ ту часть литовской страны, которая извѣстна подъ именемъ Жмуди или Самогитіи [2]. Эти пришельцы, мало по малу

[1] Paproc. p. 355. 358. — Biels. p. 35. — Okols. T. II. p. 636. — Dunczews. T. II. p. 173. 184.

[2] Bielski, p. 123. — Dunczew. T. II. p. 173—184. — Wiadomość o kłeynocie szlacheckim oraz herbach domów szlacheckich w koronie polskiey i wielkim xięstwie litewskim, zebrane przez Ewarysta Andrzeia Hrabię Kuropatnickiego. 1789 r. T. I. p. 30.

сблизившись съ туземнымъ племенемъ, сдѣлались не только родоначальниками многихъ благородныхъ литовскихъ фамилій, но и правителями народными, основателями городовъ и замковъ.

Потомки одного изъ поименованныхъ рыцарей, Гектора Розина, названные впослѣдствіи Рожицами и Рожицкими, употребляли, по примѣру этаго своего предка, символическій знакъ — бѣлую пятилистную Розу, тотъ самый знакъ, который внесли изъ Богеміи въ Польшу братья Войтѣхъ и Порай, и который названъ, какъ выше сказано, по имени втораго изъ нихъ, изъ уваженія къ знаменитой его личности, равно и потому, что въ польскомъ государствѣ не было ни одного гербоваго знака безъ названія или прозвища [1].

Сообразивъ вышеизложенныя, почерпнутыя изъ лѣтописей, данныя относительно появленія гербоваго знака — Розы въ сѣверныхъ краяхъ, смѣло можно сдѣлать тотъ выводъ, что древность установленія его восходитъ: въ Польшѣ къ 996 г., а въ Литвѣ къ 929 г., и что первыми главными виновниками появленія этого символическаго знака были: въ Польшѣ Порай, а въ Литвѣ Гекторъ Розинъ.

Дальнѣйшее, внимательное разсмотрѣніе мною относящихся къ излагаемому предмету, оставленныхъ древностію свидѣтельствъ, открыло еще и то, что символическій знакъ — Роза, извѣстный подъ именемъ Порай, этотъ знакъ, усвоившій себѣ, въ эпоху развитія въ Западной Европѣ гербовъ, форму и значеніе герба въ настоящемъ смыслѣ этого слова и употреблявшійся между членами дворянскаго сословія въ Польшѣ, — пожалованъ былъ на городельскомъ съѣздѣ въ 1413 г., по соглашенію Великаго Князя Литовскаго Витовта съ Королемъ Польскимъ Ягел-

[1] См. выше стр. 87. 89 и 90.

ломъ, дворянину литовскому Билимину [1]. Такой способъ присвоенія герба лицу, подданному государя литовскаго, удостовѣряетъ въ томъ, что этотъ гербовый знакъ, признанный верховною въ обоихъ государствахъ властію, имѣлъ уже тогда важность офиціальнаго установленія и, въ сущности, считался въ числѣ преимуществъ, предоставленныхъ исключительно благородному классу людей. Этотъ фактъ можетъ служить отвѣтомъ и на вопросъ: почему сказанный гербъ употреблялся, впослѣдствіи, и въ самой Литвѣ болѣе подъ своимъ прозвищнымъ названіемъ Порай, чѣмъ подъ прямымъ наименованіемъ — Роза, какъ это лучше всего показываетъ алфавитный списокъ дворянскимъ фамиліямъ въ Польшѣ и Литвѣ, составленный графомъ Куропатницкимъ и отличающійся полнотою, точностію и достовѣрностію [2].

и 3) *Описаніе герба Порай.*

Выше сказано, что эмблематическій знакъ — Роза, коему усвоено названіе Порай, задолго до городельскаго съѣзда получилъ уже характеръ и значеніе герба, а слѣдовательно имѣлъ и всѣ требуемыя геральдикою гербовыя принадлежности. Посему извѣстнѣйшіе гербописатели — Папроцкій, Окольскій, Дунчевскій и Нѣсецкій, держась строго исторической истины, внесли въ свои сочиненія и рисунокъ герба Порай. Въ каждомъ рисункѣ одинаково изображена авторами на геральдическомъ щитѣ, въ красномъ полѣ, фигура или родовая эмблема, т. е. бѣлая пятилистная въ полномъ цвѣту Роза, и ясно обозначены окружающіе ее гербовые аттрибуты. При сличеніи всѣхъ сихъ очерковъ, оказалось, что рисунокъ этаго герба, помѣщенный въ гербовникѣ Нѣсецкаго (T. VII p. 389) [3], составленъ

[1] Vol. leg. T. I. p. 66. 70.

[2] Kuropatn. T. II. § 2.

[3] Снимокъ съ этаго герба, отпечатанный по изготовленному художникомъ на деревѣ рисунку, помѣщается на оборотѣ сего листа.

лучше и отчетливѣе, чѣмъ у прочихъ поименованныхъ авторовъ, отчетливѣе потому, что этому рисунку дана правильная, съ требованіями науки сообразная, форма дворянскаго герба, а существенные знаки и внѣшнія украшенія наведены такими красками и металлами, какіе присвоены правилами геральдики каждому предмету, образующему часть герба.

По указанію вышеприведенныхъ геральдическихъ твореній, представляющихъ ручательство въ вѣрности сообщенныхъ ими свѣдѣній о гербахъ, излагается здѣсь слѣдующее описаніе герба Порай:

«Въ червленномъ щитѣ, съ выемками по сторонамъ и внизу его, серебряная, въ полномъ цвѣту о пяти бѣлыхъ листкахъ, роза; въ главѣ щита бѣлый металлическій шлемъ съ решетчатымъ золотымъ забраломъ, съ золотыми же медальономъ на шеѣ и примыкающими къ щиту шлемовыми краями; а самый шлемъ, покрытый раскинутымъ вокругъ щита серебрянымъ и червленнымъ наметомъ, увѣнчанъ золотою короною, надъ которой возвышается такая жъ, какъ и на щитѣ, роза, образующая собою нашлемникъ.»

ГЛАВА ВТОРАЯ

о фамиліи Кошицъ герба Порай по указанію извѣстнѣйшихъ гербописателей и офиціальныхъ документовъ.

1) *Свѣдѣнія о фамиліи Порай-Кошицъ, заимствованныя изъ сочиненій гербописателей.*

Старинная фамилія литовская, изустно и письменно выражаемая словомъ Кошицъ герба Порай, именовалась и писалась, въ теченіе послѣднихъ трехъ вѣковъ, неодинаково какъ на языкѣ латинскомъ, господствовавшемъ тогда у народовъ Западной Европы, такъ и на общеупотребительномъ, со второй половины XVI столѣтія, въ Польшѣ и Литвѣ языкѣ польскомъ, принявшемъ для своего выраженія буквы латинскія.

Варѳоломей Папроцкій, почтенный и даровитый мужъ, занимающій первое мѣсто въ ряду родописцевъ старинныхъ дворянскихъ поколѣній, процвѣтавшихъ въ Польшѣ и Литвѣ, выражаетъ эту фамилію словомъ Рожицъ (Rożyc) [1], происшедшимъ отъ употреблявшагося въ ней издревле символическаго знака — Розы (Róża).

У лѣтописца Мартина Бѣльскаго значится та же фамилія подъ именемъ Рожичъ и Рожинскій (Rożycz, Rożynski) [2], каковое названіе, знаменуя тотъ же самый гербовый знакъ, служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ прямымъ указаніемъ на родоначальника ея, пришельца изъ Италіи въ Литву, Гектора Розина (Hector Rosinus), съ перемѣною лишь въ этомъ имени латинскаго окончанія *us* на польское *ski*, такъ какъ этотъ способъ измѣненія фамилій, въ случаѣ перевода ихъ съ латинскаго на польскій языкъ, по замѣ-

[1] Paprоc. p. 364.
[2] Bielski. p. 35. 768.

чанію Кромера [1], былъ почти въ повсемѣстномъ употребленіи въ Польшѣ и Литвѣ.

Ученый мужъ, Симонъ Окольскій, описывая событія, относящіяся къ означенной фамиліи, языкомъ латинскимъ, обозначаетъ ее словомъ Рожицкій (**Rozyccius, Rozycki**). Это вновь измѣненное, отличающееся въ произношеніи отъ вышеупомянутыхъ фамильныхъ именъ, прозваніе получило начало свое отъ двухъ деревень — большіе и малые Рожицы, — которыми владѣли принадлежащія къ сей фамиліи лица [2].

Трудолюбивый и многосвѣдущій Каспаръ Нѣсецкій называетъ ее словомъ Кощицъ (**Koszczyc**) [3], не приводя, впрочемъ, никакихъ причинъ усвоенія ею этаго наименованія, которое, по выраженію и звуку, совершенно различно отъ прозваній, находящихся у предшественниковъ его на генеалогическомъ поприщѣ.

Но профессоръ бывшей Замойской Академіи, Іосифъ Дунчевскій, уничтожилъ этотъ пробѣлъ въ трудѣ Нѣсецкаго: употребивъ, для обозначенія одной и той же фамиліи, три названія — Розинъ (**Rożyn**), Кощичъ (**Kosczycz**) и Кощицъ (**Koszczyc**), Дунчевскій прибавляетъ къ каждому изъ этихъ прозваній слово: «изъ Косцина (**de Koscin**)» [4] — такое слово, которымъ называлось помѣстье, бывшее во владѣніи сей фамиліи и послужившее основаніемъ къ измѣненію прежняго названія Розинъ въ прозваніе Кощицъ. Изъ генеалогическихъ замѣтокъ, составленныхъ этимъ авторомъ [5], видно, что старинный родъ Кощичовъ (**Koszczyczow**) герба Порай принадлежалъ къ числу знатнѣйшихъ фамилій и пользовался княжескимъ

---

[1] Предисловіе къ соч. Дунчевскаго: Herbarz wielu domów etc.
[2] Okolski, p. 641.
[3] Niesiec. T. V. p. 321.
[4] Dunczew. T. II. p. 175—184.
[5] Тамъ же p. 175.

почетомъ. Въ главѣ его находится Никифоръ Кощичъ изъ Косцина, происшедшій отъ князей Савоіи (нынѣ одна изъ областей сардинскаго королевства). По родству съ властителемъ Литвы Гедиминомъ, онъ прибылъ въ этотъ край и признанъ былъ въ немъ потомкомъ Гектора Розина. Пользуясь высокимъ вниманіемъ Гедиминова внука, Великаго Князя Литовскаго Витовта Кейстутовича (1392—1430), Никифоръ Кощичъ сопровождалъ его въ путешествіи, совершившемся въ 1410 г. для дипломатическихъ переговоровъ съ римскимъ императоромъ Сигизмундомъ по дѣлу о примиреніи съ Нѣмецкимъ Прусскимъ Орденомъ, безпрестанно нападавшимъ на литовскія земли [1]; а впослѣдствіи, при преемникѣ Витовтовомъ, Казимирѣ Ягелловичѣ (1440—1492), получилъ званіе воеводы ленчицкаго воеводства, въ предѣлахъ котораго находились двѣ собственныя помянутаго Никифора деревни подъ названіемъ — большіе и малые Рожицы. Отъ этаго знаменитаго предка, продолжаетъ Дунчевскій, произошли многія поколѣнія; весь итогъ ихъ составляли 32 члена или отдѣльныя лица, которыя носили фамилію Кощичъ или Кощицъ, съ присвоеннымъ ей прозвищнымъ гербомъ Порай, и, въ теченіе почти четырехъ столѣтій, выполняли служебныя обязанности преимущественно въ областяхъ великаго княжества литовскаго, именно: въ Литвѣ, Жмуди, въ воеводствахъ: кіевскомъ, витебскомъ, минскомъ и другихъ [2].

Наконецъ графъ Куропатницкій, въ изданномъ въ 1789 г. алфавитномъ именномъ спискѣ дворянскихъ фамилій бывшаго королевства польскаго и великаго княжества ли-

[1] Bielski. p. 250.

[2] Въ Собр. Пол. и Лит. Зак. (Vol. leg. T. VIII. p. 672) упоминается объ этой фамиліи, подъ названіемъ Кощицъ, едва ли не въ послѣдній разъ, по тому случаю, что на бывшемъ 19 Апрѣля 1775 г. Литовскомъ Сеймѣ состоялось постановленіе, о пожалованіи Игнатію Кощицу на вѣчныя времена въ полное владѣніе каменицы, т. е. каменнаго дома, въ г. Вильнѣ.

товскаго, съ показаніемъ при каждой прозвищнаго герба, первый изъ генеалоговъ именуетъ фамилію, составляющую предметъ настоящей статьи, теперешнимъ ея прозваніемъ Кошицъ (Koszyc) герба Порай [1], т. е. именуетъ ее такъ, какъ она пишется въ древнихъ и новыхъ актахъ.

Примѣру графа Куропатницкаго послѣдовалъ Бобровичъ, издатель гербовника Нѣсецкаго, напечатаннаго въ Лейпцигѣ 1839—1846 г., въ 10 томахъ. Послѣдній изъ нихъ заключаетъ въ себѣ дополненіе къ гербовнику Нѣсецкаго, въ которое, по удостовѣренію Бобровича, внесены всѣ пропущенныя Нѣсецкимъ, но упоминаемыя позднѣйшими генеалогами, фамиліи дворянскія, равно и тѣ, которыхъ дворянское состояніе, основанное на достовѣрныхъ доказательствахъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ этомъ-то дополненіи къ гербовнику (стр. 238) напечатана и фамилія Кошицъ герба Порай.

и 2. *Свѣдѣнія о фамиліи Порай-Кошицъ, почерпнутыя изъ офиціальныхъ документовъ.*

Перехожу къ изложенію подробнѣйшихъ объ этой послѣдней фамиліи свѣдѣній. Родоначальникомъ ея, по свидѣтельству письменныхъ судебныхъ актовъ, былъ Иванъ Порай-Кошицъ [2], жившій, какъ по сдѣланному сообра-

---

[1] Kuropatnicki, T. II. p. 51.

[2] Въ начертаніи этой фамиліи соединяются въ одно наименованіе два совершенно различныя слова: одно придаточное, Порай, означающее прозвище фамильнаго герба, а другое главное, Кошицъ, показывающее собственное родовое названіе, или фамильное имя. Посему въ письменномъ языкѣ всегда употребляется, для соединенія этихъ двухъ словъ, единитный знакъ или коротенькая черточка (-), и, сверхъ того, въ началѣ обоихъ словъ, какъ означающихъ имена собственныя и имѣющихъ разныя значенія, ставятся прописныя или большія буквы. А какъ по общему правилу Русской Грамматики, иностранныя фамильныя имена, кончащіяся на *а*, *ъ* и *ь*, склоняются только въ мужескомъ родѣ, а въ женскомъ оставляются безъ склоненія (Рус. Грам. Греча, 1846 г. стр. 22 и 23); то очевидно, что и фа-

женію [1], оказалось, во второй половинѣ XVI и въ первой четверти XVII вѣка, именно: во времена Сигизмунда Августа, Стефана Баторія и Сигизмунда III. Онъ владѣлъ принадлежавшими ему въ двухъ деревняхъ — Великомъ Селѣ (минск. воевод.) и Выступовичахъ (кіевск. воевод.)— частями недвижимаго населеннаго имѣнія, которыя перешли, въ 1665 г., по наслѣдству къ сыну его, поручику кавалерійскаго гусарскаго полка [2], Станиславу, и которыя послѣдній отказалъ сыну своему Криштофу (Христофору), Минскому Чеснику. [3] Получивъ, какъ вотчинникъ,

---

мильное имя Порай-Кошицъ, по первобытному своему происхожденію литовское, подлежитъ этому же правилу. При чемъ не должно упускать изъ вида, что и въ мужескомъ родѣ склоняется только послѣднее слово, Кошицъ; а первое, Порай, какъ придаточное и имѣющее поэтому значеніе приставки, а не двойной фамиліи, подобно рѣченіямъ: *вице, оберъ, контръ, штабъ*, не склоняется. На семъ основаніи пишутъ и говорятъ: продано имѣніе отъ имени Андрея Порай-Кошица, отправлено письмо къ Надеждѣ Порай-Кошицъ и т. д. — Надлежитъ также замѣтить, что означенное фамильное имя должно всегда писать по-русски Кошицъ, а не Кошыцъ, потому что, послѣ согласныхъ буквъ *ш* и *щ*, всегда употребляется гласная буква *и*, а не *ы*; во множественномъ же числѣ должно писать Кошицы, такъ какъ согласная буква *ц* соединяется лишь только съ гласною *ы* (Грам. Греча. стр. 3).

[1] См. ниже Приложенія къ Отдѣлу III. стр. 173.

[2] Въ Литвѣ, по соединеніи ея въ 1569 г. люблинскими договорами съ Польшею, кавалерія, предводительствуемая сенаторами и знатнѣйшими воеводами, считалась вообще войскомъ, по преимуществу, рыцарскимъ. Офицеры кавалерійскихъ отрядовъ, носившихъ названіе знаменъ (хоругви), всѣ безъ исключенія долженствовали быть древніе родовые дворяне; а въ кавалеріи, именовавшейся національною, равно какъ и въ гусарскихъ ея отрядахъ, даже строевые чины, простые всадники, или товарищи, составлявшіе въ сраженіи первую шеренгу, были люди дворянскаго происхожденія.

[3] Въ V. T. Собр. Пол. и Лит. Зак. (Vol. leg. p. 894) значится, что Криштофъ Кошицъ (Krzysztof Koszyc) былъ земскимъ посломъ отъ дворянъ трокскаго воеводства, подписавшимъ, вмѣстѣ съ послами прочихъ воеводствъ, актъ, состоявшійся 27 Іюня 1697 г., объ избраніи на польскій и литовскій престолы одного изъ членовъ владѣтельнаго Саксонскаго Дома подъ именемъ Фридриха Августа II. —

нераздѣльное недвижимое, крестьянами населенное, имѣніе, которымъ владѣли отецъ и дѣдъ, Криштофъ имѣлъ возможность жить прилично носимому имъ званію благороднаго человѣка и почетной своей должности Чесника, ставившей его въ ряду придворно-служебныхъ чиновъ; но онъ не могъ уже доставить способа къ полученію знатительныхъ должностей сыну своему Ивану, какъ потому, что сынъ этотъ, утратившій отца своего, похищеннаго

Этотъ фактъ, однакожъ, нуждается въ поясненіи относительно личности сказаннаго представителя трокскаго воеводства. Я привожу его. — Если принять въ соображеніе: *во-первыхъ*, что члены старинной фамиліи Кошицъ имѣли вотчинную осѣдлость въ разныхъ частяхъ литовскаго края, въ составъ котораго входили нынѣшнія Губерніи Виленская, Гродненская, Ковенская, Минская, Могилевская, Витебская, Кіевская, Подольская и Волынская, и *во-вторыхъ*, что Криштофъ Кошицъ герба Порай, о которомъ говорится въ двухъ завѣщательныхъ актахъ 1665 и 1710 г., явленныхъ и внесенныхъ въ актовыя книги Ошмянскаго, Овручскаго и Минскаго Гродскихъ Судовъ (см. ниже Прил. къ Отд. III стр. 155 и 158), жилъ именно въ эпоху избранія на царство Августа II (1697—1733) и имѣлъ уже тогда около 57 лѣтъ отъ рожденія; то, на основаніи этихъ данныхъ, нельзя не придти къ выводу, что помянутый земскій посолъ трокскаго воеводства есть то самое лице, которое, подъ именемъ Криштофа Кошица герба Порай, значится въ выше приведенныхъ двухъ судебныхъ актахъ. Это почетное, временное званіе, вмѣстѣ съ тѣмъ, служитъ очевиднымъ доказательствомъ, что онъ былъ помѣстнымъ владѣльцемъ въ трокскомъ воеводствѣ, въ составъ котораго входили Уѣзды Трокскій, Гродненскій, Ковенскій и Упитскій (что̀ нынѣ Поневѣжскій): ибо, по кореннымъ литовскимъ законамъ, только лишь владѣніе недвижимымъ земскимъ имѣніемъ давало дворянамъ право на полученіе высшихъ и низшихъ дворянскихъ должностей и званій въ государствѣ (см. выше стр. 38 и 40). Если же въ вышеупомянутыхъ завѣщательныхъ актахъ нѣтъ никакого указанія на земское, родовое или благопріобрѣтенное, имѣніе, принадлежавшее Криштофу Порай-Кошицу въ мѣстностяхъ трокскаго воеводства; то это просто объясняется тѣмъ, что имѣніе таковое, по стеченію разныхъ обстоятельствъ, могло выбыть изъ владѣнія сего дворянина, чрезъ продажу, дареніе или другимъ способомъ, еще до его кончины, послѣдовавшей въ 1710 г., подобно тому, какъ то случилось послѣ смерти его, въ силу духовнаго завѣщанія, съ населеннымъ его имѣніемъ — частію Великаго Села, — состоявшимъ въ минскомъ воеводствѣ (см. ниже Прил. къ Отд. III стр. 159.)

смертію въ 1710 г., остался въ раннемъ возрастѣ круглымъ сиротою, такъ и по той главной причинѣ, что, изъ двухъ поименованныхъ недвижимыхъ имѣній, получилъ онъ въ наслѣдство только часть деревни Выступовичъ, а часть Великаго Села окончательно завѣщана Криштофомъ своей дочери, сестрѣ Ивана, Іустинѣ, бывшей замужемъ за дворяниномъ Тушевецкимъ. Такое раздробленіе недвижимаго родоваго имѣнія, сопровождавшееся другимъ, не менѣе важнымъ обстоятельствомъ, именно: внезапнымъ возвращеніемъ Ивана къ православію [1], постоянно подвергавшемуся въ литовскомъ княжествѣ жестокому гоненію со стороны польскаго правительства и римскаго духовенства, сильно стѣснило кругъ его служебной и общественной дѣятельности, расположило къ жизни не блистательной и оставило его болѣе, чѣмъ въ скромномъ, финансовомъ положеніи. Все это естественнымъ образомъ отразилось и на сынѣ Ивана, Андреѣ. При возрастающихъ новыхъ потребностяхъ семейнаго его быта и сельскаго хозяйства, встрѣтивъ затрудненіе найти производительный источникъ доходовъ для удовлетворенія этимъ потребностямъ, Андрей вынужденъ былъ, отъ имени собственнаго и малолѣтнаго сына своего, Антона, продать вотчину Выступовичи въ постороннее владѣніе по купчей крѣпости, совершенной въ 1774 г.

Дальнѣйшія, случившіяся въ семействѣ Порай-Кошицовъ, событія показываютъ, что, по продажѣ части Выступовичъ, послѣдняго предковскаго имѣнія, которымъ владѣли Андрей и сынъ его Антонъ, оба они, въ исходѣ XVIII столѣтія, водворились на землѣ одного изъ скромныхъ уголковъ радомысльскаго уѣзда (кіев. губер.), въ недальнемъ разстояніи отъ уѣзда овручскаго (волын. губ.), въ которомъ находилось бывшее ихъ имѣніе—Выступовичи —При такой

---

[1] См. ниже стр. 150 и 151.

перемѣнѣ обстоятельствъ, настали, конечно, для нихъ годы безмолвія, но, при всемъ томъ, годы эти не были потеряны, потому что употреблялись ими на улучшеніе общественнаго ихъ быта.

Не уступая отцу и дѣду въ чистотѣ нравовъ и въ глубокомъ благочестіи, свято чтя память ихъ и наслѣдованное отъ нихъ православіе, Антонъ Порай-Кошицъ подавалъ собою высокій образецъ жизни семейной, былъ всегда трудолюбивымъ, полезнымъ гражданиномъ и человѣкомъ строгой, испытанной честности. Одаренный отъ природы умомъ смѣтливымъ, практическимъ смысломъ, вѣрнымъ взглядомъ на вещи, душею доброю, гостепріимною, нравомъ веселымъ, сердцемъ незлобивымъ, Антонъ посвятилъ себя сельской труженической жизни и, въ этой предназначенной ему судьбою сферѣ, занялся на новосельѣ земледѣльческимъ хозяйствомъ, и такимъ образомъ далъ своей дѣятельности не только полезное, но и благородное направленіе. При помощи неутомимаго труда, опытомъ пріобрѣтенныхъ свѣдѣній въ распредѣленіи времени и рабочихъ силъ — предмета постояннаго вниманія хозяина, — онъ извлекалъ вѣрные доходы отъ продажи зерновыхъ хлѣбовъ, огородныхъ овощей, мѣстной породы рогатаго скота, овецъ, произведеній пчеловодства и другихъ предметовъ сельской промышленности. Этотъ почти всегда хорошій сбытъ хозяйственныхъ произведеній, эти обильныя вещественныя выгоды, многолѣтными трудами и бережливостію добытыя, не только обезпечивали семейное и общественное положеніе Антона, но доставили ему и способъ дать разумное, соотвѣтствующее современнымъ потребностямъ благороднаго класса людей, воспитаніе четыремъ его сыновьямъ: Ивану, Игнатію, Тимоѳею и Александру, изъ которыхъ первые трое получили надлежащее образованіе въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, а послѣдній — въ Императорской С. Петербургской Медико-Хирургической

Академіи, и потомъ всѣ четверо посвятили себя службѣ Царской, вступивъ на почетное поприще дѣловыхъ и медицинскихъ занятій

По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ отъ водворенія Антона Порай-Кошица въ радомыслъскомъ уѣздѣ, послѣдовалъ Указъ Правительствующаго Сената 25 Августа 1800 г. [1] о томъ, чтобы всѣ дворянскіе роды, утвердившіе свое благородное происхожденіе законными доказательствами, внесены были въ дворянскія родословныя книги. Антонъ, имѣвшій уже тогда отъ брака своего съ Ксеніею, урожденною Ганкевичъ (умер. въ 1851 г.), дѣтей мужескаго пола, обратился, на основаніи помянутаго указа, съ прошеніемъ въ Кіевское Дворянское Депутатское Собраніе, въ которомъ и состоялось 20 Сентября 1803 г. опредѣленіе, о внесеніи его Антона съ сыновьями Иваномъ и Игнатіемъ въ первую часть дворянской родословной книги, по силѣ ст. 77 и 92 пун. 12 Высочайше дарованной въ 21 день Апрѣля 1785 г. дворянству Россійской Имперіи грамоты [2]. Это опредѣленіе основано было на представленныхъ Антономъ свидѣтельствахъ о томъ, что онъ дѣйствительно есть законный сынъ выше упомянутаго Андрея и внукъ Ивана Порай-Кошицовъ, и на письменномъ удостовѣреніи предводителя дворянства радомыслъскаго уѣзда и двѣнадцати почетныхъ дворянъ кіевской губерніи, о несомнѣнности потомственнаго дворянства Антона Порай-Кошица. Другихъ же доказательствъ на это званіе не было требуемо единственно по гласности въ кіевской губерніи происхожденія Антона отъ такихъ его предковъ, которые издавна пользовались дворянскими правами, употребляли, на основаніи этихъ правъ, присвоенный роду ихъ дворянскій гербъ [3] и владѣли недвижимымъ, крестьянами насе-

[1] Пол. Собр. Зак. Рос. Имп. Т. XXIV № 19.531.

[2] Пол. Собр. Зак. Рос. Имп. Т. XXII № 16.187.

[3] Символъ этаго герба, какъ изложено выше (стр. 110), есть

леннымъ, имѣніемъ. Впослѣдствіи состоялись въ сказанномъ Депутатскомъ Собраніи опредѣленія: а) 25 Января и 23 Ноября 1829 г., о сопричисленіи къ роду Порай-Кошицовъ Тимоѳея и Александра, сыновей Антона; и б) 2 Октября 1835 г., о пріобщеніи къ хранящемуся въ томъ Собраніи дѣлу формулярнаго списка о службѣ перваго изъ сихъ лицъ, Тимоѳея.

Между тѣмъ, въ 20 день Апрѣля 1834 г. Высочайше утверждено было мнѣніе Государственнаго Совѣта [1], о производствѣ ревизіи дѣйствій Дворянскихъ Депутатскихъ Собраній для положительнаго опредѣленія дворянскихъ родовъ, съ цѣлію обнаружить, какіе роды или лица внесены въ родословную книгу правильно и какіе вопреки предписаннымъ Дворянскою Грамотою правиламъ, по злоупотребленію, упущеніямъ или неправильнымъ толкованіямъ закона. Учрежденная, во исполненіе сего Высочайшаго повелѣнія, Ревизіонная Коммиссія въ Кіевѣ, по разсмотрѣніи документовъ, представленныхъ Антономъ Порай-Кошицомъ

бѣлая пятилистная, въ полномъ цвѣту, роза, изображенная по красному полю на геральдическомъ щитѣ, съ окружающими его внѣшними аттрибутами, и повторенная надъ короною, вѣнчающею шлемъ. Онъ издревле употребляется членами стариннаго дворянскаго рода Порай-Кошицовъ; но въ виду нѣтъ положительныхъ свѣдѣній, на основаніи которыхъ, можно было бы съ точностію опредѣлить, по какому именно случаю сказанный гербъ присвоенъ былъ сей фамиліи. Принимая, однакожъ, въ соображеніе, что эмблема этого герба существовала уже въ Литвѣ съ X вѣка, можно думать, что родоначальникъ сей фамиліи или получилъ право на этотъ гербъ по родственнымъ, въ какой бы то ни было линіи и степени родства, отношеніямъ къ замѣчательной нѣкогда личности въ кругу литовскаго дворянства — Никифору Кощичу, обладавшему гербовымъ знакомъ — Розы, названнымъ Порай, или усвоилъ это гербовое отличіе, на основаніи коренныхъ, дѣйствовавшихъ въ Польшѣ и Литвѣ, учрежденій, по которымъ каждый дворянинъ долженъ былъ непремѣнно избрать для себя такой или другой гербъ изъ бывшихъ уже тамъ въ употребленіи, такъ какъ вообще придавалась гербамъ особенная важность въ сословіи дворянскомъ этихъ двухъ странъ (см. выше стр. 89).

[1] Пол. Собр. Зак. Рос. Имп. Т. IX № 7007.

въ Кіевское Дворянское Депутатское Собраніе въ 1803 г. о своемъ дворянствѣ, признала ихъ недостаточными, и посему журналомъ, состоявшимся 21 Января 1838 г., заключила: внесть родъ его въ списокъ лицъ, не имѣющихъ права на дворянство. Заключеніе это, вмѣстѣ съ дѣломъ, представлено было Коммиссіею, въ 1839 г., во временное присутствіе Герольдіи, отъ котораго послѣдовалъ по сему предмету Указъ Кіевскому Дворянскому Депутатскому Собранію отъ 25 Ноября 1843 г. № 5960, съ возвращеніемъ и самаго дѣла, для надлежащаго завѣренія вошедшихъ въ составъ онаго выписей изъ документовъ; но Указъ этотъ никому изъ фамиліи Порай-Кошицъ не былъ объявленъ.

Въ такомъ положеніи оставалось дѣло, о дворянствѣ рода Порай-Кошицовъ, до 1849 г., когда одинъ изъ сыновей Антона, умершаго въ 1836 г., Тимоѳей Порай-Кошицъ, глубоко сознававшій важность пріобрѣтенныхъ отдаленными его предками дворянскихъ правъ для происшедшихъ отъ нихъ потомковъ, возбудилъ вновь по сему предмету вопросъ. Находясь, съ 1835 г., на службѣ уѣзднымъ врачемъ въ г. Брацлавѣ (подольск. губер.), отстоящемъ въ 330 верстахъ отъ г. Овруча (волын губер.), въ уѣздѣ котораго находится деревня Выступовичи, бывшая во владѣніи его рода, Тимоѳей Порай-Кошицъ извлекъ въ 1849 и 1851 г. изъ древнихъ гродскихъ овручскихъ книгъ выписи весьма важныхъ, но забытыхъ документовъ, относящихся къ владѣнію предками его частію той деревни, и, сверхъ того, какъ его стараніемъ, такъ и заботливостію служившаго тогда въ С. Петербургѣ брата его, Ивана [1], собраны были и нѣкоторыя другія офиціальныя свѣдѣнія, необходимыя къ дѣлу о дворянствѣ ихъ рода.

Эти письменныя свидѣтельства, по своему содержанію,

[1] Автора настоящей книги подъ заглавіемъ: «Историческій разсказъ о литовскомъ дворянствѣ».

представляютъ акты двоякаго рода, именно: А) акты укрѣпленія имуществъ, и Б) акты состоянія.

А) Къ актамъ укрѣпленія имуществъ относятся: а) духовное завѣщаніе поручика Станислава Порай-Кошица, составленное 5 Февраля 1665 г., объ отказѣ родоваго недвижимаго его имѣнія, состоявшаго въ двухъ деревняхъ — Великомъ Селѣ и Выступовичахъ — сыну своему Криштофу; б) вводный актъ, составленный 20 Октября 1736 г., о вводѣ во владѣніе оставшеюся, по смерти Криштофа Порай-Кошица, частію деревни Выступовичъ, сына его Ивана и сына сего послѣдняго Андрея; в) продажная запись, совершенная 28 Сентября 1774 г. отъ имени Андрея и сына его Антона Порай-Кошицовъ на эту часть недвижимаго имѣнія, проданную Антону Вѣчфинскому [1]; и г) отзывъ Начальника Волынской Губерніи въ Подольское Дворянское Депутатское Собраніе отъ 28 Іюля 1849 г. № 26.270, удостовѣряющій въ томъ, что населенное крестьянами имѣніе Выступовичи, состоявшее бывшаго кіевскаго воеводства въ овручскомъ уѣздѣ, существуетъ и нынѣ волынской губерніи въ томъ же овручскомъ уѣздѣ.

и Б) Къ актамъ состоянія принадлежатъ: а) родословная или поколѣнная роспись, начинающаяся владѣльцемъ

[1] Названные здѣсь три судебные акта: духовное завѣщаніе, вводный актъ и продажная запись, какъ документы, имѣющіе характеръ неопровергаемыхъ доказательствъ, по которымъ родъ Порай-Кошицовъ признанъ въ дворянскомъ достоинствѣ, излагаются въ Прил. къ Отд. III, на стр. 155, 161 и 164 по порядку времени, въ полномъ своемъ объемѣ, въ русскомъ переводѣ съ польскаго языка, на которомъ они были написаны.— При этомъ надлежитъ замѣтить, что послѣ соединенія люблинскими договорами въ 1569 г. Польши и Литвы (см. выше стр. 30), въ особенности же по введеніи въ Литвѣ въ 1596 г. уніи (см. ниже стр. 143), языкъ русскій искаженъ въ сей послѣдней странѣ и въ общежитіи замѣненъ польскимъ; а потомъ, черезъ 100 лѣтъ, именно въ 1697 г., употребленіе его и въ судопроизводствѣ Великаго Княжества Литовскаго вовсе отмѣнено (Vol. leg. T. V. p. 862), вопреки сказаннымъ договорамъ, по силѣ которыхъ, языкъ русскій долженствовалъ оставаться въ немъ языкомъ офиціальнымъ (см. выше стр. 31).

Великаго Села и Выступовичъ, Иваномъ Порай-Кошицомъ, съ поименованіемъ происшедшихъ отъ него въ шести колѣнахъ, по прямой нисходящей линіи, мужескаго и женскаго пола лицъ [1]; б) метрическія свидѣтельства, выданныя Духовными Консисторіями: Кіевскою, о рожденіи отъ Антона Андреева Порай-Кошица и Ксеніи, законныхъ супруговъ, Іоанна [2] 30 Апрѣля 1800 г., Игнатія 5 Іюня 1803 г. Тимоѳея 21 Января 1805 г. и Александра 31 Мая 1812 г.; С. Петербургскою, о рожденіи отъ Ивана Антонова и Надежды, законныхъ супруговъ, Николая 14 Іюля 1837 г., Александра 23 Февраля 1841 г. и Петра 3 Ноября 1842 г.; Кіевскою, о рожденіи отъ Игнатія Антонова и Маріи, законныхъ супруговъ, Василія 29 Декабря 1839 г.; и Подольскою, о рожденіи отъ Тимоѳея Антонова и Софіи, законныхъ супруговъ, Іосифа 15 Января 1838 г. и Александра 19 Сентября 1841 г.; в) засвидѣтельствованныя копіи съ формулярныхъ списковъ, выданныя нижеслѣдующими Россійскими Учрежденіями: Почтовымъ Департаментомъ, 12 Апрѣля 1852 г., о службѣ старшаго начальника стола сего Департамента Коллежскаго Совѣтника и Кавалера Ордена Св. Анны 3 степени Ивана Антонова сына Порай-Кошица [3] съ прописаніемъ проходимой имъ

---

[1] Эта родословная показана въ Прил. къ Отд. III. на стр. 167.

[2] Крестное имя Іоаннъ замѣнено въ русскомъ языкѣ именемъ Иванъ единственно отъ частаго употребленія, по одному лишь издревле укоренившемуся обычаю. Отъ этой же причины измѣнились и многія другія собственныя имена. Такъ, напримѣръ, употребляютъ въ русскомъ языкѣ Абрамъ вмѣсто Авраамъ, Егоръ вмѣсто Георгій, Аксинья вмѣсто Ксенія; въ другихъ же собственныхъ именахъ перемѣнены только окончанія, и посему говорятъ и пишутъ: Антонъ вмѣсто Антоній, Михайла вмѣсто Михаилъ и т. п. (Рус. Грам. Греча, стр. 139. 140).

[3] Высочайшимъ Указомъ, даннымъ Капитулу Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ орденовъ въ 16 день Апрѣля 1855 г., Всемилостивѣйше пожалованъ онъ Иванъ Порай-Кошицъ Кавалеромъ Ордена Св. Анны 2-й степени.

службы и полученныхъ за усердную службу наградъ, равно и того, что онъ женатъ на дочери 5 класса Маркова Надеждѣ Александровой, и у нихъ дѣти: Николай [1], Александръ [2], Петръ [3] и дочь Вѣра, родившаяся 14 Января 1839 г.; Кіевскимъ Приказомъ Общественнаго Призрѣнія, 29 Февраля 1840 г., о службѣ непремѣннаго его члена Титулярнаго Совѣтника Игнатія Антонова сына Порай-Кошица [4], съ прописаніемъ проходимой службы и полученныхъ за усердную службу наградъ, равно и того, что онъ вдовъ, имѣетъ сына Василія [5]; Подольскою Врачебною Управою, 6 Мая 1852 г, о службѣ Брацлавскаго Уѣзднаго Врача, Доктора Медицины, Надворнаго Совѣтника и Кавалера Ордена Св. Анны 3 степени Тимоѳея Антонова сына Порай-Кошица, съ прописаніемъ проходимой службы и полученныхъ за усердную службу наградъ, равно и того, что онъ женатъ на Софіи Хржановской, и у нихъ дѣти: Іосифъ, Александръ и дочь Елена, родившаяся 8 Января 1840 г.; и Медицинскимъ Департаментомъ Военнаго Министерства, 17 Апрѣля 1852 г., о службѣ старшаго лекаря Кирасирскаго Военнаго Ордена Полка, Надворнаго Совѣтника Александра Антонова сына Порай-Кошица, съ прописаніемъ проходимой службы и полученныхъ наградъ за усердную службу, равно и того, что онъ женатъ на

[1] Въ 1858 г. былъ Императорскаго С. Петербургскаго Университета студентомъ IV курса разряда камеральныхъ наукъ.

[2] Александръ умеръ въ С. Петербургѣ, на 12-мъ году отъ рожденія, въ домѣ своихъ родителей.

[3] Въ 1858 г. былъ Новгородскаго Графа Аракчеева Кадетскаго Корпуса кадетомъ.

[4] Впослѣдствіи онъ переведенъ былъ тѣмъ же званіемъ въ Минскій Приказъ Общественнаго Призрѣнія.

[5] Василій умеръ на 17-мъ году отъ рожденія Подольской губерніи въ Немировской Гимназіи, гдѣ онъ воспитывался. Отецъ его, Игнатій Порай-Кошицъ, отъ втораго брака съ Аделаидою, урожденною Краинскою, имѣлъ сына Владиміра, родившагося 14 Января 1843 г. Въ 1858 г. Владиміръ былъ воспитанникомъ Первой С. Петербургской Гимназіи.

дочери маіора Равичъ-Барановскаго Раисѣ Рафаиловой, имѣетъ сына Евгенія, родившагося 6 Сентября 1851 г.; и г) отношеніе Брацлавскаго Уѣзднаго Предводителя дворянства въ Подольское Дворянское Депутатское Собраніе отъ 24 Ноября 1849 г. № 1572 о томъ, что фамилія Порай-Кошицовъ дѣйствительно происходитъ отъ дворянъ, — принадлежащія къ ней лица: Иванъ [1], Игнатій съ сыномъ Василіемъ, Тимоѳей съ сыновьями Іосифомъ и Александромъ, сыновья Антона, Порай-Кошицы, какъ и предки ихъ, въ подушномъ окладѣ не состояли и не состоятъ, но всегда пользовались дворянскимъ званіемъ, признаны въ немъ Кіевскимъ Дворянскимъ Собраніемъ и правъ того званія силою закона никто лишенъ не былъ, и изъ нихъ Титулярный Совѣтникъ Игнатій Порай-Кошицъ умеръ [2], а Иванъ, Тимоѳей и Александръ [3] Порай-Кошицы состоятъ на службѣ въ штабъ-офицерскихъ чинахъ.

Изъ этихъ лицъ, Тимоѳей Порай-Кошицъ, получившій уже, какъ выше сказано, въ Подольской Губерніи осѣдлость съ 1835 г., въ поданныхъ 6 Іюля и 1 Декабря 1849 г. отъ имени своего въ Подольское Дворянское Депутатское Собраніе прошеніяхъ, сопровождавшихся нѣкоторыми изъ вышепоказанныхъ документами, какъ-то: вводнымъ актомъ, продажною записью, метрическими свидѣтельствами

[1] Сыновья Ивана — Николай, Александръ и Петръ — не поименованы въ этомъ отношеніи Предводителемъ Дворянства, потому что метрическія объ нихъ свидѣтельства и копія съ формулярнаго списка о службѣ отца ихъ, представленныя прямо въ Подольское Дворянское Депутатское Собраніе, не были въ виду сказаннаго Предводителя Дворянства.

[2] 2 Августа 1842 г., на 40-мъ году отъ рожденія, и преданъ землѣ въ гор. Минскѣ, по обряду православной церкви, на Переспинскихъ Кладбищахъ.

[3] Умеръ 19 Апрѣля 1855 г., на 42 г. отъ рожденія, таврической губерніи въ г. Перекопѣ на службѣ въ званіи Старшаго Лекаря въ Новоархангельскомъ Уланскомъ Полку, находившемся въ то время въ Крыму, по случаю военныхъ дѣйствій съ Французами, Англичанами, Сардинцами и Турками (1854—1856).

о рожденіи сыновей своихъ Іосифа и Александра и племянника Василія, изъявилъ желаніе быть записаннымъ со всѣми членами его рода въ дворянскую родословную книгу Подольской Губерніи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, указавъ на хранившееся въ Кіевскомъ Дворянскомъ Депутатскомъ Собраніи, возвращенное въ 1843 г. изъ Герольдіи, относительно дворянскаго происхожденія рода его, дѣло, въ составъ котораго вошли документы, окончательно еще не разрѣшенные, просилъ, по вытребованіи этаго дѣла, разсмотрѣть его съ собранными вновь и представленными имъ актами, а также съ прочими документами, которые, по сношеніи съ кѣмъ слѣдуетъ, получатся въ Депутатскомъ Собраніи, и сдѣлать надлежащее, согласно съ существующими законами, постановленіе.

Эта просьба послужила поводомъ къ сношеніямъ по сему предмету съ нѣкоторыми правительственными лицами, а также съ Кіевскимъ Депутатскимъ Собраніемъ, которое, при отзывѣ своемъ отъ 10 Ноября 1849 г. № 2,897, препроводило въ Подольское Депутатское Собраніе означенное дѣло, а въ слѣдъ за симъ доставило и дополнительное увѣдомленіе, отъ 25 Января 1850 г. № 114, о томъ, что ни выше приведенное заключеніе Кіевской Ревизіонной Коммиссіи, состоявшееся 21 Января 1838 г. по дѣлу о дворянствѣ рода Порай-Кошицовъ, ни послѣдовавшій по сему заключенію указъ Временнаго Присутствія Герольдіи Кіевскому Депутатскому Собранію отъ 25 Ноября 1843 г. № 5,960 [1], никому изъ рода сего не были объявлены.

За тѣмъ Подольское Дворянское Депутатское Собраніе, разсмотрѣвъ помянутое дѣло, а также собранныя и представленныя вновь, въ теченіе 1849, 1850, 1851 и 1852 г., неопровержимыя метрическія, судебныя и служебныя свидѣтельства, имѣющія значеніе положительныхъ доказа-

---

[1] См. выше стр. 121.

тельствъ о дворянскомъ происхожденіи рода Порай-Кошицовъ, постановленіями, состоявшимися въ оном 26 Марта и 30 Мая 1852 г., на основаніи Свод. Зак., изд. 1842 г., Т. IX. ст. 51, и 57, прим. къ послѣдней ст. въ VII Прод., прим. къ 232 ст. въ VI Прод., и ст. 1479, опредѣлило: имена дворянъ: Іоанна съ сыновьями Николаемъ, Александромъ и Петромъ, Тимоѳея съ сыновьями Іосифомъ и Александромъ, и Александра, сыновей Антона, внуковъ Андрея, правнуковъ Ивана, праправнуковъ Криштофа, прапраправнуковъ Станислава, прапрапраправнуковъ Ивана, и роднаго ихъ племянника Василія, сына Игнатія, внука Антона, герба Порай-Кошицовъ, записать въ *шестую часть дворянской родословной книги;* а самые документы съ копіями съ постановленій сего и Кіевскаго Собраній представить въ Правительствующій Сенатъ по Департаменту Герольдіи, и въ разрѣшеніе просить Указа.—Каковое опредѣленіе и приведено въ исполненіе 17 Іюня 1852 г. № 242.

Въ слѣдствіе сего, Указомъ Правительствующаго Сената отъ 15 Сентября 1852 г. № 8106, съ обращеніемъ подлинныхъ документовъ, дано знать Подольскому Дворянскому Депутатскому Собранію, что Правительствующій Сенатъ, разсмотрѣвъ документы, по коимъ Дворянскія Депутатскія Собранія опредѣленіями — Кіевское 1803 г. Сентября 20, 1829 г. Января 25 и Ноября 23, 1835 г. Октября 2, и Подольское 1852 г. Марта 26 и Мая 30, — признали Порай-Кошицовъ въ дворянствѣ и внесли въ шестую часть родословной книги, находитъ: 1) Предокъ рода сего Станиславъ, сынъ его Криштофъ, внукъ Иванъ и правнукъ Андрей владѣли, съ 1665 г., недвижимымъ съ крестьянами имѣніемъ—частію села Выступовичъ—которое въ 1774 г. послѣднимъ, отъ имени своего и сына Антона, продано Вѣчфинскому. 2) О дѣйствительности существованія сего имѣнія удостовѣрилъ Волынскій Гражданскій Губернаторъ. 3) Происхожденіе отъ означеннаго

Антона сыновей: Іоанна (коллеж. совѣт.), Игнатія (тит. сов.), Тимоѳея (докт. медиц.) и Александра (надв. сов.), и внуковъ: Николая, Александра и Петра Іоанновыхъ, Василія Игнатьева, Іосифа и Александра Тимоѳеевыхъ, сыновей Порай-Кошицовъ, доказывается метриками [1], завѣренными Кіевскою, Подольскою и С. Петербургскою Духовными Консисторіями, а о службѣ формулярными списками. 4) По удостовѣренію Брацлавскаго Уѣзднаго Предводителя Дворянства 1849 г., Порай-Кошицы въ подушномъ окладѣ не состояли и правъ дворянства силою закона лишены не были. 5) Документы о дворянствѣ Порай-Кошицовъ представлены въ установленный законами срокъ. А посему Правительствующій Сенатъ, руководствуясь Свод. Зак. Т. IX (изд. 1842 г.) ст. 54, 57, примѣч. къ ней въ VII Продолж., примѣч. къ 232 ст. въ VI Продолж. и ст. 1479 [1], опредѣляетъ: постановленія Кіевскаго и Подольскаго Дворянскихъ Депутатскихъ Собраній, о признаніи въ потомственномъ дворянствѣ и о внесеніи въ *шестую часть родословной книги* вышепрописанныхъ лицъ рода Порай-Кошицовъ, утвердить.

По полученіи сего Указа въ Подольскомъ Дворянскомъ Депутатскомъ Собраніи, напечатано было 22 Ноября 1852 г. въ № 47 Подольскихъ Губернскихъ Вѣдомостей объявленіе, которымъ дано знать градскимъ и земскимъ полиціямъ подольской губерніи и сообщено въ губернскія и областныя правленія и правительства, что всѣ выше поимено-

---

[1] По-русски метрикою называютъ узаконенные списки о раждающихся, умирающихъ и вступающихъ въ бракъ, а въ тѣснѣйшемъ смыслѣ — приходскую книгу. Приходскія же книги, въ которыя вносятся эти главнѣйшіе моменты человѣческой жизни — рожденіе, смерть и бракъ — учреждены въ 1772 и 1724 г. при Петрѣ Великомъ (Пол. Собр. Зак. Росс. Имп. Т. VI № 4.022 и Т. VII № 4.480).

[2] Выписка указанныхъ здѣсь статей изъ Свод. Зак. Т. IX. изд. 1842 г., и послѣдовавшихъ къ нему VI и VII Продолженій, изложена въ Приложеніяхъ къ Отдѣлу III сей книги на стр. 169.

ванныя лица рода Порай-Кошицовъ Департаментомъ Герольдіи Правительствующаго Сената утверждены въ дворянскомъ достоинствѣ.

Примѣчаніе. Всѣ изложенныя свѣдѣнія, о ходѣ дѣла по признанію въ потомственномъ дворянствѣ рода Порай-Кошицовъ (стр. 119—129), взяты мною изъ вышеприведенныхъ двухъ опредѣленій Подольскаго Дворянскаго Депутатскаго Собранія, состоявшихся 26 Марта и 30 Мая 1852 г., и изъ Указа Правительствующаго Сената отъ 15 Сентября того же года № 8106. Засвидѣтельствованныя копіи съ этихъ трехъ документовъ выданы Надворному Совѣтнику Тимоѳею Антонову Порай-Кошицу, по его прошенію, изъ Подольскаго Дворянскаго Депутатскаго Собранія 20 Декабря 1852 г. за №№: 5754, 5755 и 5756.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

о тождествѣ фамилій, пишущихся словами — Кощичъ или Кощицъ и Кошицъ — герба Порай.

1. Тождество фамильныхъ словъ — Кощичъ или Кощицъ и Кошицъ, — выказывающееся при сличеніи выговора буквъ, которыми они выражаются на латинскомъ, польскомъ и русскомъ языкахъ.

Языкъ латинскій, служившій встарину орудіемъ сообщенія и пониманія между разноязычными странами, былъ господствующимъ письменнымъ языкомъ въ древней Польшѣ, со времени появленія въ ней, въ 965 г., христіанской

религіи до 1550 г. [1] Но, по системѣ произношенія латинскихъ словъ, нельзя передать вполнѣ, съ буквальною точностію, звука словъ польскаго языка. Чтобъ выразить, наприм., написанное по-русски слово Кошицъ созвучными буквами латинскими, надобно писать его **Koschitz**. Очевидно, что въ составъ этаго изображеннаго латинскими буквами слова вошли, между прочимъ, сложныя согласныя буквы **sch** и **tz**. Сочетаніе первыхъ трехъ буквъ употреблялось для выраженія звука, издаваемаго польскими буквами **sz** и **szcz**, или буквами русскими — *ш* и *щ*; а сочетаніе послѣднихъ двухъ буквъ **tz** употреблялось тамъ, гдѣ въ выговорѣ слышимо было произношеніе польской буквы *c* или русской *ц*. Подобное выраженіе по-латыни собственныхъ именъ и мѣстныхъ названій, принадлежащихъ фамиліямъ, городамъ, крѣпостямъ, можно видѣть въ книгахъ и въ разныхъ офиціальныхъ бумагахъ. Въ сочиненіи Коцебу, подъ заглавіемъ: «Свидригайло великій князь литовскій, 1835 г.» напечатанъ на латинскомъ языкѣ, съ переводомъ на русскій, списокъ городовъ и земель, принадлежавшихъ сему государю въ 1432 г., и въ этомъ спискѣ города — Завще, Полонецъ, Летицовъ, а также крѣпость Рша (вѣроятно нынѣшняя Орша) написаны по-латыни **Zawsche**, **Polonec**, **Letyzow**, **Rscha**. Судя по этимъ примѣрамъ, ясно, что и написанное по-латыни слово **Koschitz**, при необходимости выразить его польскимъ или русскимъ словомъ, могло быть написано по-польски **Koszczycz** и **Koszyc**, а по-русски Кощичъ и Кошицъ. Въ первомъ случаѣ соединеніе латинскихъ согласныхъ буквъ *sch* сочтено соотвѣтствующимъ по своему звуку сочетанію польскихъ буквъ *szcz*, а русской — *щ*; а въ послѣднемъ — латинскія буквы *sch* приняты за однозвучныя польскимъ буквамъ *sz* и русской *ш*. Тоже можно ска-

[1] Устрял. Ч. I. стр. 299. — Павлищ. стр. 103. 116.

зать о латинскихъ буквахъ tz, которыми обозначено окончаніе слова Koschitz. Эти двѣ согласныя буквы *tz*, выговоренныя съ легкимъ или слабымъ нажатіемъ языка, соотвѣтствуютъ польской буквѣ *c* или русской *ц*; если же буквы *tz* произносятся съ бо́льшимъ нажатіемъ или съ болѣе твердымъ напряженіемъ языка, то производятъ звукъ на польскомъ языкѣ *cz*, а на русскомъ — *ч*. Вотъ почему одна и та же фамилія писалась различно въ послѣднемъ слогѣ, именно: Кощичъ и Кошицъ. По невозможности вѣрно выразить настоящій, дѣйствительный звукъ или выговоръ именъ собственныхъ, изображенныхъ польскими и русскими азбучными знаками, посредствомъ сочетанія буквъ латинскихъ, произошло неумышленное искаженіе писавшихся по-латыни фамилій, причинившее сбивчивость и недоразумѣніе, во вредъ ясности и точности фамильнаго названія.

Справедливость такого вывода, основаннаго на сличеніи звуковъ въ произношеніи буквъ на языкѣ латинскомъ, польскомъ и русскомъ, подтверждается единогласнымъ свидѣтельствомъ Нѣсецкаго и Дунчевскаго. Первый изъ нихъ замѣчаетъ, что ни въ одной странѣ европейской не было такого непостоянства въ прозваніяхъ однихъ и тѣхъ же дворянскихъ родовъ, какъ въ бывшихъ владѣніяхъ польскихъ. Уклоненіе отъ строгаго соблюденія однажды принятой орѳографіи при выраженіи многихъ прозваній, надлежитъ, по мнѣнію Нѣсецкаго, приписать единственно непостоянному обычаю, легкомыслію и чрезмѣрной небрежности въ произношеніи и писаніи фамилій. Произвольное искаженіе фамилій произношеніемъ и описками терпимо было безотчетно не только въ среднемъ дворянскомъ кругу, но и между многими лицами, принадлежавшими къ высшему дворянству, и этими описками и неправильностями, вставленными въ собственныя фамильныя имена, щедро надѣлили польскія и литовскія генеалогіи

перепищики частныхъ и офиціальныхъ бумагъ, принимавшіеся за дѣло, вѣроятно, съ самыми скудными знаніями обыкновенной грамоты, т. е. чтенія и письма [1]. Дунчевскій утверждаетъ также, что многія дворянскія фамиліи писались и печатались ошибочно, смотря по тому, на какомъ языкѣ, польскомъ или латинскомъ, передавались авторами свѣдѣнія о такой или другой фамиліи. Поэтому-то въ гербовникахъ встрѣчаются однѣ и тѣже фамиліи, написанныя по разнымъ орѳографіямъ; такъ, наприм., фамилій, написанныя Нѣсецкимъ по-польски — Krasinski, Choinski, Laski, выражены Окольскимъ полатыни Crasinius, Chonius, Lascus. Въ заключеніе Дунчевскій, указавъ на эти неправильности, весьма справедливо замѣчаетъ, что если таковое умышленное или неумышленное искаженіе фамилій, которому слабо противодѣйствовали въ свое время носившія ихъ лица, оставляя съ своей стороны неисправленными поврежденныя рѣченія, выражавшія ихъ фамилію, не имѣло для нихъ вредныхъ послѣдствій, — то могло возбудить справедливое негодованіе между потомками ихъ въ томъ отношеніи, что они встрѣчали важныя затрудненія доказать, въ случаѣ надобности, свое происхожденіе отъ предковъ по причинѣ изковерканнаго правописанія фамилій, или измѣненій въ рѣченіи, выражавшемъ фамилію, — измѣненій, допущенныхъ не только въ генеалогическихъ трудахъ, но и въ судебныхъ сдѣлкахъ [2].

Во второй половинѣ XVI столѣтія, въ блистательный вѣкъ Сигизмунда Августа (1544—1572), возникло быстрое развитіе польской литературы. Онъ любилъ языкъ польскій и сдѣлалъ его господствующимъ въ Литвѣ, а люди даровитые и ученые, въ которыхъ не было тогда не-

---

[1] Niesiec. T. I. p. 576.

[2] Dunczew. Введеніе къ его гербовнику.

достатка по каждой части наукъ, начали писать на польскомъ языкѣ уставы, обработывать на немъ же разныя отрасли знаній, и такими своими трудами совершенствовали польскій языкъ, который поэтому сталъ уже брать перевѣсъ не только надъ русскимъ языкомъ въ Литвѣ, но и надъ латинскимъ — въ Польшѣ. Очищенный отъ вліянія латинства, этотъ языкъ доставилъ средство выражать съ удобностію на письмѣ и собственныя имена точно такъ, какъ они произносились въ устахъ, въ живой рѣчи народа. Около этаго времени упоминается въ офиціальныхъ бумагахъ о дворянской фамиліи, выраженной по-польски Koszyc, а по-русски Кошицъ, и донынѣ существующей подъ этимъ именемъ въ ея начальномъ, неискаженномъ видѣ. Обыкновеннымъ, ближайшимъ слѣдствіемъ заботливости, о правильномъ выраженіи собственныхъ именъ, было то, что эта фамилія впервые встрѣчается написанною, согласно съ изустнымъ ея произношеніемъ, и въ Собраніи Польскихъ и Литовскихъ Законовъ (Volum. Leg.), въ актахъ котораго значится она по тому случаю, что одинъ изъ членовъ ея, Криштофъ Кошицъ (Koszyc), въ качествѣ представителя дворянъ трокскаго воеводства, участвовалъ, въ Іюнѣ 1697 г., на избирательномъ сеймѣ, объявившемъ Августа II Королемъ Польскимъ и Великимъ Княземъ Литовскимъ. [1]

2) *Свѣдѣнія о тождествѣ фамильныхъ словъ — Кощичъ или Кощицъ и Кошицъ, — заимствованныя изъ свидѣтельствъ генеалогическихъ писателей и судебныхъ актовъ о лицахъ, носившихъ эти названія.*

Въ сочиненіяхъ замѣчательнѣйшихъ генеалоговъ и въ судебныхъ актахъ находятся такія данныя, на основаніи которыхъ слѣдуетъ допустить, что прозванія Кощичъ или

---

[1] См. выше стр. 115.

Кощицъ и Кошицъ не различны, а сходны, вполнѣ равнозначащи и тождественны между собою, и относятся къ одному и тому же роду. Фамиліи, выраженныя этими тремя словами, по свидѣтельству Нѣсецкаго [1], Дунчевскаго [2] и графа Куропатницкаго [3], употребляли одинаковый гербовый знакъ — Порай. Совершившіяся въ Польшѣ и Литвѣ, въ отношеніи дворянскихъ гербовыхъ знаковъ, событія, выражаютъ ту практическую мысль, что гербъ, присвоенный членамъ какой либо дворянской фамиліи въ сихъ странахъ, или указывалъ на происхожденіе ихъ отъ одного общаго предка, отъ одной крови, на однородность [4], или обозначалъ только простое, безъ всякой родственной связи, сопричисленіе ихъ къ гербу тѣхъ дворянскихъ родовъ, которые гораздо прежде отличались имъ, т. е. одногербовность [5]. Это сопричисленіе къ гербамъ издревле освящено было глубоко и сильно укоренившимся въ Польшѣ обычаемъ, перешедшимъ, со времени городельскаго съѣзда (1413 г.), и въ литовскія владѣнія — къ тамошнему дворянству [6]. — При внимательномъ разсмотрѣніи Собранія Польскихъ и Литовскихъ Законовъ (Vol. Leg.), равно сочиненій древнихъ генеалогическихъ писателей и бывшихъ у меня подъ рукою офиціальныхъ бумагъ, я не могъ открыть ни постановленія, ни достовѣрнаго документа, о томъ, чтобы родовой гербъ Порай, употребляемый фамиліею Кошицъ, имѣвшею осѣдлость преимущественно въ литовскихъ воеводствахъ, былъ пожалованъ ей на городельскомъ съѣздѣ [7], или же былъ бы принятъ ею,

---

[1] Niesiec. T. VII. p. 321.
[2] Dunczew. T. II. p. 172. 184.
[3] Kuropatn. T. II. p. 51.
[4] Dunczew. введеніе. Kuropatnic введеніе.
[5] Dunczew. введеніе.
[6] См. выше стр. 89.
[7] Въ числѣ дарованныхъ на городельскомъ съѣздѣ литовскому дворянству 56 гербовъ (arma), на принятіе которыхъ послѣдовало

впослѣдствіи, на основаніи помянутаго стариннаго обычая, перешедшаго изъ Польши въ Литву. Отсутствіе такого положительнаго указанія утверждаетъ меня въ той мысли, что поколѣнія дворянъ, носящихъ прозваніе Кошицъ, надлежитъ считать однородными тѣмъ поколѣніямъ, которыя писались прозваніями Кощичъ и Кощицъ. Притомъ же, всѣ лица, обозначенныя въ постановленіяхъ и разныхъ документахъ этими тремя прозваніями, по древности благороднаго своего происхожденія, основаннаго на томъ, что ихъ вовсе нѣтъ въ актахъ, которыми съ 1601 г. [1] утверждалось пожалованіе туземцевъ и иностранцевъ въ дворянство и дѣлалось гласнымъ чрезъ внесеніе именъ ихъ въ Собраніе Законовъ (Vol. leg), всѣ тѣ, повторяю, лица подъ фамильными именами Кощичъ или Кощицъ и Кошицъ, по безпрерывному владѣнію дворянскими родовыми имѣніями, по образу жизни, связямъ и оказаннымъ отечеству заслугамъ, становятся извѣстными въ бывшихъ польскихъ и литовскихъ областяхъ нѣкоторыя въ исходѣ XIV и въ началѣ XV, другія въ половинѣ, а иныя въ исходѣ XVI столѣтій. — Если бы эти лица не составляли отрасли, происшедшей отъ Никифора Кощича, изъ Косцина, если бы члены фамиліи, по прозванію Кошицъ, имѣли родоначальника древнѣйшаго инаго, а не его Никифора, то, по гласности носимой сими послѣдними фамиліи, писатели генеалогическіе — Папроцкій, Окольскій, Нѣсецкій, Дунчевскій, — какъ современники того періода времени, когда она сдѣлалась извѣстною подъ именемъ герба Порай-Кошицъ [2], не пре-

---

соизволеніе Великаго Князя Литовскаго Витовта (Vol. leg. T. I. p. 66. 70), значится и гербъ Порай; но онъ пожалованъ былъ тогда лишь только одному дворянину Николаю Билимину (Paprоc. p. 672. Bielsk. p. 271. Kuropatn. T. I. p. 77.)

[1] См. выше стр. 36.

[2] Бандтке въ своей исторіи государства польскаго свидѣтельствуетъ (T. II. стр. 140. 266. 459), что поименованные здѣсь генеалогическіе писатели прославились своими трудами: Варѳоломей Папроцкій при

мину ли бы прямо изложить родословную этой фамиліи въ возможной подробности или, по крайней мѣрѣ, намекнуть объ ней въ краткихъ выраженіяхъ, какъ сдѣлано это ими при исчисленіи многихъ другихъ, даже малоизвѣстныхъ по названію, дворянскихъ фамилій. Молчаніе, въ этомъ отношеніи, означенныхъ генеалоговъ, въ особенности Дунчевскаго, желавшаго быть всегда точнымъ въ описаніи дворянскихъ фамилій [1], молчаніе, принятое ими не безъ основанія, приводитъ къ заключенію, что прозванія—Кощичъ или Кощицъ и Кошицъ — считались ими, по всей вѣроятности, прозваніями однозначащими, тождественными.

и 3) *Свѣдѣнія о тождествѣ фамильныхъ словъ—Кощичъ или Кощицъ и Кошицъ, перешедшія, по преданію, отъ предковъ къ потомкамъ.*

Затѣмъ обращаюсь къ изложенію довода, поясняющаго тождество прозваній — Кощичъ или Кощицъ, и Кошицъ, — именно: къ фамильному устному преданію. Покойный мой родитель, Антонъ, припоминалъ не разъ въ кругу своего семейства, гдѣ проведены мною младенчество и первая юность, дошедшее до него наслѣдственное преданіе, что носимая имъ фамилія Кошицъ герба Порай встарину писалась Кощицъ, и, основываясь на томъ же, въ фамильной памяти живущемъ преданіи, утверждалъ, что

Сигизмундѣ Августѣ (1544—1572), Симонъ Окольскій при Владиславѣ IV (1632—1648), Каспаръ Нѣсецкій и Іосифъ Дунчевскій при Августѣ III (1733—1763). Офиціальные же акты показываютъ, что лица, именующіяся фамиліею герба Порай-Кошицъ, жили: родоначальникъ ихъ Иванъ во второй половинѣ XVI вѣка, сынъ его Станиславъ, умершій въ 1665 г., въ первой, а сынъ сего послѣдняго, Криштофъ, скончавшійся въ 1710 г., во второй половинѣ XVII вѣка, а наконецъ Криштофовъ сынъ Иванъ, умершій въ 1763 г., — въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Слѣдовательно, изъ этихъ лицъ, были современниками: Папроцкому родоначальникъ Иванъ, Окольскому — Станиславъ и Криштофъ, Нѣсецкому и Дунчевскому — Иванъ, сынъ Криштофа.

[1] Kuropaln. введеніе его стр. 12.

было-бы гораздо правильнѣе выражать эту фамилію словомъ Косцицъ. Такая мысль моего покойнаго родителя дѣйствительно подтверждается и тѣми данными, которыя обнаружены уже до нѣкоторой степени въ предъидущемъ моемъ изложеніи [1]. — Фамильное имя Кошицъ, на первый взглядъ, кажется непонятнымъ, потому что слово сіе, не имѣя никакого, въ этимологическомъ отношеніи, значенія на языкѣ русскомъ, не выражаетъ ни одного изъ тѣхъ предметовъ житейскаго быта и природы, которые послужили къ особенному прозванію людей, т. е. оно не выражаетъ ни крестнаго имени, ни физическаго явленія, ни особеннаго отличительнаго нравственнаго качества, врожденной склонности или недостатка, и ни одной какой нибудь изъ видимыхъ, окружающихъ человѣка, вещей. Единственная замѣтка, сдѣланная профессоромъ Дунчевскимъ въ гербовникѣ его, служитъ ключемъ, отверзающимъ до нѣкоторой степени путь къ поясненію первобытнаго названія означенной фамиліи: онъ коротко и ясно говоритъ, что глава сей фамиліи Никифоръ, жившій въ XIV вѣкѣ, былъ владѣльцемъ Косцина (такъ называлось его помѣстье въ Савоіи), по имени котораго самъ онъ получилъ фамилію Кощичъ или Кощицъ [2]. При всемъ моемъ уваженіи къ истинѣ этого, приведеннаго Дунчевскимъ, объяснительнаго о фамильномъ имени свидѣтельства, не могу, однако, не замѣтить, что оно не разрѣшаетъ еще одного загадочнаго обстоятельства, именно: почему самъ Никифоръ и его потомки не усвоили себѣ съ буквальною точностію названія, взятаго отъ сказаннаго помѣстья, и такимъ образомъ, почему члены сего дома, потомки Косцинскаго помѣщика, не именуются фамиліею Косцинъ или же Косцицъ? Такой вопросъ, трудно разрѣшаемый, отчасти разъясняется ге-

---

[1] См. выше стр. 111—114.

[2] См. выше стр. 112. 113.

неалогомъ, графомъ Куропатницкимъ. — Этотъ мыслящій, обладающій дарованіями и познаніями, писатель, въ сочиненіи своемъ о дворянствѣ бывшаго королевства польскаго и великаго княжества литовскаго, — сочиненіи не большомъ по объему, но въ высокой степени любопытномъ и поучительномъ по своему содержанію, указавъ на различныя причины, отъ которыхъ происходили или совершенныя измѣненія прозваній въ дворянскихъ фамиліяхъ, или искаженія въ устномъ ихъ произношеніи и въ выраженіи письменномъ или печатномъ, вмѣстѣ съ тѣмъ сознается, что, при всемъ его тщательномъ и долгомъ изысканіи, неутомимомъ трудѣ и внимательномъ разсмотрѣніи всѣхъ бывшихъ въ рукахъ его матеріаловъ, онъ не могъ открыть никакого положительнаго довода на счетъ того, чтобъ эти перемѣны въ прозваніяхъ совершались на основаніи какого нибудь опредѣлительнаго закона, или же по повелѣніямъ царствовавшихъ государей, а убѣдился только въ томъ, что каждый дворянинъ, измѣнявшій свою фамилію или принимавшій, вмѣсто оной, другую, дѣлалъ это по обстоятельствамъ и по доброй своей волѣ [1].

Достовѣрно, однакожъ, что всѣ почти члены дворянскаго рода, въ которомъ употреблялись прозванія—Кощичъ или Кощицъ и Кошицъ, — были старожилы литовскіе, коренные жители литовско-русской земли, какъ показываютъ это свидѣтельства вышеприведенныхъ писателей, судебные акты и самое окончаніе сего фамильнаго имени: у природныхъ литовцевъ нельзя найти настоящихъ, древнихъ фамилій, кончащихся на *скій*, т. е. польскихъ, а почти всѣ онѣ имѣютъ иное окончаніе, какъ-то: Радзивилъ, Сангусковицъ, Капуста, Копецъ, Грессовицъ и многія другія [2]. Нынѣ члены помянутаго рода именуются и подписываются

---

[1] Куропат. Т. I. p. 13—17.
[2] Vol. leg. Т. II. p. 645—770.

прозваніемъ Порай-Кошицъ; прочихъ же двухъ прозваній — Кощичъ или Кощицъ — въ настоящее время не слышно, и, сколько мнѣ извѣстно изъ личныхъ объясненій съ нѣкоторыми, имѣющими осѣдлость въ литовскомъ краѣ, дворянами, отрасли фамиліи подъ этими двумя наименованіями прекратились; по крайней мѣрѣ, этихъ двухъ послѣднихъ прозваній нѣтъ ни въ алфавитныхъ указателяхъ фамилій, содержащихся въ адресъ-календаряхъ, издаваемыхъ ежегодно въ Россійской Имперіи и въ Царствѣ Польскомъ и заключающихъ въ себѣ составъ чиновъ и лицъ придворнаго, гражданскаго и военнаго вѣдомствъ, ни въ Высочайше утвержденномъ гербовникѣ дворянскихъ родовъ сего Царства, изданномъ въ 1853 г.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

о племенномъ происхожденіи и вѣроисповѣданіи членовъ фамиліи Порай-Кошицъ.

1. Указаніе на факты, разрѣшающіе вопросъ, о племенномъ происхожденіи членовъ фамиліи Порай-Кошицъ.

Всѣ лица, извѣстныя подъ родовою фамиліею Порай-Кошицъ, имѣли, съ незапамятныхъ временъ, осѣдлость въ воеводствахъ: трокскомъ (въ Литвѣ), кіевскомъ (въ Малороссіи) и минскомъ (въ Бѣлоруссіи) [1]. Они были коренными уроженцами этихъ странъ, населенныхъ издревле русскимъ племенемъ, — странъ, которыя, отъ неодолимой силы обстоятельствъ, подпали подъ власть Великаго Кня-

[1] См. выше стр. 114—118.

жества Литовскаго со временъ властителя его, Гедимина; они отличались, какъ достовѣрно извѣстно мнѣ по преданію и собственному опыту, щедрымъ гостепріимствомъ, постоянно обитавшимъ въ ихъ семействахъ и выражавшимся въ привѣтливой встрѣчѣ гостя и въ радушномъ угощеніи; наконецъ они всегда непоколебимо сохраняли чувства русскихъ людей — чувства благоговѣйной преданности къ вѣрѣ и къ престолу, и любви къ отечеству.

Такимъ образомъ, приведенныя достовѣрныя данныя, взятыя въ совокупности и взаимно себя дополняющія, утверждаютъ меня въ мысли, что всѣ почившіе члены сказанной фамиліи, въ особенности жившіе, въ теченіе XVIII столѣтія, Иванъ, сынъ его Андрей и сынъ сего послѣдняго Антонъ, скончавшійся въ 1836 г., какъ по племенному своему происхожденію, такъ и по правиламъ общежитія и гражданственности, были кореннымі русскими людьми въ полномъ смыслѣ этаго слова.

2. *Указаніе на факты, служащіе къ объясненію вопроса, о вѣроисповѣданіи членовъ фамилій Порай-Кошицъ.*

Краткій обзоръ верховнаго управленія литовскихъ властителей, Гедимина, Ольгерда и Ягелла, показалъ уже [1], что появившееся почти во всемъ литовскомъ краѣ при первыхъ двухъ православіе подверглось при послѣднемъ, Ягеллѣ, личному его преслѣдованію въ такой степени, что православные литовскіе дворяне не только устранялись отъ занятія государственныхъ должностей, но лишены были даже права вступать въ бракъ съ католичками, и что, наконецъ, это притѣснительное, обидное для православныхъ распоряженіе, внесенное въ союзный договоръ, заключенный въ 1413 г. въ Городлѣ [2] между Ягелломъ, въ

---

[1] См. выше стр. 14—18. 22.

[2] См. выше стр. 23. 24.

санѣ короля польскаго, и великимъ княземъ литовскимъ Витовтомъ, получило уже съ того времени характеръ положительнаго для правительства литовскаго обязательства. Это доказывается тѣмъ, что принятая Ягелломъ система — распространять въ литовской странѣ католичество въ ущербъ православію — нашла поддержку и въ нѣкоторыхъ его преемникахъ.

Такъ, Казимиръ Ягелловичъ (1440—1492) и сынъ его Александръ (1492—1506), запретивъ возобновлять старыя и сооружать новыя церкви въ Литвѣ, до того простерли свои притѣсненія въ отношеніи къ православнымъ, что многіе изъ нихъ вынуждены были переселиться изъ Литвы въ Россію, бывшую надежнымъ убѣжищемъ отъ преслѣдованій и смутъ, терзавшихъ Литву. [1]

Въ послѣдовавшее затѣмъ царствованіе Александрова брата, Сигизмунда Казимировича (1506—1548), прекращены были въ Литвѣ гоненія противъ православныхъ; но образовалась уже въ ту пору сильная въ отношеніи къ нимъ оппозиція, противодѣйствовавшая даже нѣкоторымъ королевскимъ намѣреніямъ. Приведу одинъ важнѣйшій фактъ. Государь сей, признательный къ военнымъ заслугамъ православнаго князя Константина Острожскаго, назначилъ его въ 1522 г., на открывшуюся вакансію, трокскимъ воеводой и литовскимъ сенаторомъ. По сему поводу не замедлило возникнуть со стороны литовскихъ вельможъ, католиковъ, столь настойчивое оспориваніе этаго несогласнаго, по мнѣнію ихъ, съ городельскимъ актомъ 1413 г. назначенія, что Сигизмундъ вынужденъ былъ объявить, что онъ возводитъ князя Острожскаго въ сенаторство не въ примѣръ другимъ.

При сынѣ Сигизмунда, Сигизмундѣ Августѣ (1544—1572), всѣ христіане въ Литвѣ пользовались, на основа-

---

[1] Карамз. Т. V. Гл. 6.

ніи изданныхъ въ 1563, 1565 и 1568 г. привилегій, неограниченною свободою вѣроисповѣданія и равенствомъ правъ [1]; его царствованіе было лучшимъ для православныхъ и, если бы обстоятельства не довели Литву до окончательнаго соединенія ея съ Польшею въ 1569 г., православіе процвѣло бы вновь на литовской землѣ.

По случаю безпотомственной кончины Сигизмунда Августа, остальной отрасли Ягеллова Дома, безпрерывно царствовавшаго въ Литвѣ и Польшѣ около 186 лѣтъ, начинается рядъ избирательныхъ государей.

Послѣ перваго такого государя, Генриха герцога д'Анжу, избраннаго въ 1573 г., возведенъ былъ на престолъ Польши и Литвы князь Седмиградскій и данникъ могущественной тогда Порты, Стефанъ Баторій (1576—1587). Нуждаясь въ благосклонности римскаго двора, онъ не только далъ любимцамъ своимъ, езуитамъ, богатыя земли въ Бѣлоруссіи и, по совѣту ихъ, завелъ училище въ Вильнѣ, для воспитанія тамъ бѣдныхъ отроковъ греческаго исповѣданія въ правилахъ римскаго, но и допустилъ ихъ къ самовластнымъ дѣйствіямъ въ Литвѣ: езуиты разграбили, въ 1581 г., въ Вильнѣ библіотеку православныхъ, сожигали ихъ книги, уничтожали типографіи, или обращали ихъ въ свою собственность, и подъ разными предлогами отнимали имущества у церквей и монастырей православныхъ.

Но самая горестная эпоха для православныхъ начинается при преемникѣ Баторіевомъ, шведскомъ принцѣ, Сигизмундѣ III (1587—1632). Держась Ягелловой системы, онъ не давалъ православному литовскому дворянству никакихъ должностей, и такимъ образомъ привлекалъ членовъ его къ переходу изъ греческаго въ латинскій обрядъ. А какъ не легко было обратить въ католичество

---

[1] См. выше стр. 26.

православныхъ простолюдиновъ, то, по происками езуитовъ, управлявшихъ совѣстію малодушнаго Сигизмунда, обнародована въ 1596 г., на основаніи акта брестскаго собора, *унія*, которой основное правило состояло въ томъ, чтобы православные великаго княжества литовскаго отреклись отъ подчиненности начальствующимъ въ православной церкви патріархамъ вселенскимъ и признали своимъ духовнымъ главою римскаго папу, но, при этой новой зависимости, удержали бы догматы вѣры, обряды восточной церкви, древній чинъ богослуженія и языкъ славянскій. Сигизмундъ, къ живѣйшему удовольствію котораго совершилось это нововведеніе, явился ревностнымъ распространителемъ уніи; а поддерживаемые имъ езуиты повсемѣстно учреждали въ землѣ православной католическія приходскія церкви (костелы) и монастыри, приписывали къ нимъ имущества, отнятыя отъ церквей и обителей православныхъ, воспрещали въ нихъ богослуженіе, устремляя ненависть свою и на православныхъ смиренныхъ служителей церкви [1]. Словомъ, употреблены были возможныя средства для того, чтобы отторгнуть отъ православія и обратить или въ католичество, или въ унію, обитавшее въ Литвѣ, въ Бѣлой и Малой Руси дворянство: людей, увлеченныхъ корыстолюбіемъ или честолюбіемъ, прельщали доходными старо́ствами, выгодными служебными мѣстами и разнаго рода почестями; на людей добрыхъ, простодушныхъ, слабыхъ, дѣйствовали другими способами — лишали права на занятіе служебныхъ мѣстъ, а занимавшихъ уже мѣста сіи дворянъ, въ православной вѣрѣ твердыхъ, удаляли отъ оныхъ подъ ничтожными предлогами.

Грустно было православному народу отстать отъ православія и признать надъ собою власть римскаго перво-

[1] Карамз. Т. X. Гл. 4. — Конискій стр. 70.

священника; но, какъ исповѣданію уніатскому оставлены были догматы вѣры православной и священные обряды церкви греческой, то многіе православные, побуждаемые насильственными мѣрами со стороны римскаго духовенства и польскихъ властей, предпочтительно приняли унію [1], изъ которой иногда переходили и въ римско-католическую вѣру [2].

Не суждено было, однакожъ, осуществиться надеждамъ властолюбиваго духовенства западной церкви — видѣть всѣхъ жителей литовской страны латинцами или уніатами: половина бѣлорусскаго и малороссійскаго народа оставалась непоколебимо вѣрною убѣжденіямъ отцовъ своихъ и, устоявъ, въ теченіе полутораста лѣтъ, противъ угнетеній, сохранила чистое православіе до позднѣйшаго времени. Между тѣмъ какъ древній, благочестивый Кіевъ, насылая въ Бѣлоруссію и Малороссію изъ своей Академіи достойныхъ пастырей церкви, питалъ и одушевлялъ утѣсненное православіе, малороссійскіе казаки, подъ начальствомъ храбраго гетмана Хмѣльницкаго (избр. 15 Окт. 1647 г.), ополчились на защиту отечества своего и православія, и заставили польское правительство заключить съ ними (7 Сент. 1649 г.) въ Зборовѣ договоръ, которымъ оно обязалось возвратить отнятыя въ Малороссіи отъ православныхъ жителей ея церкви, оставить ихъ при древнихъ правахъ, искоренить унію и проч. [3] Обязательства эти, впрочемъ, не были выполнены.

Въ сихъ тяжкихъ для Литовской Руси обстоятельствахъ блеснулъ отрадный лучъ спасенія изъ древняго ея отече-

---

[1] Въ числѣ лицъ, обращенныхъ въ уніаты, въ продолженіе одного XVII вѣка, находились знатнѣйшія княжескія и дворянскія фамиліи, поименованныя на стр. 34 Сочиненія Бантыша-Каменскаго объ Уніи, изд. въ 1795 г.

[2] Историч. обозр. царст. Императора Николая I, Устрял. стр. 154. Зубрицк. стр. 38.

[3] Конискій стр. 94. — Устрял. Ч. II. стр. 223.

ства — единовѣрной и единоплеменной Москвы. Мужъ съ глубокимъ отъ природы умомъ и необыкновеннымъ въ свое время образованіемъ, помянутый властитель Малороссіи, Хмѣльницкій, вполнѣ постигнувъ, что Московская Держава, по своему могуществу, которымъ она уже могла располагать въ его время, по братскому духу единовѣрія съ обитателями великаго княжества литовскаго и по географическому ея сближенію съ этою страною, есть естественная покровительница подвластной ему земли, — Хмѣльницкій, пособствуемый вѣрными въ бранныхъ тревогахъ сподвижниками, рѣшился подписать въ Чигиринѣ (6 Янв. 1654 г.) съ посланниками Московскаго Царя Алексія Михайловича договорныя статьи, по силѣ которыхъ, присягнула ему на вѣрноподданство вся Малороссія на пространствѣ, занимаемомъ теперь губерніями кіевскою, подольскою, волынскою, черниговскою, полтавскою и даже нѣсколько болѣе [1].

Пріобрѣтеніе Царемъ Московскимъ этаго края послужило поводомъ къ долговременному разрыву между Россіею и Польшею. Болѣе тридцати лѣтъ продолжался между ними споръ за Малороссію, пока наконецъ Польша не доведена была къ подписанію въ Москвѣ, 26 Апрѣля 1686 г., договора, который, подчинивъ вновь польскому владычеству часть Малороссіи — подольскую и волынскую губерніи, — возложилъ на Польскую Державу, внушенное мыслію и чувствомъ русскаго человѣка, обязательство не безпокоить православныхъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ и не принуждать ихъ ни къ обращенію въ унію, ни къ переходу въ римско-католическую вѣру [2]. Слѣдовательно этимъ договорнымъ актомъ признано было въ пользу Россійскихъ Монарховъ неоспоримое право вступаться за угнетенныхъ

[1] Конискій стр. 119. 120. 135.
[2] Пол. Собр. Зак. Рос. Имп. Т. II. № 1188.

нашихъ единовѣрцевъ въ Княжествѣ Литовскомъ, — право, которое, впослѣдствіи, не могло быть исторгнуто у нихъ ни усиліями польскаго правительства, ни происками римскаго духовенства.

На основаніи этого, трактатомъ освященнаго, права, Петръ Великій и державные преемники его — Екатерина I (1725—1727), Анна Іоанновна (1730—1740), Елисавета Петровна (1741—1761) и Петръ III (1761—1762) были постоянными заступниками православныхъ въ Литвѣ [1], пока наконецъ судьба литовско-русскаго народа не измѣнилась къ лучшему — возвращеніемъ (1772—1795) на вѣчныя времена подъ скипетръ Императрицы Екатерины II всего западнаго края, отторгнутаго Литвою отъ Россіи въ тяжкую для сей послѣдней годину монгольскаго надъ нею господства [2]. Даровавъ тогда же одинаковую защиту закона всѣмъ жителямъ возвращенныхъ земель, незабвенная Монархиня воспретила обращеніе новыхъ своихъ подданныхъ въ унію или переходъ ихъ въ римско-католическую вѣру, и Указомъ 22 Апрѣля 1794 г. дозволила уніатамъ безбоязненно возвращаться въ нѣдра православной церкви [3]. Этимъ дозволеніемъ и воспользовались весьма многіе изъ нихъ, въ особенности на Волыни и въ Подоліи [4]. Въ царствованіе Императора Николая I, довершено окончательное обновленіе литовско-русскаго народа древнимъ православіемъ: заблудшая дочь православія, унія, въ началѣ 1839 года съ торжественною важностію возвратилась къ своей матери, и такимъ образомъ, на пространствѣ девяти губерній (кіевской, волынской, подольской, виленской, гродненской, ковенской, минской, витебской и могилевской), 32 иноческія обители, 1200 приходовъ, болѣе 2,000 церквей, свыше 4,000

---

[1] Устрял. Ч. III. стр. 28; Ч. IV. стр. 27. 281.

[2] См. выше стр. 14—16.

[3] Пол. Собр. Зак. Рос. Имп. Т. XXIII. № 17199.

[4] Истор. обозр. царст. Императора Николая I. Устрял. стр. 154.

лицъ духовнаго званія и почти 2,000,000 западнаго, кореннаго, искони русскаго народа, составили законное пріобрѣтеніе православной восточной церкви [1].

и 3. *Выводы, сдѣланные, по соображеніи историческихъ фактовъ, о томъ, кто изъ членовъ фамиліи Порай-Кошицъ и какому слѣдовалъ вѣроисповѣданію.*

Предшествующее изложеніе краткаго очерка Литовской Руси, въ религіозномъ отношеніи, позволяетъ сдѣлать и на счетъ вѣроисповѣданія членовъ фамиліи Порай-Кошицъ слѣдующіе выводы:

I.

Родоначальникъ указанной судебными документами фамиліи Порай-Кошицъ, именемъ Иванъ, — жившій во второй половинѣ XVI и въ первой четверти XVII столѣтія [2], современникъ и свидѣтель печальной эпохи, въ которую возникла унія, ревностно поддерживаемая Сигизмундомъ III и имѣвшая поэтому прямое вліяніе на судьбу княжества литовскаго, застигнутый безпримѣрнымъ гоненіемъ на вѣру православную, — вынужденъ былъ необходимостію (а необходимость составляетъ первый законъ въ свѣтѣ) и самъ подчиниться повсемѣстному вліянію современныхъ событій и невзгодъ, и наконецъ силою обстоятельствъ увлеченъ былъ изъ православія въ унію. А какъ онъ сталъ уніатомъ не по собственному влеченію или задушевному убѣжденію, а доведенъ былъ къ тому вынужденными со стороны враждебныхъ православію езуитовъ мѣрами; то эти противодѣйствующія обстоятельства извиняютъ и, скажу болѣе, достаточно оправдываютъ невольное оставленіе Иваномъ православія, —

---

[1] Справочн. Энциклопедич. Словарь, изд. Крайя, 1848 г.

[2] См. выше стр. 114 и 115.

и даже несправедливо было бы искать причины этаго явленія или въ недостаткѣ религіозной его твердости, или въ равнодушіи къ православію, или въ уклоненіи отъ своего первѣйшаго священнаго долга предъ совѣстію. Думать объ немъ иначе, значило бы нарушать уваженіе къ мертвымъ и налагать черную печать на его достойную вниманія память, на эту первую драгоцѣнность, заслуживающую обхожденія въ высшей степени осторожнаго.

II.

Лучшіе, цвѣтущіе годы жизни сына Иванова, Станислава (1590—1665), простиравшіеся за предѣлы его сорокалѣтняго возраста, цвѣтущіе потому, что въ эту первую половину жизни человѣческой сохраняются еще всѣ силы, вся крѣпость тѣла и разума, протекли въ самыхъ неблагопріятныхъ для православныхъ обитателей Литовской Руси обстоятельствахъ: ибо, въ современное ему царствованіе государя Польши и Литвы Сигизмунда III (1587—1632), православные благороднаго сословія лишались права занимать должности и званія въ государственной службѣ, или же открывалось имъ это право неиначе, какъ слишкомъ дорогою цѣною — перехода отъ православія и даже уніи въ католичество, а въ довершеніе сего езуиты не переставали быть утѣснителями православныхъ, учреждая повсюду костелы и воспрещая богослуженіе въ церквахъ православныхъ [1]. Посему не удивительно, если сказанный Станиславъ и сынъ его Криштофъ, [2] наслѣдовавшіе трудное во всѣхъ отношеніяхъ положеніе для православныхъ обитателей великаго княжества литовскаго, встрѣтивъ неодолимое препятствіе достигнуть по службѣ придворной, военной и гражданской званій и долж-

---

[1] См. выше стр. 142 и 143.
[2] См. выше стр. 115.

ностей, въ которыхъ рѣшительно отказываемо было православному литовскому дворянству и даже уніатамъ, и не могши, наконецъ, противопоставить современнымъ насиліямъ ничего, кромѣ молитвы и терпѣнія, — вынуждены были покориться своей участи и принять, съ унынiемъ въ душѣ, католическое исповѣданіе. Какъ бы то ни было, а уже не подлежитъ сомнѣнію совершившійся переходъ ихъ въ католичество, какъ потому, что оба носили крестныя нерусскія имена, которыхъ нѣтъ въ календарѣ православной церкви, такъ равно и потому, что первый изъ нихъ служилъ въ кавалерійскомъ гусарскомъ полку въ чинѣ поручика, а второй—имѣлъ придворное званіе чесника, каковые чины и всѣ вообще званія придворныя, военныя и гражданскія жалуемы были въ то время, т. е. въ періодъ земной жизни Станислава и Криштофа (1590—1710), лишь только такимъ дворянамъ Великаго Княжества Литовскаго, которые слѣдовали католическому исповѣданію [1].

III.

Принятію Станиславомъ и Криштофомъ при вышеизложенныхъ, сопровождавшихъ эти двѣ личности, обстоятельствахъ католичества, принятію вѣроисповѣданія этого, не скрѣпленному ни временемъ, ни убѣжденіемъ, и не имѣвшему поэтому нравственнаго обезпеченія, не могла предстоять долговременная будущность. Послѣдствія обнаружили, что ни въ помянутомъ родоначальникѣ фамиліи Порай-Кошицъ, Иванѣ, ни въ происшедшихъ отъ него потомкахъ до правнука Ивана включительно, не могла искорениться мысль о необходимости загладить слѣды нравственнаго бѣдствія, начавшагося отъ оставленія ими пра-

[1] См. выше стр. 39. 142 и 143.

вославія, отъ принятія уніи и перехода въ католичество. Такъ крѣпко и сильно впечатлѣніе, производимое въ насъ примѣрами отцовъ и праотцовъ нашихъ!

IV.

Конечно, еще при жизни Криштофа (1640—1710), случились, какъ выше замѣчено, два благопріятныя для православныхъ христіанъ литовскаго края событія [1]: одно — присоединеніе въ 1654 г. къ Россійской Державѣ Малороссіи, въ составъ которой входилъ тогда и овручскій уѣздъ [2], вмѣщавшій въ предѣлахъ своихъ родовое Криштофово имѣніе — часть села Выступовичъ, а другое — заключеніе въ 1686 г. между Россіею и Польшею Московскаго договора, которымъ польское правительство обязалось покровительствовать православныхъ жителей княжества литовскаго и не принуждать ихъ къ переходу въ унію или въ католичество. Но Криштофъ не могъ еще воспользоваться столь счастливыми въ религіозномъ отношеніи событіями, для своего возвращенія къ православію, сознавая, что время его еще не наступило. Это важное дѣло суждено было выполнить сыну его Ивану (1700—1763) [3].

V.

Не зная случайныхъ семейныхъ подробностей, касающихся этого благочестиваго подвига Ивана, думаю, что причину столь рѣшительнаго его перехода къ православію можно лишь только объяснить развитымъ въ немъ созна-

---

[1] См. выше стр. 145.

[2] Историч. Атласъ Россіи. Соч. Павлищева, 1845 г. — См. карту этаго Атласа подъ № XI, обозначающую Россію въ 1689 г. при воцареніи Петра I.

[3] См. выше стр. 116 и 117.

ніемъ претерпѣнной предками его несправедливости отъ езуитовъ и тѣми благотворными въ религіозномъ отношеніи послѣдствіями, которыя произвелъ упомянутый московскій договоръ, постоянно поддерживавшійся твердою политикою Россійскаго Кабинета: ибо положительно извѣстно, что отъ царствованія Петра Великаго до временъ Петра III (1689—1762), т. е. въ періодъ времени, совпадавшій съ земною жизнію Криштофова сына, Ивана (1700—1763), уполномоченные при Дворѣ Варшавскомъ послы россійскіе безпрерывно представляли королямъ и сеймамъ ноты въ защиту православныхъ литовскихъ христіанъ [1]. Подъ вліяніемъ этаго могущественнаго заступничества не только устранялись возбуждаемыя противъ нихъ преслѣдованія, но значительно облегчались къ возвращенію въ православную вѣру и способы для отторгнутыхъ отъ нея семействъ, къ каковымъ принадлежалъ и сказанный Иванъ Порай-Кошицъ. Не упуская изъ виду фамильнаго преданія о насильственномъ отторженіи сперва соименнаго ему прадѣда отъ православія къ уніи, а потомъ дѣда и отца отъ уніи къ католичеству [2], руководствуясь собственнымъ здравымъ смысломъ, служащимъ основаніемъ всякаго истиннаго нашего вѣдѣнія, Иванъ Порай-Кошицъ (1700—1763), въ счастливѣйшія минуты своей жизни, не преминулъ воспользоваться удобнымъ случаемъ, благопріятствовавшимъ возвращенію его къ первобытной православной вѣрѣ своихъ предковъ, которая и понынѣ сохраняется непоколебимо всѣми происшедшими отъ него потомками, сохраняется какъ завѣтная святыня, со временъ Владиміра св. (988 г.), перваго христіанскаго Князя Русской земли.

---

[1] См. выше стр. 146.

[2] См. выше стр. 147—150.

VI.

Такой твердости и непоколебимости способствовало сколько личное членовъ фамиліи Порай Кошицъ убѣжденіе въ святости православія, столько и то важное для православныхъ литовскаго края событіе, что заключавшіеся нѣкогда въ кіевскомъ воеводствѣ Уѣзды Овручскій и Радомысльскій, послужившіе мѣстомъ постояннаго жительства фамиліи Порай-Кошицъ, первый — съ глубокой древности до 1774 г., а вторый — въ послѣдующее за тѣмъ время до 1836 г. включительно [1], возвращены уже были съ 1772 г. Россійской Державѣ [2], а съ тѣмъ вмѣстѣ сынъ Ивана,

---

[1] См. выше стр. 115—121.

[2] Историч. Атласъ Россіи. Соч. Павлищева, Варшава, 1845 г. См. карту этаго Атласа подъ № XVI, показывающую пріобрѣтенія Россіи на Западѣ со временъ Царя Алексія Михайловича.

Не излишнимъ считаю упомянуть, что воеводство кіевское состояло въ XVI и XVII столѣтіяхъ изъ трехъ-округовъ или уѣздовъ: кіевскаго, житомирскаго и овручскаго. На основаніи московскаго договора, заключеннаго между Россіею и Польшею 26 Апрѣля 1686 г., отданъ Россіи весь лѣвый берегъ р. Днѣпра, а на правомъ — уступленъ ей Кіевъ съ пространствомъ земли отъ устья р. Ирпени, впадающей въ Днѣпръ, со включеніемъ гор. Василькова, до р. Стугны и далѣе, внизъ по Днѣпру, такъ названное Запорожье по всему устью р. Тясмины, текущей въ Днѣпръ; въ польскомъ же владѣніи остались только два уѣзда — житомирскій и овручскій. Впослѣдствіи, по силѣ договора, заключеннаго между тѣми же державами въ С. Петербургѣ 25 Іюля 1772 г. (Пол. Соб. Зак. Рос. Имп. Т. XIX № 13850), возвращены Россіи земли, лежащія между Западною Двиною и Дручемъ, и въ чертѣ этихъ новыхъ пріобрѣтеній находились города — Овручъ (Пол. Соб. Зак. Рос. Имп. Т. XIX № 13826) и Радомысль съ ихъ уѣздами. По возвращеніи же отъ Польши Россіи въ 1793 г. Волыни и Подоліи, учреждены были въ 1795 г. изъ этихъ областей волынская и подольская губерніи, съ причисленіемъ къ первой изъ нихъ городовъ Овруча и Радомысля. А когда въ слѣдующемъ 1796 г. образовалась изъ возвращенныхъ отъ Польши областей кіевская губернія, то въ составъ ея вошли донынѣ существующіе 12 уѣздныхъ городовъ, въ томъ числѣ и Радомысль,

Андрей (1722—1799), и потомки сего послѣдняго, вошли въ составъ подданныхъ Россійской Имперіи и, упрочивъ навсегда новое свое положеніе подъ защитою ея законовъ, получили важное преимущество исповѣдывать невозбранно древнее свое православіе.

VII.

Наконецъ тѣ же, изложенныя выше, историческія данныя внушаютъ мнѣ смѣлость выразить полную мою увѣренность и въ томъ, что Промыслъ Божій благоволилъ ниспослать этому роду видимое покровительство свое въ генеалогическомъ и религіозномъ отношеніи: въ отношеніи генеалогическомъ, Онъ, въ трехвѣковое пространство времени (1550—1857), поддерживалъ продленіе прямыхъ, законныхъ потомковъ фамиліи Порай-Кошицъ въ непрерывной другъ за другомъ послѣдовательности до нынѣшняго шестаго мужескаго ихъ поколѣнія включительно [1]; въ религіозномъ же отношеніи — волею Провидѣнія разсѣяны враждебные замыслы езуитовъ, порывавшихся оторгнуть навсегда мирную семью Порай-Кошицовъ отъ церкви православной. Упорными усиліями езуитовъ, правда, увлечены были члены этой семьи — родоначальникъ Иванъ въ унію, сынъ его и внукъ въ католичество, — но дальнѣйшему успѣху этаго нечистаго притязанія положенъ былъ предѣлъ: правнукъ, соименный прадѣду, не утратившій еще чувства благоговѣйной привязанности къ право-

---

и, при такомъ новомъ распредѣленіи уѣздовъ, гор. Овручъ, по прежнему, остался въ волынской губерніи. — Овручъ отстоитъ: отъ Житомира въ 126, Радомысля въ 177, Кіева въ 273 верстахъ. Радомысль же находится: отъ Житомира въ 51, а отъ Кіева въ 96 верстахъ.

[1] Показаніе этихъ шести поколѣній или колѣнъ значится въ Приложеніяхъ къ Отдѣлу III. на стр. 167. 173—175.

славію, пользовавшемуся, по вліянію Россійскихъ Самодержцевъ, покровительствомъ въ литовской странѣ, возвратился въ объятія церкви православной, и тѣмъ возстановилъ почетное имя сына ея, издревле родъ его украшавшее. А чтобъ оградить потомковъ отъ тревогъ, испытанныхъ въ былыя времена предками, тотъ же Всеблагій Промыслъ ввѣрилъ судьбу лицъ фамиліи Порай-Кошицъ, уже фактически русскихъ подданныхъ съ 1772 г., скипетру Августѣйшихъ Государей Всероссійскихъ, Умиротворителей народовъ, Защитниковъ православія.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ ТРЕТЬЕМУ ОТДѢЛУ.

Къ стр. 122.

Судебные акты, свидѣтельствующіе о дворянскомъ происхожденіи рода Порай-Кошицовъ.

1) *Духовное завѣщаніе Поручика Станислава Порай-Кошица 5 Февраля 1665 года.*

По Указу Его Императорскаго Величества № 57. Выпись изъ книгъ Гродскихъ Овручскихъ. Тысяча семисотаго года Сентября шестнадцатаго дня. Дворянинъ (generosus urodzony) [1] Антонъ Порай-Кошицъ, явясь лично въ Овручскій Гродскій Судъ подалъ мнѣ, Степану Барановскому, временному намѣстнику, вице-регенту того Суда, для записки

---

[1] Значеніе этихъ терминовъ объяснено на стр. 39. — Въ Высочайше утвержденномъ 4 февраля 1852 г. мнѣніи Государственнаго Совѣта постановлено: въ доказательство дворянскаго происхожденія принимать, между прочимъ, удостовѣреніе о томъ, что лице именуемо было урожденнымъ (generosus) въ земскихъ, гродскихъ, подкоморскихъ и другихъ исключительно дворянскихъ актахъ (Полн. Соб. Зак. Рос. Имп. Т. XXVII № 25973).

въ нынѣшнія овручскія актовыя книги, выданную ему изъ ошмянскихъ актовыхъ книгъ выпись слѣдующаго содержанія: Выпись изъ ошмянскихъ актовыхъ книгъ минскаго воеводства. Тысяча шестьсотъ шестьдесятъ пятаго года Мая шестаго дня. Дворянинъ (generosus) Криштофъ Порай-Кошицъ, явясь лично въ Ошмянскій Гродскій Судъ, подалъ мнѣ, писарю сего суда, для записки въ ошмянскія гродскія актовыя книги, учиненное въ пользу его Криштофа отцомъ его, дворяниномъ (generosus) Станиславомъ Кошицомъ, Поручикомъ королевскихъ войскъ, духовное завѣщаніе, написанное слово въ слово такъ: «Во имя Пресвятыя Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа, аминь. Я нижеподписавшійся, Станиславъ герба Порай-Кошицъ, поручикъ королевскихъ войскъ, знаю, что смерть сражаетъ всякаго родившагося на свѣтъ человѣка не только въ зрѣломъ его возрастѣ, но и въ годы молодые. Бодрый еще духомъ и здравый умомъ, но изнемогающій уже въ тѣлесныхъ силахъ отъ старости и неразлучныхъ съ нею недуговъ, я вижу передъ собою близкій, неминуемый конецъ моей жизни на землѣ, и потому предположилъ сдѣлать нижеслѣдующее о моемъ имѣніи распоряженіе. Прежде всего душу мою, по разлученіи ея отъ тѣла, предаю Господу Спасителю, Пресвятой Матери его Дѣвѣ Маріи и всѣмъ Святымъ, а тѣло мое, взятое отъ земли и въ землю возвращаемое, прошу похоронить безъ всякихъ знаковъ мірской пышности. На совершеніе заупокойныхъ молитвъ о душѣ моей и о душѣ умершей жены моей, Софіи, обязанъ сынъ мой Криштофъ вносить, куда слѣдуетъ, по сту злотыхъ польскихъ ежегодно. Недвижимое имѣніе мое, доставшееся мнѣ, по наслѣдству, послѣ умершаго отца моего Ивана Кошица, находящееся въ моемъ владѣніи, именно: части, состоящія въ селеніяхъ — Выступовичахъ кіевскаго воеводства и Великомъ Селѣ минскаго воеводства, — съ принадлежащими къ этимъ двумъ частямъ

крѣпостными людьми, пашнями, лѣсами, борами, [1] со всѣмъ тѣмъ, что въ землѣ и на поверхности ея находится, а также всю домашнюю принадлежащую къ хозяйству утварь, равно лошадей, рогатый скотъ, збрую, платье, серебро, мѣдь и все совершенно, ничего изъ того не выключая, завѣщаю сыну моему Криштофу.—Распорядившись такимъ образомъ имѣніемъ моимъ и пожитками, благословляю тебя, любезный сынъ мой, и прошу тебя возсылать къ Богу молитвы о грѣшной душѣ моей, а также о душѣ твоей матери. Дано въ Великомъ Селѣ *тысяча шестьсотъ шестьдесятъ пятаго года Февраля пятаго дня*. У сего духовнаго завѣщанія подписи рукъ слѣдующія: Станиславъ Кошицъ, Поручикъ Его Королевскаго Величества. Упрошенный въ свидѣтели подписуюсь Михаилъ Ковнацкій. Какъ свидѣтель подписуюсь Іосифъ Щепило. Приглашенный въ свидѣтели къ сему завѣщанію подписуюсь Станиславъ Горбатовскій». Каковое духовное завѣщаніе отъ слова до слова записано въ нынѣшнія ошмянскія гродскія актовыя книги, изъ которыхъ и сія выпись за надлежащею печатью выдана. У этой выписи слѣдующія подписи: свѣрялъ І. Букша. Читалъ Каетанъ Войновскій. — Каковая выпись, поданная вышеупомянутымъ лицемъ (Антономъ Порай-Кошицомъ) мною (Барановскимъ), официально принята и въ нынѣшнія овручскія гродскія судебныя книги записана.—1851 г. Августа 31 дня, сія копія, по поданному прошенію и состоявшейся въ 8 день Мая сего года резолюціи, Брацлавскому Уѣздному Доктору, Надворному Совѣтнику Тимоѳею Антонову сыну Порай-Кошицу, выдана, которая съ книгою, Коммиссіею Высочайше учрежденною [2] прошнурованною, скрѣп-

---

[1] Боромъ называется крупный сосновый и еловый лѣсъ на сухомъ возвышенномъ мѣстѣ.

[1] Высочайше утвержденнымъ въ 20 день Апрѣля 1834 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, въ ст. 2. пунк. 1 постановлено: Для произведенія ревизіи дѣйствій Дворянскихъ Депутатскихъ Со-

ленною и припечатанною, есть вѣрна, и что въ этой книгѣ оная Коммиссія никакихъ примѣчаній не сдѣлала, въ томъ Овручскій Уѣздный Судъ подписомъ и приложеніемъ казенной печати, вмѣстѣ съ уѣзднымъ стряпчимъ, свидѣтельствуетъ. Подписаны: Засѣдатель Седличинскій. За Секретаря Бѣриничъ. Свѣрялъ Архиваріусъ Губернскій Секретарь Недашковскій. Вѣрно: Уѣздный Стряпчій Богремовскій. № 2343 по исходящему журналу.

2. *Духовное завѣщаніе Криштофа Порай-Кошица 16 Марта 1710 г.* [1].

Тысяча семьсотъ десятаго года Августа четвертаго дня. Матѳей Тушевецкій, явясь лично, представилъ, для внесенія въ гродскіе акты минскаго воеводства, сдѣланное умершимъ Криштофомъ Кошицомъ духовное завѣщаніе слѣдующаго содержанія: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь. Я, Криштофъ, сынъ Станислава, герба Порай-Кошицъ, Минскій Чесникъ, чувствуя постепенное ослабленіе силъ моихъ отъ пожилыхъ лѣтъ, зная опредѣленіе Божіе, что каждый живущій человѣкъ долженъ быть призванъ къ вѣчности, и приближаясь такимъ образомъ къ сему предѣлу жизни, предположилъ сдѣлать слѣдующее, выражающее послѣднюю завѣщательную мою волю, распоряженіе. Во-первыхъ, послѣ моей кончины, тѣло мое, какъ происшедшее отъ земли, должно быть похоро-

---

браній, учредить особую Коммиссію въ каждой изъ тѣхъ губерній, въ коихъ существуютъ сіи Собранія (Пол. Соб. Зак. Рос. Имп. Т. IX № 7007).

[1] Это духовное завѣщаніе Криштофа Порай-Кошица не было представлено, въ числѣ прочихъ документовъ, въ Подольское Дворянское Депутатское Собраніе (см. выше стр. 122—127), а помѣщается здѣсь потому, что заключаетъ въ себѣ свѣдѣніе о выбытіи недвижимаго имѣнія — части деревни Великаго Села — изъ мужескаго рода Порай Кошицовъ.

нено съ приличіемъ, но безъ пышности, на приходскомъ кладбищѣ, любезными мнѣ зятемъ Тушевецкимъ и находящеюся съ нимъ въ супружествѣ дочерью моею Іустиною. На совершеніе погребальнаго обряда, а также на приходскую церковь (костелъ), свѣчи и духовную братію, отказываю двѣсти пятьдесятъ злотыхъ, а для раздачи бѣднымъ тридцать злотыхъ польскихъ, каковыя деньги и будутъ выданы изъ наличной суммы. Во-вторыхъ, доставшееся мнѣ, по наслѣдству, отъ отца моего, Станислава Кошица, поручика гусарскаго полка, недвижимое имѣніе, именно: часть деревни Выступовичъ, кіевскаго воеводства въ овручскомъ уѣздѣ, съ девятью хатами крѣпостныхъ людей [1], съ строеніями и всѣми къ ней принадлежностями, завѣщаю малолѣтному сыну моему Ивану герба Порай-Кошицу; а часть деревни Великаго Села, въ минскомъ воеводствѣ, съ шестью хатами крѣпостныхъ людей, также съ строеніями и совсѣмъ тѣмъ, что въ оной находится, отказываю на вѣчныя времена, безъ возврата, зятю моему, Матѳею Иванову сыну Тушевецкому, и находящейся въ замужествѣ за нимъ, любезной дочери моей Іустинѣ, въ знакъ моей благодарности за преданность ихъ обоихъ ко мнѣ. Причемъ прошу ихъ и вмѣняю имъ въ непремѣнную обязанность имѣть попеченіе о малолѣтномъ сынѣ моемъ Иванѣ Порай-Кошицѣ до его совершеннолѣтія, и охранять самаго его и имѣніе, стараясь вмѣстѣ съ тѣмъ дать ему приличное воспитаніе и образованіе. Затѣмъ, сдѣлавши это краткое завѣщательное мое распоряженіе, благословляю васъ, любезнѣйшіе зять Матѳей и дочь моя Іустина

---

[1] Въ литовскихъ или западныхъ губерніяхъ понынѣ считаютъ крестьянъ на жилые хаты или дымы. Дымъ есть то же, что̀ пепелище, очагъ (foyer), домъ въ переносномъ смыслѣ слова — жилище одной отдѣльной крестьянской семьи у одного очага или дыма, т. е., крестьянская усадьба, заключающая въ себѣ жилыя хозяйственныя строенія съ землею подъ ними и съ огородомъ.

Тушевецкіе. Помните меня и молитесь о душѣ моей и матери вашей, а моей жены. Прощаюсь съ вами, друзья, родственники, крѣпостные люди и слуги, и прошу забыть огорченія и обиды, если когда нибудь сдѣланы были мною во время моей жизни. И таковое духовное завѣщаніе, въ присутствіи упрошенныхъ свидѣтелей, собственноручно подписываю. Писано *тысяча семьсотъ десятаго года Марта шестнадцатаго дня.* У сего духовнаго завѣщанія подписи завѣщателя и свидѣтелей слѣдующія: Криштофъ герба Порай-Кошицъ, Чесникъ Минскій. Лично упрошенный въ свидѣтели отъ Криштофа Кошица, Чесника Минскаго, къ сему духовному завѣщанію, которымъ онъ отказываетъ одно имѣніе — часть деревни Выступовичъ, кіевскаго воеводства въ овручскомъ уѣздѣ, съ девятью хатами крѣпостныхъ людей — малолѣтному сыну Ивану герба Порай-Кошицу, а другое — часть деревни Великаго Села, въ минскомъ воеводствѣ, съ шестью хатами крѣпостныхъ людей, предназначаетъ и отдаетъ на вѣчныя времена зятю своему, Матѳею сыну Ивана Тушевецкому, и своей дочери, а его женѣ, Іустинѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ возлагаетъ на нихъ законную опеку надъ малолѣтнымъ Иваномъ Кошицомъ, — подписываюсь Адамъ Пршисѣцкій, хорунжій ошмянскаго уѣзда. Упрошенный въ свидѣтели отъ Криштофа Кошица, къ сему духовному завѣщанію, на счетъ вышеизложеннаго въ ономъ, подписываюсь Антонъ Зиленскій. Какъ свидѣтель, къ сему духовному завѣщанію подписываюсь Онуфрій Даргужъ.» Каковое духовное завѣщаніе, по представленіи его вышепомянутымъ лицемъ, принято и въ гродскія книги минскаго воеводства записано. Вѣрно: секретарь И. Добровольскій. Съ книгою читалъ канцеляристъ Піоровскій. — Сія копія духовнаго завѣщанія, находящагося въ книгѣ гродской № 3 на листѣ 311, Коммиссіею Высочайше учрежденною 3 Марта 1835 г. ревизованной и ни въ чемъ неоговоренной, въ слѣдствіе

поданнаго прошенія и послѣдовавшей на оное резолюціи, изъ Минскаго Уѣзднаго Суда просителю Тушевецкому выдана Іюля 27 дня 1849 г. за № 1803. Подписалъ судья М. Добровольскій. Скрѣпилъ секретарь И. Добровольскій. — 1849 года Августа 2 дня, въ слѣдствіе поступившаго отъ дворянина Тушевецкаго минувшаго 28 Іюля ко мнѣ прошенія, на основаніи Высочайшаго Указа 4 Января 1840 года [1], завѣряю, что актовая Минскаго Уѣзднаго Суда книга за 1710 годъ, изъ коей сія выпись выдана, Коммиссіею Высочайше учрежденною въ 1835 г. ревизована, ни въ чемъ ею неоговорена, и что самая статья и выпись настоящаго документа не подлежатъ никакому сомнѣнію. Подписалъ Минскій уѣздный стряпчій Окуличъ. № 2109.

3. *Вводный актъ, составленный 20 Октября 1736 года.*

По Указу Его Императорскаго Величества, № 149. Выпись изъ книгъ гродскихъ овручскихъ. «Тысяча семьсотъ тридцать шестаго года Октября двадцать четвертаго дня. Генеральный Возный кіевскаго воеводства, благородный Иванъ Баранскій, явясь лично въ Овручскій Гродскій Судъ, представилъ мнѣ Ремигіану Чоповскому, намѣстнику гродскому овручскому, для записки въ нынѣшнія овручскія актовыя книги свое дѣйствительное, достовѣрное донесеніе, которымъ явно, гласно и свободно созналъ, что въ *двадцатый день Октября текущаго 1736 г.*, по

[1] Въ 4 пунк. сего указа постановлено: Какъ по заведенному въ западныхъ губерніяхъ обычаю, дворянскіе документы могли быть записаны въ судебныя актовыя книги, то Ревизіоннымъ Коммиссіямъ наблюдать, чтобы, при отобраніи документовъ, признанныхъ ею недѣйствительными, сдѣланы были, объ уничтоженіи ихъ, отмѣтки и въ тѣхъ актовыхъ книгахъ, въ которыхъ они вписаны; о чемъ, сверхъ обыкновенныхъ распоряженій и извѣщеній, публиковать и въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ (Пол. Соб. Зак. Рос. Имп. Т. XV. № 13048).

законному востребованію дворянъ (generos.) Ивана Порай-Кошица, отца, и Андрея, сына его, находящагося подъ опекою его Ивана, былъ онъ Баранскій въ имѣніи селѣ Выступовичахъ, состоящемъ кіевскаго воеводства въ овручскомъ уѣздѣ, и, имѣя при себѣ свидѣтелями своихъ дѣйствій дворянъ Ивана Кондрацкаго и Василія Мошковскаго, этихъ достойныхъ и заслуживающихъ довѣрія лицъ, ввелъ просителей, Ивана Порай-Кошица и сына его Андрея, во владѣніе частію села Выступовичъ, доставшеюся имъ, по наслѣдству, послѣ умершаго Криштофа Порай-Кошица, Чесника Минскаго, отца просителя Ивана Порай-Кошица, со всѣми принадлежащими къ сей части тяглыми и пѣшими крестьянами [1], ихъ повинностями, оброками, данинами [2], съ пашнями, пустошами, засѣянною и не за-

---

[1] Тяглыми назывались въ литовскомъ краѣ тѣ крестьяне, которые имѣли рабочаго упряжнаго скота не менѣе пары воловъ, или пары лошадей. Эти хозяева подраздѣлялись еще, соотвѣтственно числу рабочаго скота, на четверное, тройное и парное сельскія хозяйства, изъ которыхъ въ первомъ было четыре, во второмъ три, а въ третьемъ два вола, или двѣ лошади. Нормальный поземельный участокъ тяглаго крестьянина, предоставленный ему въ пользованіе, для обезпеченія его быта и выполненія обязанностей предъ правительствомъ и своимъ помѣщикомъ, заключалъ въ себѣ одну волоку пашни, или 33 морга (около 18 десятинъ) земли, кромѣ сѣнокоса. Этотъ поземельный участокъ принятъ былъ основаніемъ постоянныхъ въ пользу помѣщика со стороны крестьянина повинностей, состоявшихъ въ поденной личной его работѣ, во взносѣ хлѣба натурою и въ платѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, деньгами. — Нетяглыми же или пѣшими назывались тѣ крестьяне, которые вовсе не держали рабочаго скота, хотя также имѣли участокъ пахатной земли, который они по большей части отдавали въ наемъ тяглымъ, или же нанимали у сихъ послѣднихъ рабочій скотъ, предоставляя имъ за то половину урожая съ своего поля (Статистич. Описаніе Кіевской Губерніи Фондуклея. 1852. г. Т. 2.).

[2] Данина есть подать не деньгами, а натурою — вещами или припасами, отъ всѣхъ естественныхъ произведеній земли, въ опредѣленномъ количествѣ. Эта подать и нынѣ сохраняется почти вездѣ въ Россіи, особенно въ западныхъ губерніяхъ, въ хлѣбопашенныхъ вотчинахъ, въ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ.

сѣянною огородною землею, садами, лугами, лѣсами, борами, рощами, рѣками, ланами [1], пастбищами и съ прочими, непоименованными здѣсь, но съ давняго времени принадлежащими къ означенной части села Выступовичъ угодьями, прибылями и доходами, не исключая изъ оной ничего. Потомъ, собравши на мірскую сходку крестьянъ, объявилъ имъ вовсеуслышаніе о новыхъ дѣйствительныхъ вотчинникахъ помянутой части Выступовичъ, приказалъ исполнять всѣ ихъ распоряженія, отбывать повинности и платить подати, и въ слѣдствіе сего крестьяне обѣщали все это выполнять на дѣлѣ. Затѣмъ, сказанный Возный, утвердивъ дѣйствія свои свидѣтельствомъ находившихся при немъ, приглашенныхъ имъ, дворянъ, уѣхалъ оттуда (изъ Выступовичъ) и, явясь въ сей (Овручскій) Судъ, сдѣлалъ личное сознаніе о таковомъ совершенномъ имъ вводѣ во владѣніе, и просилъ записать это въ судебныя актовыя книги, что́ и исполнено.» — 1849 г. Февраля 16 дня, сія копія, по поданному прошенію и состоявшейся резолюціи въ 18 день истекшаго Января мѣсяца, брацлавскому уѣздному доктору, Надворному Совѣтнику и кавалеру Тимоѳею Антонову сыну Порай-Кошицу выдана, которая съ книгой, Коммиссіею Высочайше учрежденною прошнурованной и скрѣпленной, есть вѣрна, и что въ этой книгѣ оная Коммиссія никакого замѣчанія не сдѣлала, въ томъ Овручскій Уѣздный Судъ подписомъ и приложеніемъ казенной печати, вмѣстѣ съ уѣзднымъ стряпчимъ, свидѣтельствуетъ. Подписали: уѣздный судья Постемпскій. Секретарь Скальскій. Свѣрялъ архиваріусъ Ѳедоръ Недашковскій. Подписалъ уѣздный стряпчій Гусаковскій.

---

[1] Ланъ (laneum, mansum) понынѣ мѣстная мѣра земская. Во времена польскаго короля Болеслава (999—1025), ланъ означалъ опредѣленное пространство земли, которое можно обработать, т. е. запахать и заборонить, двумя волами и двумя конями въ одинъ день (Рос. Булгар. Ч. III. стр. 211).

и 4. *Продажная запись, совершенная 28 Сентября 1774 года.*

По Указу Его Императорскаго Величества, № 355. Выпись изъ книгъ гродскихъ овручскихъ. Тысяча семьсотъ семьдесятъ четвертаго года Сентября двадцать осьмаго дня, дворянинъ (generosus) Андрей Порай-Кошицъ, явясь лично въ Овручскій Гродскій Судъ, при мнѣ Николаѣ Рожицкомъ, вице-регентѣ гродскомъ овручскомъ, совершилъ у дѣлъ того Суда, въ пользу овручскаго гродскаго подсудка Антона Вѣчфинскаго, продажную, за своимъ и свидѣтелей подписомъ, на часть села Выступовичъ, запись, выраженную слѣдующими словами: «Я, Андрей Порай-Кошицъ, сынъ умершаго Ивана Порай-Кошица, внукъ Чесника Минскаго Криштофа Порай-Кошица, будучи здравъ тѣломъ и умомъ, совмѣстно съ сыномъ моимъ, родившимся отъ брака моего съ Маріамною, урожденною Свѣнцицкою, Антономъ Порай-Кошицомъ, за котораго во всемъ ручаюсь, извѣстнымъ и гласнымъ дѣлаю, устно и добровольно сознаю, что я сознающій, владѣя вотчиннымъ имѣніемъ — частію села Выступовичъ, доставшимся мнѣ отъ поименованныхъ моихъ предковъ, и пользуясь, на основаніи законовъ, правомъ распоряжаться принадлежащею мнѣ собственностію согласно съ моимъ желаніемъ, предположилъ означенную часть села Выступовичъ продать и переуступить Антону Вѣчфинскому. Посему, настоящею продажною записью, сказанную часть села Выступовичъ, со всѣми принадлежащими къ ней тяглыми и пѣшими крестьянами, ихъ повинностями, оброками, данинами, полями, огородами, ланами, рощами, нивами, пастбищами, рѣками, лугами, строеніями и со всѣми угодьями, прибылями и доходами, не выключая ничего, продаю и переуступаю помянутому Антону Вѣчфинскому,

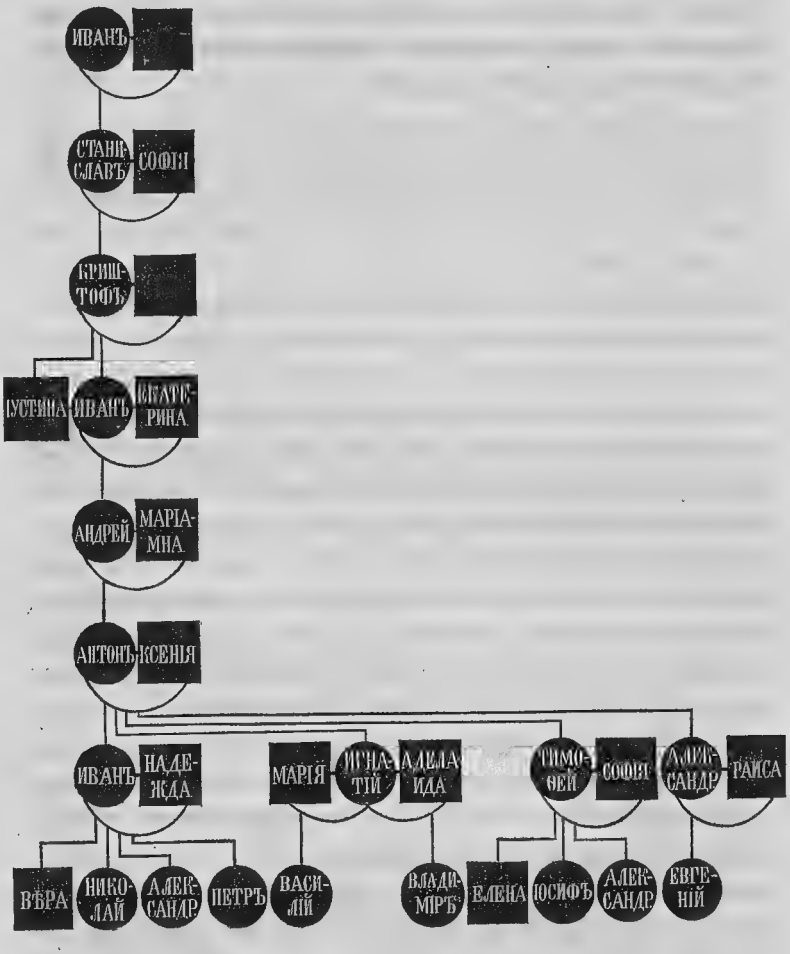
за добровольно условленную сумму одиннадцать тысячъ злотыхъ польскихъ [1], въ полученіи которыхъ и даю настоящею записью росписку. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъявляю совершенное мое согласіе на вводъ его во владѣніе тою частію села Выступовичъ, не дѣлая совершенію ввода никакого препятствія ни самъ, ни чрезъ посредство другихъ лицъ, подъ опасеніемъ взысканія по законамъ; а напротивъ того обязуюсь съ моими потомками защищать означеннаго покупщика въ судебныхъ мѣстахъ отъ всякихъ законныхъ и незаконныхъ, съ какой бы то стороны ни было могущихъ возникнуть, притязаній. Въ удостовѣреніе чего и совершена мною у дѣлъ Гродскаго Суда настоящая, добровольная, при свидѣтеляхъ собственноручно подписанная мною, продажная запись. Дано въ Овручѣ *двадцать осьмаго Сентября тысяча семьсотъ семьдесятъ четвертаго года.* Подписалъ Андрей Порай-Кошицъ. Упрошенный лично другъ и свидѣтель на сей записи подписываюсь Станиславъ Грохольскій, Войскій Русскій. Упрошенный отъ сознающаго другъ его и свидѣтель подписываюсь Михаилъ Тушовскій.» Каковая продажная запись слово въ слово въ нынѣшнія гродскія овручскія книги записана. — 1849 года Февраля 16 дня, сія копія, по поданному прошенію и состоявшейся въ 18 день истекшаго Января резолюціи, брацлавскому уѣздному доктору, Надворному Совѣтнику и кавалеру Тимоѳею Антонову сыну Порай-Кошицу выдана, которая съ книгою, Коммиссіею

[1] Польскіе злотые, извѣстные съ весьма давняго времени, сначала были, безъ сомнѣнія, золотые (Россія и проч. Булгар. Ч. Ш, стр. 227. и 228). Карамзинъ пишетъ (Ист. Гос. Рос. Т. XI. Гл. 2), что въ царствованіе польскаго короля Сигизмунда (1587—1632), 40.000 польскихъ злотыхъ составляли нынѣшнихъ серебряныхъ 54.000 р., т. е. одинъ злотый равнялся нынѣшнимъ 1 р. 35 к. сер. — Слѣдовательно 11.000 злотыхъ польскихъ, считая каждый злотый въ 1 р. 35 коп., составляютъ нынѣ на россійскую серебряную монету 14.850 рублей.

Высочайше учрежденною шнуроприпечатанною и скрѣпленною, есть вѣрна, и что въ этой книгѣ оная Коммиссія никакого замѣчанія не сдѣлала, въ томъ Овручскій Уѣздный Судъ подписомъ и приложеніемъ казенной печати, вмѣстѣ съ уѣзднымъ стряпчимъ, свидѣтельствуетъ. Подписали: уѣздный судья Постемпскій. Секретарь Скальскій. Свѣрялъ архиваріусъ Ѳедоръ Недашковскій. Подписалъ уѣздный стряпчій Гусаковскій.

Къ стр. 123.

Родословная или поколѣнная роспись лицамъ фамиліи Порай-Кошицъ.



Къ стр. 128.

Законы, на основаніи которыхъ родъ Порай-Кошицовъ утвержденъ въ потомственномъ дворянствѣ, со внесеніемъ его въ шестую часть дворянской родословной книги.

Свод. Зак. Т. IX, изд. 1842 г., о дворянствѣ.

Ст. 51. Неопровергаемыми доказательствами дворянскаго состоянія признаются: 13) Доказательства, что отецъ и дѣдъ вели благородную жизнь, или состояніе, или службу, сходственную съ дворянскимъ названіемъ. — 14) Купчія, закладныя, рядныя и духовныя о дворянскомъ имѣніи. — 15) Доказательства, что отецъ и дѣдъ владѣли деревнями. — 16) Доказательства поколѣнныя и наслѣдственныя, восходящія отъ сына къ отцу, дѣду, прадѣду, и такъ выше, сколько показать могутъ или пожелаютъ.

Ст. 57. Дворянскія Депутатскія Собранія, при разсматриваніи выписокъ и справокъ, выданныхъ изъ архивовъ присутственныхъ мѣстъ и показывающихъ, что въ самыхъ отдаленныхъ временахъ состояло недвижимое имѣніе за лицемъ, имѣющимъ одинаковую фамилію съ просителемъ, должны имѣть всегда въ виду: 1) если представляемыми справками или выписками доказываемо будетъ, что предокъ просителя владѣлъ недвижимымъ дворянскимъ имѣніемъ или землею, жалованною за службу по грамотамъ и привилегіямъ королевскимъ; то, въ подтвержде-

ніе права на владѣніе тѣмъ имѣніемъ, должны быть представлены акты, по коимъ переходило по наслѣдству къ потомкамъ имѣніе; но если оное имѣніе выбыло изъ рода, то въ семъ случаѣ должны быть представляемы копіи съ документовъ, по коимъ тѣ имѣнія перешли въ другое владѣніе; 2) кто были просителя прадѣдъ, дѣдъ и отецъ, и къ какому классу людей они принадлежали; 3) если бы встрѣтилось, что сами просители и предки ихъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, не пользовались уже правами дворянства, то таковые просители обязаны представить надлежащія доказательства, что ни они сами, ни предки ихъ, не были лишены сего достоиства силою закона.

Примѣч. къ ст. 57 Т. IX въ VII Продолж. Всѣ лица, отыскивающія дворянское достоинство по владѣнію недвижимыми имѣніями, обязаны, вмѣстѣ съ требуемыми о томъ закономъ доказательствами, представлять и точныя удостовѣренія мѣстнаго Губернскаго или Областнаго Правленія, что означенныя имѣнія дѣйствительно существовали или существуютъ въ тѣхъ мѣстахъ, въ коихъ по документамъ показаны. Правленія, выдавшія означенныя удостовѣренія, посылаютъ копіи съ оныхъ по первой почтѣ въ то мѣсто, куда удостовѣренія сіи въ подлинникѣ должны быть представлены просителями. Безъ такихъ удостовѣреній, а равно и прежде полученія копій съ оныхъ, Дворянскія Депутатскія Собранія къ разсмотрѣнію вышеупомянутыхъ дѣлъ не приступаютъ. По всѣмъ дѣламъ о дворянствѣ, начавшимся уже производствомъ какъ въ Герольдіи и временномъ ея присутствіи, такъ и въ Дворянскихъ Депутатскихъ Собраніяхъ, мѣста сіи, если просители отыскиваютъ дворянское достоинство по владѣнію недвижимыми имѣніями, требуютъ означенныя объ оныхъ удостовѣренія чрезъ Гражданскихъ Губернаторовъ или Генералъ-Губернаторовъ. Удостовѣренія сіи Депутатскія Собранія, при представленіи дѣлъ въ Герольдію, прилагаютъ въ подлинникѣ, при-

совокупляя къ онымъ, въ томъ случаѣ, когда сіи документы предъявлены самими просителями, и доставленныя съ оныхъ отъ мѣстныхъ начальствъ копіи.

Примѣч. къ ст. 232 Т. IX въ VI Продолж. Высочайше утвержденнымъ 3 Іюля 1845 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта постановлено: 1) Тѣ изъ жителей западныхъ губерній, именующихся дворянами, кои, до истеченія назначеннаго Указомъ 5 Ноября 1841 г. трехгодичнаго срока, т. е. по 1 Января 1844 г., о дворянскомъ своемъ происхожденіи документовъ не представили, и ни сами они, ни отцы ихъ и родные дѣды не владѣли, при изданіи Указа 1831 г. Октября 19, и нынѣ не владѣютъ недвижимыми населенными имѣніями, должны немедленно, безъ исключенія быть записаны въ однодворцы, или граждане, смотря по мѣсту жительства. Владѣющіе недвижимыми населенными имѣніями, но непредъявившіе доказательствъ на дворянство, должны, для разсмотрѣнія правъ ихъ на сіе достоинство, быть внесены въ особые списки, которые, на основаніи Высочайше утвержденнаго 5 Іюля 1838 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта, имѣютъ быть представлены Депутатскими Собраніями, съ мнѣніями подлежащихъ Генералъ-Губернаторовъ, въ Правительствующій Сенатъ. 2) Никакіе представленные послѣ 1 Января 1844 г. документы, хотя и подлежащіе, на основаніи общаго закона, разсмотрѣнію, не должны останавливать обращенія упомянутыхъ въ 1 пунктѣ лицъ въ сословія однодворцевъ или гражданъ и подчиненія ихъ всѣмъ правиламъ о сихъ состояніяхъ, въ законѣ постановленнымъ Дополнительные на право дворянства документы, поступившіе послѣ 1 Января 1844 г., могутъ быть принимаемы, по принадлежности, о тѣхъ только лицахъ, коимъ рѣшеніе о неутвержденіи ихъ въ дворянствѣ объявлено послѣ 1 Января 1844 г.; отъ нихъ означенные документы принимаются, въ теченіе трехъ лѣтъ со дня объявленія первоначальнаго рѣшенія.

Ст. 1479. Родословныя книги раздѣляются на шесть частей. Въ шестую — вносятся древніе благородные дворянскіе роды [1].

[1] Въ Дворянской Грамотѣ, изданной 21 Апрѣля 1785 г., положительно сказано, что древніе благородные роды суть тѣ, коихъ доказательства дворянскаго достоинства за сто лѣтъ и выше восходятъ; благородное же ихъ начало покрыто неизвѣстностію (Полн. Собр. Зак. Рос. Имп. Т. XXII. № 16187). — А срокомъ исчисленія столѣтія, присвояющимъ право на внесеніе дворянскихъ родовъ въ шестую часть родословной книги, принимается время изданія означенной Грамоты 21 Апрѣля 1785 г., на основаніи примѣч. 2 къ ст. 1479 Т. IX, изд. 1842 г., въ XV Продолж. Часть I.

Къ стр. 114—120.

Приблизительное вычисленіе лѣтъ, прожитыхъ послѣдовательно каждымъ членомъ фамиліи Порай-Кошицъ въ пяти колѣнахъ по прямой нисходящей линіи, начиная отъ родоначальника Ивана до потомка его Антона включительно (1550—1836 г.)

Первое колѣно.

1590—1665 г.

Подписанный 5 Февраля 1665 г. Станиславомъ, сыномъ Ивана, Порай-Кошицомъ завѣщательный актъ [1], заключающій въ себѣ отказъ недвижимаго вотчиннаго имѣнія въ двухъ селахъ — Выступовичахъ и Великомъ Селѣ — сыну его Криштофу, удостовѣряетъ, что кончина Станислава послѣдовала въ томъ же 1665 г. А какъ, по собственному его сознанію, онъ, при подписаніи этого акта, обремененъ былъ уже глубокою старостію, то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что, въ послѣднія минуты жизни Станислава, ему было уже не менѣе 75 лѣтъ, и посему рожденіе его могло произойти около 1590 г. — По такому вычисленію времени рожденія Станислава, и самое рожденіе отца его, Ивана, восходитъ къ началу второй половины XVI столѣтія, и жизнь его могла простираться за предѣлы того столѣтія.

---

[1] См. выше стр. 122 и Прилож. къ Отд. III стр. 155.

Второе колѣно.

1640—1710 г.

Сдѣланный Станиславомъ Порай-Кошицомъ отказъ всего помянутаго имѣнія въ непосредственное владѣніе сына его, Криштофа, безъ участія опеки, ведетъ къ заключенію, что Криштофъ, во время смерти отца своего, былъ уже совершеннолѣтнымъ дворяниномъ [1] и, по соображенію, имѣлъ около 25 лѣтъ отъ роду. Принявъ во вниманіе это обстоятельство, какъ равно и то, что завѣщаніе самого Криштофа было написано и явлено гдѣ слѣдуетъ въ 1710 г. [2], можно заключить, что Криштофъ родился около 1640 г., и что смерть пресѣкла дни жизни его, какъ и отца, также въ лѣтахъ преклонныхъ, почти на 70 году отъ рожденія.

Третье колѣно.

1700—1763 г.

По прошествіи болѣе 26 лѣтъ отъ кончины Криштофа, сынъ его, Иванъ, введенъ во владѣніе родовымъ недвижимымъ имѣніемъ — частію села Выступовичъ, — и при томъ не одинъ, а вмѣстѣ съ малолѣтнымъ сыномъ своимъ, Андреемъ, о чемъ и составленъ былъ Вознымъ 20 Октября 1736 г. вводный актъ [3]. — Если предположить, что Иванъ Порай-Кошицъ, во время смерти отца своего Криштофа, послѣдовавшей въ 1710 г., имѣлъ по меньшей мѣрѣ отъ 6 до 10 лѣтъ, и если посему самое рожденіе его отнести

---

[1] Требуемый Литовскимъ Статутомъ Разд. 6 артик. 1 возрастъ для совершеннолѣтія мущины начинался съ наступленіемъ 19, а для совершеннолѣтія женщины съ наступленіемъ 14 года отъ рожденія.

[2] См. выше стр. 158.

[3] См. выше стр. 122 и 161.

къ первымъ годамъ XVIII вѣка, то не подлежитъ сомнѣнію, что, при вводѣ его во владѣніе частію села Выступовичъ, онъ имѣлъ уже около 36 лѣтъ отъ рожденія. А какъ, сверхъ того, метрическою книгою сообщается положительное свѣдѣніе, что 3 число Декабря 1763 г. было днемъ его кончины, то очевидно, что поприще земной жизни Ивана простиралось за предѣлы 62 лѣтняго возраста.

Четвертое колѣно.

1722—1799 г.

Изъ вышеприведеннаго, составленнаго въ 1736 г. вводнаго акта видно, что прибытіе Вознаго въ село Выступовичи, для совершенія ввода во владѣніе имѣніемъ, было слѣдствіемъ совокупнаго требованія какъ самаго владѣльца, Ивана, такъ и сына его, Андрея. Такое дѣйствіе, обнаруживавшее въ Андреѣ сознаніе того дѣла, для котораго потребованъ былъ Возный, показываетъ, что Андрей былъ уже тогда въ возрастѣ отъ 14 до 16 лѣтъ, и посему время рожденія его можно отнести 1722 году. Если принять къ тому-жъ въ соображеніе день кончины Андрея, положительно опредѣленный, по указанію метрической книги, 1 числомъ Марта 1799 г., то окажется, что продолженіе всей жизни его восходитъ далѣе 75 лѣтъ.

Пятое колѣно.

1763—1836 г.

Сынъ Андрея, Антонъ Порай-Кошицъ, родился 3 Іюля 1763 г., а 10 числа того жъ мѣсяца совершено надъ нимъ св. крещеніе и мyропомазаніе въ приходской церкви села Каменнаго Брода, гдѣ онъ провелъ начало своей жизни. А какъ смерть прекратила мирную на земномъ поприщѣ дѣятельность Антона 2 Октября 1836 г., то жизнь его продолжалась 73 года, 2 мѣсяца и 29 дней.

ОПЕЧАТКИ.

на страницѣ:	*въ строкѣ:*	*напечатано:*	*слѣдуетъ читать:*
5	6	826	862
19	2	удальніемъ	удаленіемъ
20	28	пріемникахъ	преемникахъ
30	8	объстоятельствахъ	обстоятельствахъ
31	21	соединеніе, Литвы	соединеніе Литвы
33	29	подекарбіевъ	подскарбіевъ
35	1	Королевствѣ	Королевствѣ
35	21	достоиствами	достоинствами
39	1	Литовкаго	Литовскаго
49	13	грждансkихъ	гражданскихъ
51	22	слажбу	службу
58	9	подкормскомъ	подкоморскомъ
67	25	виднѣласъ	виднѣлась
76	31	обществъ	обществъ
91	12	Мартынъ	Мартинъ
96	12	Обще	Общее
107	11	сохраняли	сохранили
128	12	законами	закономъ
136	1	мину ли	минули
170	12	достоиства	достоинства